

ISSN 0131-2596

ОХОТМА

и охотничье хозяйство

7

2007

2007
7-12

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

На первой и второй страницах обложки:
Для охотника главное — иметь хорошую рабочую собаку.

Русский охотничий спаниель Дана, чемпион выставки, владелец И. М. Карелин

Фото В. Животченко

Восточно-сибирская лайка Тобол, чемпион породы, владелец А. А. Савилов

Фото В. Животченко

Английский сеттер — одна из наиболее широко распространенных в России пород легавых собак

Фото И. Пожарова

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

На четвертой странице обложки:
Лисица обитает в самых разных ландшафтах почти на всей территории России, за исключением некоторых районов севера

Фото А. Назарова

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

ВОЗРОДИТЬ ДУХ

В. МАЛЬЦЕВ, эксперт-кинолог

ОХОТНИЧЬЕГО СОБАКОВОДСТВА

19 декабря 2003 года в Москве состоялась Всероссийская отчетно-выборная конференция Общероссийской общественной организации «Федерация Охотничьего Собаководства» (РФОС). Внесены изменения и дополнения в Устав РФОС, избран Президиум, руководящие и иные органы РФОС. Ознакомившись с документами конференции, собаководы г. Тюмени и других городов области поняли, что развал отечественного охотничьего собаководства продолжается.

А дело вот в чем. До 1990-х гг. в СССР существовало охотничье собаководство, служебно-спортивное и декоративное собаководство. По этим видам собаководства разрабатывались необходимые документы, которые утверждались Главным Управлением по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйствам МСХ СССР. Звания экспертов присваивались раздельно по породам и испытаниям охотничьих собак; по породам и испытаниям спортивно-служебных собак и по породам декоративных собак.

Всю работу по охотничьему собаководству вел «Росохотрыболовсоюз» (РОРС). Была создана стройная система племенной работы с породами собак, подготовлены кадры экспертов, и наши собаки получили признание во всем мире.

Когда начались «великие преобразования» и собаки оказались никому не нужны, предприимчивые люди смекнули, что из этого дела можно получить большую выгоду. Ведь есть же международная кинологическая организация (ФЦИ) коммерческого толка, которая неплохо живет, устраивая шоу. У нас тоже создали Российскую кинологическую Федерацию (РКФ), которая объединила спортивно-служебное и декоративное собаководство (РФСС и РФДС). Теперь уже предприимчивые люди из РОРСа создали Общероссийскую общественную организацию «Российская Федерация охотничьего собаководства» (РФОС). Эта организация

и должна вести всю племенную и иную работу по охотничьему собаководству. Казалось бы, что тут плохого. Но дело в том, что РФОС на униженных условиях вошла в состав РКФ, а та, в свою очередь, вошла в ФЦИ, и тоже на униженных условиях. Это будет понятно, если ознакомиться с уставами этих организаций. И самое интересное, что это безобразие произошло без ведома охотников.

В марте 1996 г. Ассоциация «Росохотрыболовсоюз» в Москве собрала семинар штатных кинологов областных и краевых охотничьих обществ (присутствовали и некоторые председатели этих обществ), чтобы поведать о союзе РФОС-РКФ-ФЦИ. Время было трудное, и организаторы семинара, видимо, надеялись, что многие не приедут. Но охотники уже были наслышаны об этом, и приехали кинологи из 36 регионов, от Смоленска до Иркутска. Люди, совершенно не знакомые друг с другом, но одинаково преданные отечественному охотничьему собаководству, сказали дружно: нет!

Умудренные опытом охотники, кинологи задавали руководителям РФОС насущные вопросы и не получали вразумительных ответов. Все были в шоке.

Резолюция собрания была принята на другой день, когда все участники разошлись, и не отражала характера дебатов. Позже, в апреле, в работе Центрального Правления РОРСа никаких возражений не прозвучало. Дорога к объединению с РКФ была открыта.

Интересно объясняют свое поведение руководители РФОС: «Учитывая необходимость дальнейшего совершенствования и в связи с тем-то и тем-то...» и т. д. Это не что иное, как отговорка.

В докладе первого вице-президента РФОС на конференции прозвучало, что РФОС является одним из соучредителей РКФ, которая объединила любителей всех пород, и что после вступления РКФ в 1995 году в Международную кинологическую федерацию (ФЦИ) произошло международное признание отечественной кинологии. Вот так! Ни меньше ни больше! Русские псовые борзые, гончие, лайки — это гордость России, и нам ли идти в РКФ, ФЦИ с просьбой признать нас.

Так чем же не устраивает охотников пирамида ФЦИ-РКФ-РФОС? А тем, что нам придется изменить всю систему ведения документации, в которой дух охоты и охотничьего собаководства от-

сутствует. Наши документы не признаются РКФ. Необходимо всех собак перерегистрировать. Документы на собак будут выдаваться только РКФ. Вначале выписывается документ на щенка, а когда повзрослеет, выписывается документ на взрослую собаку. Если учесть, что в Ассоциации «РОРС» насчитывается более 100 тысяч собак, можно представить, какие деньги будут собраны только РФОС. Деньги — вот основная цель создания этой пирамиды! Что плохого в том, что «Справку о происхождении охотничьей собаки» выписывали кинологи охотничьих обществ или клубы охотничьих собак, а после участия собаки на выставке выписывалось «Свидетельство на охотничью собаку». По стоимости эти услуги охотнику обходились недорого. Никакого мошенничества с документами быть не могло, так как вся документация велась открыто и любой охотник мог проверить правдивость документов. Выставки охотничьих собак превращались в праздник. Шел обмен опытом работы, выявлялись племенные производители, завязывались новые знакомства охотников и т. д. Всех интересовал вопрос, кто будет «Чемпионом» выставки, и завидовали белой завистью владельцу «Чемпиона». «Чемпион» определяется исходя из рабочих качеств, оценок за породистость, за потомство и происхождение. Таким образом, экстерьер не является определяющим. Вряд ли охотник-гончатник будет держать выжлеца, который гонит в пята или с уверенным гоном идет по следу домашней коровы.

Таежные охотники неделями и месяцами живут в тайге, часто попадают в экстремальные ситуации, и без рабочей лайки им не выжить. Ясно, что охотников не интересует «лучший представитель породы», который определяется на шоу-выставках. Охотнику, если он охотник, не пристало красоваться на подобных шоу. Для него главное — иметь рабочую собаку, пусть даже с оценкой экстерьера «очень хорошо» и даже «хорошо». На выставках шоу таких собак могут и не допустить. Так нужны ли охотникам такие правила?

Эксперты, проработавшие с охотничьими собаками десятки лет, не имеют права работать на рингах или испытаниях без переквалификации в РКФ. Что может быть глупее?

Эксперты РКФ могут судить 5-10 лет пород собак. Есть даже звание «эксперт

охота

и охотничье хозяйство 7 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.

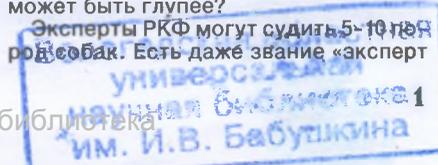
Созан общества охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Всесоюзной категории по всем породам собак». Любопытно бы понаблюдать за работой такого «эксперта» на ринге лаек, например, в г. Сургуте. Думается, что ничего, кроме позора, эксперт бы не увез.

Н.Б. Полузаров, уважаемый эксперт, большой знаток лаек и отличный охотник, на вопрос, одинаково ли хорошо он знает все породы лаек, подумав, сказал: «Пожалуй, нет».

Мы просим понять нас правильно. Мы уважаем экспертов, любителей спортивно-служебного и декоративного собаководства, уважаем их питомцев и от всей души желаем им больших успехов. Но цели и задачи наших федераций совершенно разные, следовательно пути решения тоже разные. О каком «тесном сотрудничестве» может идти речь? РФОС должен работать самостоятельно, исходя исключительно из своих интересов.

Как же работают охотничьи организации в Европе? Журнал «Охотничьи собаки» часто публиковал статьи экспертов-кинологов (К. Горб, О. Львов и другие) о работе Кинель-клубов, Клубов породы и т. п. Ясно, что эти организации не подчиняются никакому международному органу, а ведут всю работу самостоятельно, исходя из интересов охотников. Это ли не пример для подражания? В настоящее время РФОС не требует безоговорочно выполнять рекомендации РКФ. Но это временное затишье, и вот почему. Просматривая списочный состав органов управления РФОС, можно заметить, что г-н Е.Л. Ерусалимский, в недавнем прошлом первый руководитель РКФ, входит в состав Президиума РФОС, в бюро Президиума РФОС, является председателем комиссии по стандартам и ВКК по аттестации экспертов РКФ. Думается, что «перспектива» видна невооруженным глазом.

Конечно, в руководящие органы избраны и достойные эксперты, которых знают все охотники России — это С.Д. Войлочникова, Л.А. Гибет, Г.В. Зотова и др. Приходится надеяться лишь на них и небольшую группу людей, которые преданы охотничьему собаководству.

Неопределенность и разногласия в охотничьем собаководстве порождают всевозможные противоречия в «Обществах» и «Клубах».

Некогда дружную команду Свердловского областного ООИП сегодня раздрают противоречия. В Тюменской области пока спокойно, видимо благодаря этому наша команда на Всероссийской выставке лаек в 2004 году в г. Каменец-Уральске заняла I место. Но мы работаем по правилам, которые действовали до 1995 года.

Хочется верить, что руководство РФОС найдет в себе мужество отмежеваться от РКФ и будет осуществлять свою деятельность самостоятельно и тем самым сплотит вокруг себя экспертов-кинологов и всех любителей охотничьего собаководства.

Школа охоты

М. КАЛИНИН

На крутом спуске лыжи несли очень быстро, только ветер свистел в ушах. Проскочив последние сосны, Сережа выехал на болото. Дальше лыжня шла по ровному месту, и паренек размахистыми шагами побегал к следующему испытанию. Ему предстояла повторная стрельба, теперь из винтовки. С первой стрельбой из двустволки он не справился. Брошенный снежок улетел не пораженным. Вот и поляна — стрельбище. Теперь надо выстрелом из малокалиберки попасть в фанерный профиль тетерева-черныша. Шеф (как ребята звали преподавателя) передал Сереже винтовку и предупредил, что на выстрел ему отводится одна минута. Но где же «дичь»? Сережа быстро оглядел близстоящие деревья. Пусто! «Остаётся полминуты!» — голос шефа.

Кажется, вон там, в густом сплетении основных ветвей. И грянул выстрел. С сосны посыпался снег и сиротливо упала шишка. «Тетерева» там не оказалось. «Ты что же, забыл, что тетеревиные птицы зимой зарываются в снег, в лунки? Вон твой тетерев!» Только тут, переведя глаза с деревьев на землю, Сережа заметил около можжевельного куста черную голову с красными бровями. После второй неудачи в стрельбе рассчитывать на успех в охотничьем биатлоне уже не приходилось. За вечерним чаем был произведен подробный разбор соревнований. Кто-то «загрел» на спуске, кого-то подвели лыжи, кого-то стрельба, кто-то проглядел двухчетку куницы... Всем досталось «на орехи». Так проходили зимние каникулы кружка «Юный следопыт-охотник» Ленинградского Дворца пионеров (ныне Дворец творчества юных).

Ленинградский Дворец пионеров! Как много он делал (и сделал!) для юношества страны! Сколько талантов выпестовали его преподаватели, тренеры, воспитатели! Разнообразные отделы: техники, художественный, физкультуры, натуралистический и др. отвечали всем интересам школьников. Так, например, в натуралистическом отделе, помимо различных кружков сельскохозяйственного направления (овощеводство, цветоводство, плодородство и др.) были кружки энтомологии, гидробиологии, собаководства и кружок «Юный следопыт-охотник». Долгих 15 лет я вел этот кружок под заманчивым для ребят названием. Они знакомились не только с миром охоты, но и с жизнью родной природы. Главная цель: через познание полюбить природу, а значит заботиться о ней и беречь ее. Ведь именно это и является главным, определяющим в понятиях «правильный охотник», «правильная охота».

Еще когда я вел на Ленинградском телевидении детскую программу передач о природе, я отчетливо уяснил себе, что нельзя рассказывать «на пальцах», надо показывать живую природу. Поэтому рассказы в классе обязательно подтверждались воскресными выездами за город. Мы доезжали до конечной остановки автобуса или трамвая и шли в пригородные поля и рощи, где знакомились с жизнью диких животных. Находили след и, упорно разбирая звериные хитрости, тропили лисицу, хорька или зайца. Иногда удавалось полюбоваться лисицей, стронув ее с лежки. А вот тропление хорьков всегда заканчивалось одним и тем же:

Стрельба из винтовки

след приводил нас к какому-нибудь сараю или курятнику и скрывался там. С русаками было проще. Часто поднимали зайца, затаившегося под каким-нибудь ящиком или другим предметом хозяйственного обихода. Один раз даже под брошенной железной кроватью. На куртинах бурьяна любовались чечетками, щеглами, зеленушками. Однажды видели диковинных белых птичек. Это были пуночки — арктические гости.

На каникулы отправлялись в далекие экспедиции. Благо обширные пространства Ленинградской, Новгородской, Псковской областей и Карельский перешеек предоставляли такие возможности. Дворец пионеров субсидировал такие выезды. Весенние каникулы, как правило, проводили в поис-

выступали два английских сеттера профессора Александра Васильевича Гавемана. За Ленинград — Всесоюзный чемпион Искра Алексея Алексеевича Ливеровского и Нора — англичанка Модеста Владимировича Калинина. Закаленные постоянной охотой, ленинградские собаки победили московских красавцев. Приехавшие профессора провели с ребятами содержательные беседы.

Мальчики каждый день ходили на рыбалку, за грибами, за ягодами, что составляло существенную прибавку к столу. 19 августа — Яблочный Спас — был наречен охотничьим праздником. В этот день готовили дичь, грибы, пекли яблоки. Часто бывал огромный черничный пирог. Этот праздник завершал лето. Пора в город, скоро в школу.

принесли пестрое перышко, чем повергли маститого ученого в смущение. Он попросил день на раздумье, чем, в свою очередь, поверг в смущение нас. Обычно ответ следовал незамедлительно. Через день Константин Алексеевич ответил, что это перо не может принадлежать ни одной местной птице. Так оно и было. Это было перышко цесарки, привезенной дачниками в соседнюю деревню.

Особенно содержательными были экскурсии с Алексеем Сергеевичем Мальчевским. Этот «птичий кудесник» мог собственным голосом и свистом подманывать птиц; будто чутьем находил потаенные гнезда. Алексей Сергеевич шефствовал над кружком и в городе. По его предложению был приобретен портативный магнитофон для записи голосов природы.

Летом проводили охотничий биатлон: бег по пересеченной местности. Обязательно в прохождении дистанции включали плавание и греблю на лодке. Крепкая связь с обществом охотников давала возможность пользоваться охотничьими базами. Общество охотников поддержало нашу инициативу по созданию юношеской секции. Ребята учились заряжать патроны, часто ходили на стэнд наблюдать за стрельбой ведущих мастеров спорта. При весьма ограниченных возможностях, но при горячем отношении к делу в кружке выросло много прекрасных стрелков, перворазрядников и даже чемпион спартакиады профсоюзов мастер спорта Сергей Беляев.

Некоторые кружковцы серьезно увлеклись охотничьим собаководством, а некоторые стали судьями, экспертами-кинологами. Многие кружковцы избрали биологию своей специальностью, а Александр Андреев стал известным орнитологом, доктором биологических наук. Кандидатами наук стали многие кружковцы. Через кружок «Юный следопыт-охотник» прошли сотни ребят. Они познакомились и полюбили родную природу. Никто из них не назовет сосну елкой, не спутает трясогузку со златогузкой. Это главный результат работы кружка «Юный следопыт-охотник».

Матч легавых Москвы и Ленинграда. Сидят А.А. Ливеровский (в кепке) и М.В. Калинин. Справа налево собаки: Искра, ирландский сеттер; два английских сеттера А.В. Гавемана, Нора, английский сеттер М.В. Калинина

ках глухариных токов. Этому предшествовала тщательная подготовка: смолели лыжи (ведь в марте часто наступают оттепели и снег становится мокрым); подгоняли одежду и обувь, проверяли оптику и оружие; закупали по индивидуальным спискам продукты. Обычно уезжали в самые глухие места, где не было магазинов, а иногда и населения.

Во время краткосрочных позднеосенних праздников выезжали на посадку (посев) канадского риса на лесных озерах. Подновляли и развешивали дуплянки и скворечники. С особой радостью ждали летних каникул, когда уезжали в Псковскую область, в район Великих озер (Чудского, Теплового, Псковского). Жили в большой шатровой палатке. Двадцать четыре часа на свежем воздухе! На полном самообслуживании. Каждый день в 6 часов утра дневальный начинал готовить завтрак и в 8 часов «играл побудку». Все ребята имели персональные задания. Были орнитологи, териологи, энтомологи и даже герпетолог.

Охотились с моими английскими сеттерами, что давало незабываемые впечатления. Был устроен даже матч легавых Москва-Ленинград. За Москву

Подводили результаты розыгрыша трех главных призов: самый меткий выстрел; самая крупная пойманная рыба; лучший дневальный. Случались забавные эпизоды. Ребята, найдя красивое перышко, обычно обращались к Константину Алексеевичу Юдину, известному орнитологу, который проводил лето в нашей деревеньке. Однажды

Кратковременный привал

Середина лета

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Среди буйства трав проступили большие сиреневые пятна цветущего кипрея. Там, где когда-то прошли лесные пожары, море этих цветов. Вокруг гуденье пчел.

Молодой лось кормится в кипрее. Его насторожили щелчки фотоаппарата. Не знает, бежать или не бежать от этих необычных для леса звуков.

Вокруг кипрея другие июльские травы. По густоте и мощи не отстают от него. Борщевик высотой как молодое дерево. Сколько звериной и птичьей молодежи скрывают травяные заросли. Но, случается, и они покажут кого-нибудь из своих обитателей. Зайчонок смотрит в большой глаз объектива.

Середина лета. Многие птицы выкормили птенцов и начинают кочевки. Щеглы щеголяют яркими одеждами.

У чомги молодые птицы открыто плавают по озеру. Видимо, в случае опасности уже могут хорошо нырять.

А в лесу все живое старается прятаться. Только слепни и комары встречают с великим восторгом.

Не будем пускаться в затейливость

О. ГУСЕВ

Трофей, добытый с помощью фотовыстрела по живому зверю

Фото С. Тишкевича

В этом году в первом номере нашего журнала была опубликована статья А. Данилкина «Трофейная охота: проблемы и перспективы».

Алексей Алексеевич Данилкин — доктор биологических наук, профессор, автор более 200 публикаций, в том числе 7 фундаментальных монографий о диких копытных животных в охотничьем хозяйстве нашей страны, один из ведущих ученых в области биологических основ охотничьего хозяйства.

В названной выше статье им дан глубокий и всесторонний анализ состояния трофейной охоты, научно обоснованы перспективы ее развития. С его выводами и предложениями мы готовы согласиться, за исключением, пожалуй, одного.

«Всех охотников, способных восхищаться красотой и гармонией природы» А. Данилкин призывает начать жить по правилам «гуманной трофейной охоты», отказаться от убийства трофейного животного. Результатом такой охоты является повешенная на стену «своя фотография с уникальным трофеем», а временно обездвиженный владелец реального трофея, очухавшись, удаляется восвояси.

Что тут сказать? Охотники никогда не станут последователями такой «гуманной

трофейной охоты», они никогда не откажутся и не смогут отказаться от добычи зверей и птиц, так как тогда они перестанут быть охотниками. Они и стали охотниками именно потому, что любят охотиться, природу и восхищаются ее красотой.

И второе! Если «охотник» идет на «охоту» только для того, чтобы сфотографироваться на фоне трофея на обездвиженной голове обездвиженного животного, так не лучше ли ему обзавестись хорошим телевиком и добывать свои «трофеи» с помощью фотовыстрела по живому зверю?

Другой уважаемый ученый, биолог-охотовед Сергей Александрович Корытин, тоже доктор и профессор, удостоенный в нашем журнале места в рубрике «Выдающиеся отечественные охотоведы», также ратует за «охоту» без убийства.

«Теперь нужно изобрести ружье, — пишет он, — выстрел которого сшибает, а не убивает птицу. Роль дробы будет выполнять низковольтный или какой-то другой импульс, вызывающий мгновенное расстройство вестибулярного аппарата или двигательных центров у животного. Птица падает, но вскоре приходит в себя и улетает... С изобретением такого ружья проблема гуманизации охоты почти решена» (С. Корытин, «Звери и люди», Вятка, 2002).

Предложение сшибать птицу не убивая ее — очень странное и загадочное недоразумение. Представим себе быстро летящую над лесом птицу, которая, будучи «сшибленной», падает, ломая шею и крылья о ветви и стволы деревьев, а при отсутствии таких помех со всего разгона врезается в земную твердь. Такая стрельба по живым мишеням, стрельба ради стрельбы, представляется чем-то кощунственным, отталкивающе-противоестественным, никакого отношения к охоте не имеющим. Такую «охоту» ненавистники охотников и охоты будут иметь полное право назвать злой и жестокой потехой, праздной и бессмысленной забавой.

* * *

До последнего времени против убийства животных на охоте выступали маргинальные секты зеленых, отстаивающие «естественные права» «всех видов живых существ» на Земле: право на счастье, право на достоинство, право на справедливую долю благ, право на свободу животных от ответственности перед человеком и т.д. и т.п. Отвечая этим «борцам» за права животных, С. Ковалев пишет: «То, что эти критики охоты вспоминают о правах животных — либо ханжество, либо глупость. Никаких прав у животных нет и быть не может, потому что главная

характеристика права — равноправие. А ведь и вошь — животное, и глисты, которых мы гоним, и комары, которых бьем, и теленок, которого едим. Так что не будем трепаться о правах». (Правозащитник Сергей Ковалев, «Прав у животных нет и быть не может». «Неделя», 8 сентября 2006 г. («Известия»).

Нужно говорить не о правах животных, а об ответственности человека за судьбу биосферы, за сохранение биологического разнообразия, за воспроизводство и рациональное использование природных, в том числе охотничье-промысловых ресурсов, за истинно гуманное отношение к животным...

* * *

Есть хорошие люди, которые искренне стремятся следовать заповеди «Не убий!». Они думают, что если они вегетарианцы, если они «никого не едят», то в нашей земной жизни они могут обойтись без убийства животных.

Лев Николаевич Толстой в молодости был горячим охотником, ему приходилось вступать в рукопашную даже с медведем. С возрастом, в пожилые годы, когда ему свое «тело надоело» и когда он «без отращения не мог смотреть на мясное блюдо на столе», он стал вегетарианцем — не ел мяса, а затем и веганом — не ел мяса и яиц и не пил молока. И свято ве-

рил, что соблюдает заповедь «Не убий!». Но как-то, гуляя в окрестностях Ясной Поляны, он вдруг увидел и осознал, что каждая его прогулка по лесу приводит к гибели множества живых существ: муравьев, гусениц, жуков, улиток... и тогда он понял, что заповедь «Не убий!» — утопия: «Когда ходишь, нельзя обойтись не топчя муравьев» (Л. Толстой).

А задумывался ли кто-нибудь еще из «никого не едящих», какое множество животных уничтожается на полях при возделывании почвы для выращивания их вегетарианской пищи, сколько земляных червей и других живых существ, обитающих в траве, на почве и в почве, гибнет и калечится под их лопатами и граблями, когда они ухаживают за садом и огородом?

* * *

Бог сотворил человека разумным, но, увя, люди пустились в большую затейливость — так, или почти так, сказано в Библии.

Нужно трезво оценивать реалии жизни, не идеализировать ее, не мечтать о том, чего никогда не будет, не пытаться изменить то, что в обозримом будущем изменить невозможно.

Внедрение в жизнь предложений наших маститых ученых привело бы к исчезновению как самой охоты, так и охотничье-

го хозяйства. Охотничье хозяйство — одна из сфер материального производства, сфера воспроизводства природных ресурсов, а охота — последнее, завершающее звено охотхозяйственного производства. Можно сказать и так: охота — это сбор урожая. Необходимость ежегодного сбора урожая в охотничьем хозяйстве ни у кого не вызывает сомнения: численность популяции должна приводиться в соответствие с кормовой емкостью угодий. Без добычи охотничье-промысловых животных нет и не может быть ни охоты, ни охотничьего хозяйства, так же как без сбора урожая нет и не может быть сельского хозяйства.

Друг нашего журнала, хороший писатель и прекрасный человек, борец за доброе имя охотника Олег Васильевич Волков сказал предельно кратко и точно: «Все наше питание — сплошное убийство».

Я скажу так: чтобы никого не убивать — надо не жить.

Предлагаем вниманию читателей статью Е. Берестовского «Охотничий и рыболовный туризм: две стороны одной медали», в которой обсуждаемая проблема рассматривается более широко, так как подобные коллизии стали присущи и спортивному рыболовству, и рыболовному туризму.

Охотничий и рыболовный туризм: две стороны одной медали

Евгений БЕРЕСТОВСКИЙ, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории ихтиологии Мурманского морского биологического института Кольского научного центра РАН

Евгений Генрихович Берестовский

Фото А. Войнило

Поскольку в последнее время мне часто приходится сталкиваться с некоторыми негативными последствиями экспансии международного рыболовного туризма, я с большим интересом взялся читать в журнале «Охота и охотничье хозяйство» 2007/1 совершенно правильную, честную и объективную статью профессора А. Данилкина «Трофейная охота: проблемы и перспективы». Для меня, профессионального ихтиолога, рыболова и охотника, совершенно очевидно, что охотничьи «блячки», о которых пишет автор, мало чем отличаются от рыболовных. Однако вот этот абзац из его статьи меня удивил:

«Отдаленное будущее, на мой взгляд, — за трофейной охотой без изъятия зверей из природы, что возможно посредством их временного обездвиживания. На стену охотник вешает не чучело убитого им животного, а свою фотографию с уникальным трофеем, который остался жить в природе со специальной меткой или с космическим радиопередатчиком. В последнем случае возможно в течение одного-трех лет получать сообщения на персональный компьютер или сотовый

телефон обо всех перемещениях вашего «крестника». Эти сведения интересны не только для охотника, но и очень ценны для науки и охотничьих хозяйств. Промеры зверя и трофеи, сделанные на месте охоты в присутствии проводников, можно было бы включать в специальные «белые» страницы «книг рекордов». К такой гуманной трофейной охоте я призываю всех охотников, способных восхищаться красотой и гармонией Природы, способных осознать, что утрата лучшего и уникального генфонда невозможна!»

Когда знакомый зоолог пару лет назад сообщил мне, что есть ученый, который предлагает вот такую «гуманную охоту», я, воспитанный на произведениях Аксакова, Сабанеева и Пришвина, честно говоря, отнесся к этому известию скептически и саркастически. Теперь же, увидев воочию то, о чем пишет крупный и авторитетный ученый, хочу выступить с предостережениями, поскольку в аналогичную коммерческую ловушку уже давно попало спортивное рыболовство и основанный на нем рыболовный туризм.

Начну с того, что в преддверии Международной конференции «Устойчивое развитие: природа — общество — человек», проходившей в Москве 5-6 июня 2006 г. под эгидой Министерства природных ресурсов РФ, был объявлен конкурс работ на тему: «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды — стратегия устойчивого развития России в XXI веке».

Обобщив достоверные материалы по вопросам рыболовного туризма и различным аспектам лова рыбы по принципу «поймал-отпустил» и взяв за основу статьи, опубликованные в журналах «ОХОТА» 2005/12 («Горькие плоды рыболовной «интурвенции»), «Спортивное рыболовство» 2006/3 («Рыболовный вандализм и его сервисное обслуживание») и «Рыбные ресурсы» 2006/1 («Гордиев узел семужьих проблем»), в газете и на сайте «Рыбак рыбака» 2005/49 («Не хватайте семгу грязными руками»), я представил на этот конкурс свою работу «Морально-этические и биологические аспекты рекреационного рыболовства», которая была удостоена поощрительного диплома за подпись министра природных ресурсов России Ю. Трутнева. В аннотации к этой аналитической работе говорится:

«На примере иностранной рыболовной экспансии семужьих рек Кольского полуострова показаны негативные последствия агрессивного вторжения инородного менталитета в сферу традиционного отечественного природопользования. Приводятся многочисленные научные факты, свидетельствующие о том, что навязываемая нам зарубежными рыболовными менеджерами американская модель рекреационного рыболовства, основанная на принципе «поймал-отпустил», является скрытой формой сверхэксплуатации семужьих популяций, которая ведет к

деградации уникальных диких стад атлантического лосося, как это уже произошло в тех странах Америки и Западной Европы, где практикуется такой лов. При этом ангажированная рыболовными менеджерами наука проводит исследования и систематизацию данных таким образом, чтобы минимизировать расчетную величину смертности выпущенной рыбы и этим доказать, что пропагандируемый принцип «поймал-отпустил» является лишь невинной, но зато высокооходной забавой. И успешно «обосновывает» под эту «забаву» максимальные квоты, ведь каждый процент, приплюсованный к выживаемости, означает сотни «подарочных» рыб для «клиентов».

С точки зрения нашего национально-менталитета, лов рыбы по принципу «поймал-отпустил» является глубоко аморальной и бесстыжей формой отношения к Природе и глумлением над плодами ее труда. Это коммерческое изобретение изначально относится к американскому развлекательному бизнесу, а вовсе не к РЫБАЛКЕ в ее традиционном понимании. В нашем Отечестве РЫБАЛКА и ОХОТА — это естественные формы слияния человека с Природой в стремлении реализовать свой древнейший инстинкт охотника и добытчика. Мотивацией же лова рыбы по принципу «замучил-выкинул» служат низменные желания истязателя, и подпадаю эти действия под статью российского УК о жестоком обращении с животными.

Чтобы не оказаться «у разбитого корыта», следует аргументированно развенчать миф о гуманности принципа «поймал-отпустил», бездумное насаждение и реализация которого ведет к развитию негативных тенденций в психологии рыболовов «традиционной ориентации» и искажению понятия РЫБАЛКА, и запретить этот вандализм на нашей национальной территории, как это уже было сделано в ряде стран, пекущихся о благополучии своей икhtiофауны.»

Если немного подробнее, то рыболовный туризм, основанный на принципе «поймал-отпустил», ничего, кроме бед для местного населения и диких популяций рыб, не несет, в чем смогли убедиться и в Америке, и в Западной Европе, где этот бизнес теперь базируется преимущественно на коммерческом разоразведении, поскольку дикую рыбу там под ангажированный псевдонаучный шумок и с помощью «поймал-отпустил» уже благополучно прикончили. Совершенно очевидно, что этот принцип является очень удобной ширмой для сверхэксплуатации икhtiофауны с целью наживы, а основу «клиентуры» на экспроприированных под коммерческий лов семужьих реках составляют зарубежные и отечественные плебеи, подсевшие на рыболовную иглу и привыкшие ловить рыбу без всяких ограничений. Как и в каждой экологической диверсии, здесь есть заказчики, исполнители, пособники и

жертвы. У нас, на Кольском полуострове, жертвами стали семга и коренные жители Мурмана, фактически изгнанные с лучших семужьих рек в угоду высокооходному рыболовному туризму и принципу «поймал-отпустил» заказчиками — зарубежные рыболовные менеджеры, исполнителями — «клиенты», в основном зарубежные, пособниками — жадные представители рыбохозяйственного ведомства и прочей власти. Не хотелось бы влезать в эту грязную коммерческую «кухню», где полно «крыс» и «тараканов», но если проанализировать служебно-родственные связи тех, кто в ней «варится», то неизбежно наткнешься на тех, кому государству доверило распоряжаться такой федеральной собственностью, как семужьи реки и атлантический лосось. Причем с 2006 г. рыбохозяйственные и региональные власти, всячески и небескорыстно потакающие рыболовным турфирмам в эйфории «поймал-отпустил», отдали лучшие семужьи реки Кольского полуострова фактически в полное (!) их распоряжение. Это — к вопросу о слиянии в коммерческом экстазе. Хотелось бы знать, насколько подобная протекционистская политика отвечает нашим национальным интересам? И в связи с этим настоятельно рекомендую вспомнить о вовремя заблокированном кошмарном проекте переброски части стока северных рек России на юг, теперь уже в другие страны. Ведь хватило же тогда ума предотвратить этот экологический суицид, но сколько же чиновников и дельцов, в том числе от науки, «погрели» на этом руки!

Уважаемый профессор! Тем заманчивым путем, что Вы предложили, в нашем Отечестве пошли некогда на Камчатке, когда рыболовам-интуристам позволили за большие деньги ловить и выпускать краснокнижную камчатскую семгу — микижу в обмен на возможность ихтиологам изучать и метить эту рыбу, а также на Кольском полуострове в отношении семги обыкновенной. Одни резвились на рыбалке, в том числе и за счет дармовых научных квот, другие — решали на их деньги свои научные проблемы, т.е. фактически интуристы стали одновременно и спонсорами и участниками сбора икhtiологического материала. И это при том, что объективных данных о долгосрочных последствиях лова рыбы по принципу «поймал-отпустил» до сих пор нет, хотя в условиях реальной рыбалки крайне негативный их характер как на индивидуальном, так и на популяционном уровнях хорошо известен и обсуждается среди независимых экспертов, но их не хотят слышать и слушать. Именно поэтому эти исследования вообще находятся сейчас вне коммерческих и научных (!) интересов, поскольку их результаты могут сильно навредить рыболовному бизнесу и тем, кто с него кормится.

И тут, соответственно, возникают параллельные вопросы по поводу «гу-

манной охоты», хотя на интуитивном уровне ответы на них предугадать не сложно:

Насколько те препараты, которыми обездвигивают животных, вредят их здоровью, и какова вероятность летального исхода от применения этих веществ в условиях реальной охоты?

Как часто будут обездвигивать «трофеи» исходя из коммерческих интересов?

Возможен ли красивый и эффективный выстрел из карабина обездвигивающими пулями по трофейным лосю или снежному барану, тем более в движении, на дистанции этак метров за 300-400 или «гуманная охота» рассчитана лишь на близкий выстрел?

Куда целить и чем потом гордиться перед другими охотниками и перед самим собой — точным выстрелом «по месту» или у кого препарат эффективнее?

А если «промахнешься» и попадешь по голове, по шее или по кишкам, то каким тогда будет исход для животного?

Как быть на «гуманной охоте» с секачом на коротке или с медведем из берлоги? Кто тогда станет «трофеем», предугадать несложно, каким бы «убойным» ни был препарат.

Предлагаете трофейным животным «маячки» на шею? Так в наш век электроники их моментально вычислят наши отечественные умельцы и на взаимовыгодных условиях передадут сведения организаторам «черных сафари», и судьба «засвеченных» животных будет предрешена — подобные примеры известны.

Отдельно довожу до сведения охотничьей общественности тот факт, что руководители некоторых рыболовных турфирм негласно выплачивают вознаграждение за отстрел краснокнижного серого тюленя в устьях рек Восточного Мурмана. Невежественные фирмачи обвиняют этих морских животных в том, что они портят «их» эксклюзивный коммерческий товар — семгу, чем наносят урон бизнесу и потому подлежат уничтожению (замечу, что эта практика — чистая уголовщина). А между тем известнейший дальневосточный ученый-генетик и прекрасный знаток тихоокеанских лососей Ростислав Викторовский давно предупреждал (журнал «Спортивное рыболовство» 2004/10), что именно после экзекуции «поймал-отпустил» стрессированные и обессиленные проходные лососи становятся легкой добычей рыбоядных зверей и птиц. Так что не надо путать причинно-следственные связи.

Напомню древнее изречение: «Благими намерениями устлана дорога в ад». Так, может быть, все-таки не будем торопиться и изобретать квадратное колесо? Может, все-таки пойдем по традиционному и экологически оправданному, хотя бы даже по канадскому, пути, суть которого сформулировал профессор Валериус Гейст на первом Симпозиуме по охотничьему

наследию в Северной Америке, проходившем в Канаде в 2000 г.:

«Охота приносит огромную выгоду обществу, неоценимую никакими деньгами».

Распределение богатств дикой природы в соответствии с законом, а не с рынком обеспечивает гражданам Канады равный доступ к дикой природе независимо от состояния, социального положения и земельной собственности. Каждый гражданин может принять участие в ежегодной добыче дичи в пределах, установленных законом. Эта политика создает для людей, участвующих в добыче, ощущение уместности и собственности и является основой для участия общественности в природоохранной деятельности...

Дикие животные могут быть убиты только для использования в качестве продовольствия, меха, а также при самообороне и защите собственности. Беспричинное истребление диких животных может рассматриваться региональным законодательством как уголовное преступление. Эта политика обязывает всех охотников должным образом использовать убитых животных, объявив вне закона беспричинную резню. Принудительное ограничение добычи способствует сбережению ресурсов дикой природы, зажиточности и занятости населения....

Охота — очень древнее занятие, что

при постепенном социальном развитии человеческого общества и эволюции общественного сознания неизбежно порождает проблемы морального и этического характера....

Необходимо строго соблюдать основные приоритеты природоохранной деятельности, которые способствуют восстановлению дикой природы и поддержанию биоразнообразия на континенте... Дикая природа должна оставаться осваиваемым ресурсом, поставляющим в первую очередь продовольствие на наш стол. Даже в настоящее время охота не должна рассматриваться только как рекреационный ресурс, как спорт и развлечение. Первое проявление ее полезности — снабжение человека необычайным удовольствием исключительно высокого качества. Канадское общество осознало, что целесообразно сохранить первичные человеческие интересы и отказаться от эгоцентричного взгляда на управление биосферой».

Как мне представляется, дальнейшая подмена традиционных понятий ОХОТА и РЫБАЛКА, включающих огромный пласт нашей национальной культуры, и ставка на коммерческие игрища в псевдоохоту и псевдорыбалку будет большой стратегической ошибкой. Ведь мы же по реалиям жизни знаем, что любить и играть в любовь — это вовсе не одно и то же.

Забава по принципу «поймал-отпустил» ничего, кроме бед, не несет

Фото С. Тишкевича

Н. ВЕХОВ,
кандидат биологических наук,
Институт Наследия

Охоты в Центральной Азии

Из путешествий Н.М. Пржевальского

XIX век — особая эпоха в истории отечественных путешествий и экспедиций. Это, безусловно, своего рода эпоха великих русских географических открытий, где только одно перечисление имен выдающихся путешественников завораживает, а их дела золотыми буквами вписаны в историю отечественной науки. Первые русские кругосветные плавания на шлюпах «Нева» и «Надежда» под руководством адмирала И. Ф. Крузенштерна и камергера двора Его Императорского Величества Н. П. Резанова, путешествия Ф. П. Литке и барона Ф. П. Врангеля по северу России, вокруг света и по Русской Америке, открытие Антарктиды выдающимися флотоводцами, адмиралами М. П. Лазаревым и Ф. Ф. Беллинсгаузеном, странствия по горам Средней Азии П. П. Семенова, получившего после открытия гор Тянь-Шаня звучное «прозвище» Семенов-Тянь-Шанский, дальневосточные походы Р. К. Маака, Л. Шренка. Этот список можно продолжать еще долго. Но особой страницей в летописи отечественных экспедиций и путешествий XIX столетия были азиатские походы — по Восточной Сибири, Центральной Азии, Амуру, Средней Азии и Дальнему Востоку. Результатами этих многотрудных экспедиций стали выдающиеся открытия в области географии и этнографии, зоологии и ботаники.

Несомненно, в плеяду самых заметных путешественников по Центральной Азии входит и Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), открывший для всего цивилизованного мира Монголию и Уссурийский край, Гоби и Северный Китай, Северный Тибет. Его перу принадлежит не одна книга с описанием увлекательных приключений среди племен загадочных монголов и тибетцев, посещений затерянных в песках и горах поселений, образа жизни инородцев. Путешественником описан не один десяток новых видов зверей и птиц, растений пустынь и степей, ранее неизвестных науке. Интересен и характер экспедиций того времени, напоминавший известные нам фильмы и романы об освоении диких прерий запада Северной Америки: походы с вооруженными казаками, отчаянным сопротивлением местных жителей, встававших на пути отрядов Пржевальского и не пускавших иноверцев-русских в свои чертоги, свято охранявших свои божества и покой предков. Сейчас, по прошествии более 120 лет, дела нашего выдающегося соотечественника уже порядком подзабыты, а те территории, по которым он когда-то странствовал, стали почти недоступными для многих русских исследователей.

Среди всего оставленного Н.М. Пржевальским наследия безусловно одними из самых привлекательных глав являются разного рода охотничьи сцены, с которыми я и хочу познакомить читателей.

Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888)

Куку-Яман

Уже во время первой экспедиции по Центральной Азии, длившейся с 20 июня 1870 по 5 сентября 1873 гг., когда Н. М. Пржевальский изучал Монголию и страну тангутов, из животных его поразил один вид горных баранов, называемый монголами куку-яман. Чрезвычайно осторожный зверь, куку-яман не оставлял ничего подозрительного без внимания, и по этой причине подойти к зверю, особенно по ветру, было невозможно. Эти горные бараны выходили на пастбища из своих убежищ (а ими служили скалы) только по вечерам, а утром отправлялись обратно в горы. Целыми часами совершенно неподвижные куку-яманы как истуканы стояли на выступе скалы, изредка повертывая голову то в одну, то в другую

сторону. Необыкновенно красивая картина представала перед путешественниками, когда им удавалось обнаружить вот такого неподвижного, застывшего барана, облик которого вырисовывался на фоне ясного неба.

«Во время пребывания в Алашаньских горах мы с товарищами по целым дням охотились за описываемыми животными. Не зная местности, я брал с собой в проводники охотника-монгола, до тонкости изучившего горы и характер куку-яманов. Ранней зарей выходили мы из палатки и поднимались на гребень хребта, лишь только солнце показывалось из-за горизонта. В ясное и тихое утро панорама, расстилающаяся отсюда перед нами по обе стороны горы, была очаровательна. На востоке узкою лентою блестела Хуанхэ и, словно алмазы, сверкали многочисленные

Куку-яман

Рис. К. Кронвальда

озера, рассыпанные возле города Нинся; к западу — широкою полосую уходящую из глаз сыпучие пески пустыни, на желтом фоне которых, подобно островам, пестрели зеленеющие оазисы глинистой почвы. Вокруг нас царила полная тишина, изредка нарушаемая голосом оленя, зовущего свою самку». В поисках баранов Николай Михайлович и его спутник осматривали все выступы и кусты. Прислушивались, нет ли грохота от вдруг катящегося из-под ноги барана камня. Иногда они сами сбрасывали камни вниз, чтобы выпугнуть зверей. Подметил Пржевальский и интересную особенность куку-ямана — ту ловкость, с которой он кидается в горы. «Испуганный баран бросается опрометью на уход по скалам, часто совершенно отвесным, так что, смотря на него, недоумеваешь, каким образом это большое животное может так ловко лазать по самым неприступным местам. Для куку-ямана достаточно самого малого выступа, чтобы удержаться на нем в равновесии на своих толстых ногах. Иногда случается, что камень оборвется под тяжестью зверя и с грохотом полетит вниз; ну, думаешь, оборвался и баран, но он как ни в чем не бывало скачет дальше по скалам».

Снежный гриф

Из птиц особую любовь у Н. М. Пржевальского снискал хищник — снежный, или гималайский, гриф. Путешественнику принадлежит пальма первенства в описании образа жизни этого инте-

реснейшего вида хищных птиц Тибета.

«Поздним утром, когда уже порядочно обогрел солнце, снежные грифы поднимаются со своих ночлегов, выбираемых всегда на недоступных скалах, и летят сначала низко вдоль гребней гор, но потом поднимаются кругами в необъятную высь. Случалось, что наша палатка стояла на высоте 12 тысяч футов (3 568 м), и я следил в хороший бинокль за улетающими вверх грифами, которые наконец совершенно скрывались даже от вооруженного глаза. На какую же высоту взлетает тогда эта птица, имеющая почти 10 футов (3 м) в размахе крыльев! Тем не менее для поразительно зоркого глаза грифа возможно различать до мелочей все, что творится на земле. Вот он видит, что стая воронов и коршунов копошится в долине возле падали; тогда гриф подтягивает крылья, предоставляет тело собственной тяжести и, словно камень, падает, немного наискось, из-под облаков к земле. Быстрота такого падения страшная, даже слышен особый шум, но птица очень ловко рассчитывает свои движения; не долетая немного до земли, гриф распускает могучие крылья и тихо садится к падали. Другие грифы, носившиеся также в облаках, заметив маневр своего товарища, уже знают, в чем дело и, подобно ему, камнями падают на землю, так что вскоре возле трупа собираются десятки огромных птиц, присутствия которых до сих пор и не подозреваешь. На падали начинаются ссоры, причем грифы распускают крылья и с угрожающим видом подступают друг к другу; однако дело никогда не доходит до серьезной драки. Навесьшь до невозможности, грифы отходят в сторону и смотрят на пир вновь прибывающих собратьев. Меньшие хищники — коршуны, вороны, сойки — не смеют теперь подступить к лакомой поживе и, сидя по сторонам, с нетерпением ждут, пока наедятся и улетят великаны. Последнее, тяжело поднявшись, отправляются на ближайшие скалы и совершают там пищеварение.

Снежных грифов в Ганьсу очень много, так что нас всегда удивляло, где эти птицы могут найти для себя столько пищи. Притом же летом, когда почти постоянно идут дожди и горы закутаны облаками, крайне трудно, а часто невозможно, заметить издали желаемую добычу. Вероятно, в это время снежные грифы посещают весьма отдаленные местности, где стоит лучшая погода. Пролететь несколько сот верст ничего не значит для этой сильной птицы, которая, почти без взмахов крыльев, целый день ползает под облаками».

Ушастый фазан

В числе других редких пернатых, которых удалось добыть во время своих экспедиций Н. М. Пржевальскому, ока-

зался ушастый фазан, «встреченный еще в первый год путешествия в Алашаньских горах. Эта замечательная птица, называемая тангутами **шярама**, в значительном количестве обитает в лесных горах Ганьсу, но ее вовсе нет в безлесных хребтах Северного Тибета. Местопребыванием шярамы служат горные леса, изобилующие скалами и густыми зарослями кустарников; в таких лесах ушастый фазан обитает до 10 000 футов (свыше 3 000 м) абсолютной высоты. Кормится описываемая птица, как кажется, специально растительной пищей; по крайней мере весной я находил в зобу исключительно молодую зелень, почки, листья барбариса, но более всего корни различных трав. На жировке ушастый фазан бродит мерным шагом, держа горизонтально свой великолепный хвост.

Поздней осенью и зимой шярама держатся небольшими сообществами, часто садятся на деревья, быть может для того, чтобы поест почеч. Ранней весной птицы разбиваются на пары, занимающие определенную область, в которой выводят молодых (с начала мая почти все самки шярамы уже сидели на яйцах). Гнездо, по словам тангутов, делается из травы в густых кустарниках, и в нем бывает от 5 до 7 яиц. Зимой тангутские охотники бьют ушастых фазанов на деревьях из ружей, но еще более ловят их в петли, устраиваемые на земле в тех местах, где чаще бродят птицы. Главную добычу промышленников составляет хвост, в котором четыре средних удлинненных и рассученных пера употребляются для парадных шляп китайских офицеров, на месте за каждое такое перо платится по пяти копеек на наши деньги.

Ранней весной, лишь только стаи разобьются на пары, как самцы начинают токовать. Голос их чрезвычайно неприятный, напоминает крик павлина, только тише и отрывистее; подобным же образом кричит, как кажется, и самка. Кроме того, описываемая птица (не знаю только, самец или самка) изредка произносит особые глухие звуки, отчасти напоминающие голубиное воркованье; наконец, будучи внезапно испугана, шярама иногда кричит весьма похоже на цесарку».

Медведь Ганьсуйских гор

«Еще ранее прихода нашего в Ганьсу мы слышали от монголов о каком-то необыкновенном звере, который водится в названной провинции и называется **хун-гуресу**, то есть «человек-зверь». Рассказчики уверяли нас, что это животное имеет плоское, совершенно человеческое лицо и ходит большей частью на двух ногах; тело у него покрыто густой черной шерстью и лапы вооружены огромными когтями. Сила зверя страшная; на него не только не решаются нападать охотники, но

Самец и самка фазана влангали

Рис. К. Кронвальда

Медведь тибетский

Рис. В. Роборовского

Ущелье р. Номохун-гол в горах Бурхан-Буда

Рис. В. Роборовского

даже жители укочевывают из тех мест, где появляется хун-гуресу. Подобные рассказы мы услышали и в самой Ганьсу от тангутов, которые единогласно уверяли, что вышеописанный зверь водится в их горах, хотя и очень редок. На наш вопрос: не медведь ли это? — рассказчики отрицательно трясли головой, говоря, что медведя они знают хорошо.

Придя летом 1872 года в горы Ганьсу, мы объявили награду в 5 лан тому, кто укажет нам местопребывание легендарного хун-гуресу. Однако с подобными известиями никто не являлся; только тангут, временно находившийся при нас, сообщил, что хун-гуресу постоянно живут в скалах горы Гаджур, куда мы отправились в начале августа. Но в заповедных скалах мы не нашли удивительного зверя и уже отчаялись когда-либо увидеть его, вдруг я узнал, что в небольшой кумирне, верстах в 15 от Чертынтонна, находится шкура хун-гуресу. Через несколько дней я отправился в эту кумирню и, сделав ее настоятелю подарок, просил показать мне редкую шкуру. Просьба моя была исполнена, но увы! Все рассказы о хун-гуресу теперь стали басней, да и сами рассказчики, после моего уверения, что это медведь, начали говорить, что хун-гуресу не показывается людям, но охотники иногда видят только его следы.

Медведь, которого шкура была мне показана, имел в стоячем положении около 4,5 фута (1,37 м) вышины. Морда его была вытянутая; голова и вся передняя часть тела грязно-белого цвета, зад темнее, а ноги почти черные. Подошвы задних лап были узкие и длинные, а когти на передних лапах имели по дуге около дюйма (2,5 см) длины: эти когти были очень тупы и черного цвета. К сожалению, я не мог сделать более подробных измерений и описаний, чтобы не возбудить подозрения.

Весной следующего года нам привелось увидеть такого же медведя и на воле. Именно, когда мы возвращались с Кукунора в Чейбсен, то лишь только вошли в горы Ганьсу, как однажды утром заметили медведя, который ловил пищу. Мы отправились к зверю, но тот пустился на угод, и хотя его преследовали наши собаки, но не могли остановить. Мы выпустили зверю вдогонку несколько пуль, из которых попала только одна и ранила медведя, но он все-таки ушел к величайшей нашей досаде.

Встреченный нами на Куку-норе медведь, сколько можно было видеть издали, имел ту же окраску, что и набитый в кумирне, но оказался больше ростом. Он достигал величины нашего стервятника, притом был какой-то длинный и горбатый. По словам монголов, эти медведи в значительном числе обитают в тибетских хребтах Бурхан-Будда и Шуга; живут они здесь в скалах, но летом выходят на равнины и являются даже на берега Мурусу».

Книжная лавка альманаха «Охотничьи просторы» предлагает:

Код	Автор, название	Цена, руб.		Цена, руб.	
1	В.Н.Трофимов. «Охот. оружие. Устр-во, неиспр., уход»	135,00	599	Б.А.Абрамов. «Справочник начинающего охотника»	77,00
943	А.Г.Азаров. «Охотничье оружие. Опыт эксплуатации»	121,00	429	В.А.Романов. «Охота на кабана»	33,00
9	В.Н.Трофимов. «Отеч. охот. ружья. Гладкоствольные»	135,00	327	Л.Е.Трутнев. «Охота на гусей»	55,00
8	В.Н.Трофимов. «Отеч. охот. ружья. Нарезные»	178,00	71	Д.В.Житенев. «Охота на уток с чучелами»	33,00
716	В.Н.Трофимов. «Отечественные спортивные винтовки и их охотничьи модификации»	166,00	686	Гр.Рахманин. «Охота на тетеревов»	33,00
704	В.Н.Трофимов. «Комбинированные охотничьи и спортивные гладкоствольные ружья»	118,00	328	Л.Е.Трутнев. «Охота на косуль»	38,00
929	В.Н. Трофимов. «Отечественные пневматические винтовки. Устройство, разборка, регулировка»	88,00	70	А.Н.Зворыкин. «Бригадная охота с флажками»	33,00
930	В.Н.Трофимов. «Пневматич. оружие. Устр-во, эксл., уход»	88,00	318	Н.А. Зворыкин. «Охота на лисиц»	36,00
485	С.А.Бутурлин. «Уход за ружьем»	33,00	823	Н.С.Сахаров. «Простейшие способы добычи лисиц»	38,00
683	Ю.В.Шокарев. «Русское охот. оружие. Мастера и фирмы»	226,00	197	В. Гусев. «Настольная книга охотника»	113,00
740	«Охотничье оружие. Энциклопедия»	680,00	495	В.А.Окунь. «Охота на зайцев»	88,00
712	С.А.Бутурлин. «Дробовое ружье и стрельба из него»	60,00	939	А.Ф.Лялин. «Белая куропатка и охота на нее»	33,00
736	А.И.Ивашенцов. «Бой и служба дробового ружья»	88,00	971	«Как определить свежесть следа»	123,00
482	В.Я.Генерозов. «Как научиться метко стрелять пулей»	33,00	316	«Охота с капканами и самоловами»	47,00
483	А.А.Зернов. «Стрельба дробью»	55,00	941	Е.Н.Мартынов, В.В.Масайтис, А.В.Гороховников. «Техника охоты»	45,00
824	Б.А.Крейцер. «Обучение стрельбе из охотничьих ружей»	38,00	484	Г.Е.Рахманин. «Утиная охота»	61,00
825	Е.Т.Смирнов. «Охотничья стрельба»	38,00	940	Н.А.Зворыкин. «Повадки животных»	60,00
72	В.Н.Трофимов. «Совр. охот. боеприпасы для нарезного оружия. Том 1. Гильзы, пороха, капсулы, пули, патроны, баллист.»	115,00	408	Н.Н.Рябченко. «Изготовление чучел и обработка охотничьих трофеев»	178,00
200	В.Н.Трофимов. «Совр. охот. боеприпасы для нарезного оружия. Том 2. Пули мира и отечественные патроны»	115,00	461	С.С.Туров. «Набивка чучел зверей и птиц»	75,00
970	В.Н.Трофимов. «Совр. охот. боеприпасы для гладкоствольного оружия. Пули. Пулевые патроны»	206,00	4	«Охотничий минимум»	22,00
737	В.Н.Трофимов. «Пули для пневматического оружия»	88,00	500	«Федеральный закон об оружии»	22,00
910	Г.С.Митичкин. «Совр. пулевые снаряды для гладк. ружей»	50,00	662	«Об оружии. Сборник нормативных документов»	88,00
696	А.С.Лопатин-Бремзен. «Охота с драгхааром»	77,00	663	«Охотник, рыболов и закон»	88,00
738	Г.П.Карцов. «Дрессировка и натаска подружейной легавой»	50,00	49	Копчение рыбы и мяса	22,00
942	М.И.Петрункевич. «Как самому натаскать легавую»	33,00	831	В. Кузнецов. «Про охотников и охотоведов»	131,00
739	В.А.Окунь. «Охота круглый год»	50,00	603	Н.Н.Старченко. «Закрайки»	44,00
592	В.Б.Чернышев. «Охоты длинная тропа»	226,00	«Охотничья библиотека»		
697	Д.В.Житенев. «Секреты бывалых охотников»	198,00	749	Охота по чернотропу (№10-2005)	44,00
588	М.В.Калинин. «Облавная охота на лося»	33,00	800	Облавная охота (№11-2005)	44,00
709	Н.А.Зворыкин. «Выдра и охота на нее»	33,00	816	Капканый промысел (№12-2005)	44,00
710	Н.А.Формозов. «Охотничьи звери и промыслы»	38,00	828	Выделка шкур для чучел (№1-2006)	44,00
711	В.А.Окунь. «Охота на куниц»	55,00	827	Обувь для зимней охоты (№2-2006)	44,00
587	Г.П.Дементьев. «Охота с ловчими птицами»	55,00	837	Лодки для охотников и рыболовов (№3-2006)	44,00
586	М.А.Мензбир. «Охота на вальдшнепа»	33,00	852	Охотничьи костры (№4-2006)	44,00
10	«Охота на медведей»	100,00	908	Палатки для охотников (№5-2006)	44,00
717	А.П.Суворов. «Охота на волка»	113,00	909	Как снарядить патроны (№6-2006)	44,00
557	С.Н.Алфераки. «Очерки утиных охот»	77,00	919	Кухня охотника (№7-2006)	44,00
11	В.Е.Герман. «Охота на пернатую дичь»	121,00	937	Разведение куропаток (№8-2006)	44,00
347	Н.Н.Руковский. «Охотник-следопыт»	55,00	938	Охота на куликов (№9-2006)	44,00
349	Д.В.Житенев. «Охота с манками»	55,00	947	Охота на копытных (№10-2006)	44,00
			961	Оружейные сейфы (№11-2006)	44,00
			965	Оптические прицелы (№12-2006)	44,00
			968	Тетета и тропники (№1-2007)	44,00
			969	Снегоходы для охотников (№2-2007)	44,00
			973	Охота с ловчими птицами (№3-2007)	44,00

Всего в «Книжной лавке» представлено более 800 наименований книг. Вы можете бесплатно заказать каталог по почте, а также ознакомиться с каталогом литературы с аннотациями и фотографиями обложек книг на сайте www.ohot-prostory.ru. Цены указаны без учета расходов по пересылке. Рассылка осуществляется только в пределах России.

Заявки направлять по адресу: 143900, Московская обл., г.Балашиха-центр, а/я «Книжная лавка охотника и рыболова». Оптовикам скидки!!!! Тел/факс: (495) 528-2271. E-mail: lavka@ohot-prostory.ru

Здравствуйте, многоуважаемая редакция журнала, пишет вам подполковник в отставке, проживающий в г. Владивостоке. Охоту я полюбил с ранних лет благодаря родителю, ныне покойному. Это была великолепная охота в калмыцких степях, дубравах и лиманах на осенних перелетах водоплавающей дичи и зимняя охота на лису и зайца.

При прохождении военной службы в свободное время я также выбирался на охоту. Охотился в Прибалтике, Северном Казахстане, Саратовской области, а в Приморском крае очоюсь и сейчас.

В сезон открытия охоты на лису и зайца я отправился на свою родину, в Калмыкию. Открытие сезона организовал мой младший брат Вячеслав — заядлый охотник, собачник и голубятник. Подать ему и члены охотничьей бригады, с которыми мне довелось охотиться. Меня вернули в далекую молодость. Родной запах степи наполнял грудь и дурманил. Вспоминались знакомые дубравы, поля, засеянные озимыми.

Я благодарю бригаду охотников за эти незабываемые чудесные дни охоты.

С. ЕРЕМЕНКО
Г. Владивосток

Охотничья бригада, с которой мне довелось охотиться в Калмыкии

Бухарский олень

С. ТИШКЕВИЧ, фото автора

Бухарский олень, или хангул, — одно из самых крупных диких парнокопытных Средней Азии, живущих в пойменных зарослях рек. Это редкий подвид благородного оленя. В конце XIX — начале XX века численность тугайного (как его еще называют) оленя была довольно высокой. Он был широко распространен по долинам рек Сырдарья, Вахш, Пяндж и Амударья. К сожалению, в настоящее время ареал его резко сократился и численность упала до минимума.

Взрослые самцы достигают 200 кг веса, длина тела до 2 метров, а высота в холке — до 120 см, самки несколько меньше. Быки обладают красивыми пятиотростковыми рогами, однако они, по сравнению с другими подвидами благородных оленей, упрощенного строения — имеют обычно не более пяти отростков и не образуют короны.

Вес наиболее крупных рогов хангула гораздо меньше, чем у других благородных оленей, и не достигает даже 6 кг. Свообразна окраска тугайного оленя, она светлая, почти однообразно песчанобурая, но встречаются особи и с желтовато-серым, даже темным окрасом шерсти.

Обитают олени в густых зеленых лентях тугайных зарослей, состоящих из облепихи, джиды (лоха), тополя, обвитых довольно цепкими кустами азиатской лианы. В условиях сильной дневной жары хангулы ведут ночной образ жизни и почти не совершают миграций. Лишь весной, когда цветет масса растительности, олени выходят из зарослей на пустынные участки, где кормятся относительно сочными травами. Зимой они переходят на веточные корма и даже едят саксаул.

Хангул обладает хорошим слухом, обо-

нянием и сравнительно неплохим зрением. Он любопытен, но осторожен. Прекрасно плавает, способен переплыть даже такие широкие и бурные реки, как Вахш и Пяндж. Давно исчез из тугайных лесов основной враг бухарских оленей — туранский тигр, но хангулы до сих пор, опасаясь засады хищника, выбирают открытые места для водопоя.

В настоящее время наибольший урон поголовью оленей могут нанести волки. Возможна гибель молодняка и от шакалов. Но несомненно сокращение численности хангула тесно связано с сокращением пойменных тугайных лесов.

Мои первые встречи с тугайными оленями состоялись в государственном пустынно-тугайном заповеднике «Тигровая балка», организованном в 1938 г., — старейшем в системе заповедников Таджикистана. Тугайные экосистемы здесь являются наиболее значительными из всех сохранившихся к настоящему времени в Средней Азии. Естественная популяция хангулов чувствует себя здесь хорошо, численность животных увеличивается. Некоторые олени перестали бояться людей и выходят зимой к домам работников заповедника, питаюсь предложенным им сеном. Но в период гона (сентябрь—октябрь) они бывают агрессивны, даже могут напасть на человека, в чем я и сам убедился.

В деле сохранения бухарского оленя — а ведь ему грозило полное исчезновение — существенную роль играют заповедные территории. Учитывая, что хангулы легко разводятся при полувольном содержании, в настоящее время в Средней Азии активизируется работа по искусственному расширению ареала тугайных оленей. Есть положительные результаты. Может быть, со временем бухарский олень займет место обычного типичного представителя уникальных тугайных пойменных лесов.

третьей и два — второй степени, а весной следующего года мой пес был включен в группу восточносибирских лаек, отправленных самолетом в Москву для участия в четвертой Всероссийской выставке охотничьих собак. Жаль, что из-за занятости на работе мне не удалось сопровождать иркутских кинологов, летевших на выставку. Из Москвы Бельчик вернулся с триумфом: привез Большую серебряную медаль. Вот с этим псом я и отправился на свою первую промысловую охоту.

В Качуг мы прибыли под вечер. Отметившись в гостинице, я сразу пошел на край поселка, где располагалась администрация районного зверопромхоза. Рабочий день заканчивался. В кабинете охотоведа сидели два человека, по внешнему виду — местные охот-

Моя первая промысловая охота

Ю. ЖУРАВЛЁВ

В ту осень на охоту я выехал поздно. Затянувшееся ненастье и ранние снегопады задержали завершение полевых работ в геологической партии. Последние маршруты проводились уже по снегу. Наконец закончены сборы в дорогу, ликвидированы палаточные лагеря, и весь наш груз, сложенный в кузов тяжелого «Урала», закачался по увалистым дорогам, преодолевая подъемы, опасные спуски, мочажины и болота. Персонал партии ехал в вагончике УАЗа, предвкушая скорое возвращение домой, к родным очагам.

Я знал, что мое пребывание в Иркутске будет недолгим. После завершающих работ на базе экспедиции я собирался со своим кобелем Бельчиком вновь вернуться на оставленный участок, исхоженный за лето вдоль и поперек, и провести там месяц в одиночестве, занимаясь промысловой охотой. Однако в экспедиции пришлось задержаться. За это время ушли последние стаи гусей, леса оголились, а озера стали покрываться стеклышком тонкого льда. Осень вступала в свою последнюю фазу — предзимье.

И вот наконец мы едем автобусом по Качугскому тракту, к северу от Иркутска. Мы — это я и мой пес Бельчик, крупная белая лайка, какие иногда встречаются в северных селах Восточной Сибири. Скажу о нем немного подробнее, чтобы было ясно, с кем я собирался уединиться в медвежьем углу дальней тайги. Родился он три с половиной года назад в зимовье промыслового охотника на берегу реки Мама. В помете был самым светлым — белым с желтыми пятнами на спине. Охотник, приняв его сначала за сучку, назвал Белкой, но потом, разобравшись с полом щенка, стал звать Бельчиком. Рос

он на полной свободе, днями пропадая в тайге. Ко мне попал осенью, в восьмимесячном возрасте. Мы с ним быстро сдружились, он хорошо запоминал команды, охотно их исполнял, подавая большие надежды, но — он не умел лаять. Не лалял ни дома, ни в лесу, даже когда сидел у дерева под загнанной мною белкой. Сидел и повизгивал. Я уж начинал лаять сам, стараясь подать ему пример правильного поведения, но бесполезно. Бельчик молчал. «Что за немтырь мне достался?» — сокрушался я, жалуюсь друзьям охотникам. «Потерпи, — отвечали мне товарищи, — со второй осени залает да начнет еще и зверя гонять». Залаял он раньше, еще зимой. Придя с работы, я начал дразнить его, голодного, куском вареной колбасы, повторяя команду: «Голос! Голос!» Он прыгал, скулил, но в конце концов гавкнул. Я сразу же бросил ему колбасу. Так повторялось каждый день, пока он не понял, что от него требовалось. И вот он уже лает сразу после моей команды: «Голос!» Теперь будет легче заставить его залаять на охоте. На второе лето он начал облаивать бурндуков, а осенью с азартом перешел на белку. На третий год он был уже сформировавшимся охотником с прекрасным чутьем, широким поиском и красивым, доносчивым, как удар колокола, голосом.

Как-то поздней осенью после завершения полевых работ я прогуливал Бельчика по тихим улицам окраины города. Ко мне подошли охотоведы Сергей Никонов и Лена Венедиктов, которые обратили внимание на моего кобеля. Разговорилась, и они предложили мне принять участие в полевых испытаниях лаек. Вскоре Бельчик заработал три диплома по белке; один —

Я объяснил хозяину кабинета цель своего приезда. «Договор мы с вами составим, — ответил охотовед, — покажите только на карте, где вы собираетесь охотиться». На схеме я с трудом отыскал площадь, где должна была располагаться огромная заболоченная котловина. Охотовед сказал, что место это не занято, заполнил бланк договора, записал двадцать белок, пять колонков, пять рябчиков — это обязательно, но можно и больше, записал еще двух соболей. Хотя собака моя пока не шла по соболу, но я надеялся, что пес не подведет.

До участка добирались на автобусе, потом полутной машиной, дальше пешком. В Иркутске еще стояла поздняя осень, а здесь — уже настоящая зима. Белые шапки снега еще не упали с запорошенных сосен, а на земле девственная белизна пока не нарушена узорами следов обитателей леса. Вокруг — полное безмолвие. Только неугомонные дятлы перестукиваются в вершинах деревьев. Кажется, что тайга пуста. Все живое попряталось, подавленное переменой в природе. Никому не хочется соваться в снег. Бельчик бежит по дороге, лишь изредка заходя в лес. Он тоже еще не привык к снегу.

Большая часть пути пройдена. Поднимаюсь на гору, покрытую кедром. Устал. Снимаю рюкзак, надо передохнуть. Вдруг Бельчик делает бросок вправо. Прыжок, еще, еще. Раскапывает какую-то кочку. Я подхожу и... вытаскиваю из-под снега зайца, замороженного, неотличимого по цвету от снега. Бок зайца и брюхо сильно обжжены. Смотрю: прямо под тушкой зайца нора. Бельчик оттесняет мою руку, сует в нору нос, а потом азартно рабо-

тает лапами. Оценив направление норы, я отхожу метра на два, очищаю землю от снега и бью по земле обухом топора. Удар, второй, третий... из норы вылетает желтый комок, расплывается над снегом в длинном прыжке и с поднятым хвостом мчится вниз по склону. Колонок! Бельчик тремя прыжками догоняет беглеца, хватая поперек тела и молотит головой из стороны в сторону. Я подбегаю, вырываю из зубов разгоряченной собаки безжизненную тушку зверька. Молодец, Бельчик, с полем! Хорошее начало!

Усталости как не бывало. Скорей вперед, к нашим заветным местам, надо успеть до ночи. Сгущались сумерки, когда я подошел к месту нашей стоянки. Спустился в болотце, перешел еще не замерзший ручей, поднялся на взлобок. На полянке, среди высокоствольного леса — поленница дров и остов нашей палатки, все в снегу. Снял рюкзаки, ружье и по знакомой тропинке пошел по склону к старому шурфу; перед отъездом домой я записал на себя изношенную рваную палатку и ржавую железную печку с двумя трубами. Этот груз я привез со склада на вьючной лошади к месту своего будущего жилья и спрятал в шурф, завалив его ветками сосны и багульника. Все лежало на месте. Палатку, печку перетащил к месту стоянки, разжег костер, сбегал за водой, повесил котелок над поднявшимся пламенем и стал натягивать палатку. Вскоре дымок за клубился над брезентовой крышей. В дальнем углу палатки стояли еще летом сделанные из жердей нары. Рядом с ними на четыре вбитых колышка я опрокинул деревянный ящик из-под консервов, и получился стол. На нем затеплился огонек свечи, у входа — печь. Вот и вся утварь.

Бельчик заскочил в нашу общую квартиру, но когда разгорелась печь, выбежал из палатки, покрутился и лег под небольшую елку в стороне от костра. В котелке бурлила вода. Я наспех содрал с зайца шкурку, разрубил топо-

в бурлящий бульон размял брикет овсянки. Пока ходил за пихтовым лапником и снимал шкурку колонка, ужин сварился. Кашу я разлил пополам в две миски, собачью вынес остудить, а сам уселся за стол и предался сладостному поглощению пищи. Никогда еще не ел я такого нежного, ароматного мяса. Как же я не замечал, что зайцы такие вкусные!

Последующие дни не принесли больших успехов в охоте. Ежедневно одна-две белки, изредка — колонок. Этого не хватало даже для корма Бельчику. Колонок не в счет, для собаки он несъедобен, пришлось стрелять кедровок. Я уходил в старый кедр. Бельчик иногда лаял на громадные развесистые кедры, я ходил вокруг исполинов, но ничего не видел в густом переплетении ветвей. Не помогал и старый испытанный метод: срубашь лесину, ставишь толстую жердь вдоль ствола комлем вверх и с размаху бьешь ею по дереву, на котором прячется белка. Однако громадные кедры от такого удара даже не вздрагивали.

жарко, ровно и медленно. Ночью, загрузив ими печь, можно часа три-четыре спать. Затем варил ужин, сначала собаке, потом себе. При свече снимал шкурки, ремонтировал одежду. Прошла неделя охоты. Я был уверен, что за три недели мы добудем белок тридцать. Но соболя пока нет. Мешает погода: все время ветер, поземка замедляет следы. Я вышел из палатки и долго созерцал незабываемый зимний пейзаж. Луна уже поднялась и тускло высвечивала заболоченную низину, покрытую снегом, вокруг которой темнели сосны в причудливом снежном одеянии. Заметно похолодало. Холод забирается под телогрейку. Захожу в палатку, подкладываю в печку листовничные дрова потолще, ложусь спать.

Просыпаюсь от холода. Темно, только тонкий лучик лунного света пробивается через щель возле трубы. В изголовье нащупываю фонарик, выползаю из спальника, ноги сую в ичиги. Мороз охватывает тело, будто и нет на мне теплого нижнего белья. Засовываю в прогоревшую печку щепу, сухие по-

риком мясо на куски и половину положил в котел. Надо было еще нарубить в лесу пихтовый лапник, развернуть спальный мешок, разобрать рюкзак. Котел с варевом я перенес на печку в палатку, и сразу воздух наполнился душистым ароматом вареного мяса. Два куска вынул студить для кобеля, а

Вечером у меня всегда было много работы. Усталый после дневного маршрута, слегка перекусив, брался за топор и шел в лес за дровами. Заготовленные летом поленья высохли и быстро сгорели. На ночь надо было запастись сырую листовницу или березу — эти породы деревьев в сыром виде горят

ленья, зажигаю спичку, и вот уже слабое тепло пошло от железной печи, а я сижу, обнимаю ее, и в такой позе снова засыпаю. Несколько минут, и жар заставляет отодвинуться, встать. В ледяной спальник ложиться невозможно. Я зажигаю свечу — пятый час ночи. Ставлю на печку котелок с замерзшей водой, варю овсянку с отрубями, достаю блокнот и записываю впечатления вчерашнего дня. После завтрака сборы. На востоке чуть занимается рассвет. Седьмой час. Надо выходить, чтобы до восхода солнца подальше быть

от моего не богатого зверем места. Звезды еще стоят над головой, полная луна уходит за вершины леса. Снег поскрипывает под ногами. Холодно. Ускоряю шаг. Сна как не бывало. А на душе радость: от природы, от невесомости тела, от ожидания удачи. Когда туманный диск солнца заалел в ветвях деревьев, я уже поднимался по склону пологого хребта, покрытого мелколесьем. Следов мало — в основном это следы зайца, иногда горностая. Бельчик бежит где-то стороной. Вот уже солнце золотится над лесом. Небо белесо-голубое, но почему-то из него густо высыпаются искры серебристого мелкого снега. Красота какая! И тут я увидел след соболя. Парные отпечатки лап, как у колонка, только крупнее. Он шел в направлении моего хода, чуть наискосок. Ямки глубокие, слегка присыпанные невесомым пухом снега. След свежий. Ветер стих поздно вечером, значит, соболь прошел ночью или даже утром. Бельчика рядом нет, ушел далеко, не слышит, достаю один из патронов с уменьшенным зарядом пороха и дроби. Не хочется нарушать тишину леса, но я стреляю в воздух.

Через несколько минут Бельчик догоняет меня. «Бельчик, взять, взять!» — указывая ему на след. Пес услужливо тычет в следы носом и, опережая меня, бежит по следу. Я иду по следам и соболя, и собаки. И вдруг вижу: соболь натоптал, накружил вокруг кустов, а собачий след ушел вправо. Неужели он ничего не понял? А может быть, след вечерний и уже потерял возбуждающий запах? Я снова бегу один по следам соболя. Видно, он не спешил, все время петлял в кустах, менял направление. Я делаю большой полукруг и нахожу прямой выходной след. Снова заряжаю ружье ослабленным патроном. Снова выстрел. Бельчик появляется опять, я тыкаю его в следы, и он вновь опережает меня.

Солнце стоит высоко, от бега взмокла шапка. Мы поднялись на хребтик, снова спускаемся. Пес впереди меня, я вижу, как он крутится, распутывая следы. Вот он задержался у выворотня старого рухнувшего кедра. Нюхает, работает лапами, перепрыгивает через ствол и ищет там. Что-то это место мне показалось подозрительным. Уж очень сильно натоптал здесь соболь. Хотя нет — на той стороне ствола след уходит дальше. Но Бельчик усердно скребет когтями корень, кусает торчащие из глины корни. Что-то, дружок, тут есть... Сажусь на корточки, топориком рублю корень, который кусал Бельчик. Он перепрыгнул на другую сторону дерева и там стал рыть лапами, фырка

и поскуливая. Неожиданно топорик врубается по самый обух, что это, пустота? Еще несколько ударов, и передо мной квадратное окно под землю. Нора... Секунду или две я думаю, что делать дальше, и вдруг прямо перед моими глазами в этом квадратном проеме проплывает темно-бурая соболиная спинка. Она быстро уходит вправо. Я вижу хвост. Мгновение, и я хватаю его левой рукой. В голове пронесется мысль: я же могу его оторвать, и зверек исчезнет в своем подземелье. Мягко тяну его назад, рукой цепляясь за заднюю лапу. Теперь он от меня не уйдет! Из норы раздается злобное урчание. Если я его сейчас выдерну, он

вцепится в мою голую руку мертвой хваткой, бросаю топорик и пытаюсь перехватить лапу правой рукой в рукавице. На все уходит секунды. Соболя уже не урчит, а орет!

Вдруг сильный удар в грудь отбросил меня назад. Это Бельчик в порыве азарта перемахнул через ствол лежащего дерева и всей своей массой опрокинул меня на спину. Соболя вылетел из норы, описав в воздухе дугу. Бельчик в прыжке поймал его и стал яростно молотить из стороны в сторону, вытряхивая из него душу. Зубы зверька вцепились в морду пса. Я упал на разъяренного пса, вырвал драгоценного зверя и вскочил на ноги. Пес запрыгал вокруг меня, пытаясь снова вцепиться в соболя. Нако-

нец я успокоил Бельчика, очистил от собачьей слюны сверкающую на солнце темную шкурку лесного красавца и спрятал добычу в рюкзак. Из мешка достал вскрытую утром банку тушенки, остатки мяса отдал Бельчику. Потом обнимал его за шею и говорил много ласковых и нежных слов... Есть наконец у нас соболь! А как же след, уходящий по другую сторону поваленного кедра? Значит, в этой норе он ночевал и накануне. След был выходным, когда соболь вечером или ночью пошел на охоту. За ночь, мышкуя, он сделал по тайге большой круг, а утром вновь вернулся к своему гнезду с противоположной стороны.

Мороз усилывался с каждым днем. Приходилось всю ночь топить печь. Дырявая крыша палатки хоть и была закрыта куском брезента, все равно не держала тепло. Я спал в верхней одежде, вставая через каждые полтора-два часа и подбрасывая в печку дрова.

По окрестным хребтам мы взяли несколько белок и рябчиков. В сосновом мелколесье Бельчик поднял глухаря — он шумно взлетел, сел на небольшую сосенку, с любопытством разглядывая лающую собаку. Даже подходить почти не пришлось. После выстрела он тяжело рухнул в снег. Глухаря и трех рябчиков повезу с собой в город. Надо же что-то домой привезти с охоты. Но соболей больше не видели. Следы изредка попадались, но все они были старые. Я изнемогал от бессонных ночей. Надо было кончать охоту.

Через шестнадцать дней после захода в тайгу я из досок, заготовленных летом, сколотил примитивные нарты и погрузил на них все свое имущество, кроме палатки и печки, которые снова уложил в шурф и завалил ветками до будущей весны. А потом мы шли двадцать километров до охотничьего поселка, где летом была наша база.

Возвращался я в город с двойственным чувством. Я побывал на настоящей охоте, исполнил свою давнюю мечту — с головой окунуться в дикую природу, затеряться в просторах тайги, вкусить жизнь первобытного охотника. Но не все у меня вышло так, как я задумал. Видимо, я слишком поздно пришел в тайгу. Ведь все охотники начинают сезон до снега, по чернотропу. Итог моей охоты был скромным, и все-таки я не жалел о днях отпуска, проведенных в тайге. Были трудности, но радости было больше. Мой Бельчик ощутил вкус новой для него дичи. И еще я могу рассказать людям почти невероятную историю о том, как в тайге зимой поймал за хвост соболя голыми руками.

Рисунки В. Симонова

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; ксерокопии паспорта и страхового пенсионного свидетельства; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

Охота на медведей... на дубах

Владислав ОКУНЬ

Хорошо известны и много раз описаны такие способы добычи медведя, как охота на овсах (с лабаза и с подхода), с собаками (в районе овсов или брусничников), подкарауливание у падали, на пасаках и в садах, охота на берлоге. Однако недавно я узнал, что это не все возможные виды охоты на медведя. Узнал, конечно, на охоте.

Надо сказать, что и в свои молодые годы, когда только начинал охотиться, постигая совсем не простую, как может показаться на первый взгляд, науку охоты, я очень ценил общение с бывальными охотниками, от которых чего только не услышишь, и сейчас, на склоне лет, люблю такую компанию. Особенно интересным это общение бывает в конце дня, когда все собираются вокруг костра или за столом в охотничьей избушке. Вот отзвучали традиционные тосты «за святую охоту», «за удачу». Кто-то, ускоряя события, обязательно скажет: «между первой и второй...». Но вот все утопили первый голод и жажду, а тот, кто не жалеет свое здоровье, задымил сигаретой, и наступает время неспешного чаепития, а с ним и рассказов. Может быть, это мне так везло или есть в этом закономерности, но в большинстве случаев говорили о медведях, причем чаще всего в курьезно-смешном плане.

В мае 2006 года мне повсчастливилось оказаться в компании двух моих архангельских друзей, Сергея и Николая, у которых была лицензия на медведя, а реализовать ее они пытались собственным, изобретенным ими способом. Обитали мы в охотничьей избушке, расположенной, так и хочется сказать, в дебрях Архангельского края, в сотне километров от ближайшего жилья. Действительно, были там когда-то дебри, пока до них не добрались лесозаготовители. Сейчас же осталось много порубов да старые лесовозные дороги. Но медведи по-прежнему водятся в немалом количестве, хоронятся в недорубах на неудобных для лесорубов местах.

Не все, возможно, знают, что в Архангельской области, а может и в других местах, охота на медведя разрешена не только осенью, но и весной, со времени выхода из берлоги и примерно до конца мая. А если кто думает, что медведь в это время облезший и истощенный, то это совсем не так. И шкура у него вполне приличная, и жир под ней еще остается. Но вот голодный — это точно, так как пищи для него в это время в тайге совсем мало, разве что оставшаяся с зимы случайная падаль да только начавшие вылезать из земли желтенькие цветочки горьцветы. Именно из этого и исходили мои друзья. Под вечер они возили по лесным дорогам

привязанную к машине весьма ароматную шкуру лося, которую сохранили с зимней охоты. Предполагалось, что голодный медведь, почувствовав привлекательный для него запах падали, выйдет на дорогу, пойдет в ту сторону, куда увезли шкуру, и встретится с поджидающими его охотниками. Но события развивались скорее по сценарию медведя, который умудрился в одну из ночей стащить шкуру лося, не подставив под выстрелы свою. Так что этот способ еще требует доработки и основная речь не о нем.

Вы не поверите, но мои архангельские друзья, крепкие и душой и телом, еще совсем молодые пятидесятилетние мужики, категорически отказались от обычного занятия охотников на привале — пить водку. Вместо этого они азартно сражались за шахматной доской. И разговорить их можно было только после нескольких партий изобретенной древними индусами игры. Тогда и рассказал мне Николай об одной своей необыкновенной охоте на медведя, которая оказалась очень интересной и необычной, а главное, более успешной, чем подманивание на запах шкуры лося.

Николай родился в Республике Марий Эл и еще в молодые годы пристрастился к охоте. Но судьба сложилась так, что стал он подводником. Сначала плавал на субмаринах, а затем служил в Северодвинске. Долгое пребывание в замкнутом пространстве подводной лодки только усиливало его любовь к привольной тайге, и поэтому не удивительно, что отпуска он стремился проводить в родных краях. Многие из его друзей юности разъехались по стране, но были и такие, которые, как говорят, где родились, там и пригодились, и объединяла их с Николаем не только дружба в молодые годы, но и страсть к охоте.

Его рассказ относился ко времени одного из первых приездов в родные края. Николай тогда был совсем молодым, а медведей в их местности водилось так много, что они считались вредными хищниками, ибо нападали на домашний скот, и охота на них разрешалась без всяких лицензий. Тем не менее добыть медведя было не просто, и Николай на своем счету такого завидного трофея тогда еще не имел.

Через пару дней после праздника, устроенного в родительском доме по случаю приезда, к Николаю зашел его близкий приятель Степан и предложил поохотиться на медведя. Он рассказал, что тамошные медведи очень любят желуди, причем не ждут, пока те упадут на землю, а лезут за ними на деревья. Взобравшись на дуб и усевшись на толстой ветке, медведь подтягивает к

себе тонкие ветки, ломает их и поедает с них желуди. Именно по треску ломаемых ветвей и можно определить, что медведь на дубе, так как увидеть медведя невозможно: он кормится желудями только в очень темные ночи. В сумерки или при лунном свете медведь на дуб не полезет. Происходит это не каждый год, а только при большом урожае желудей, что случается раз в четыре-пять лет. Тогда был именно такой урожайный год.

Степан зашел за Николаем ближе к полуночи, и они отправились на берег реки Большой Кундыш. Там сели в лодку и, стараясь производить как можно меньше шума, поплыли по течению. Степан сидел на веслах, но особенно не греб, а только следил, чтобы лодка не воткнулась в берег. Николай с ружьем, к которому был примотан сильный электрический фонарь, устроился на носу лодки. Погода благоприятствовала охотникам, было тихо и очень темно, почти как у Гоголя: «Тиха украинская ночь...». Тишину нарушали только редкие всплески крупной рыбы. Вскоре они доплыли до того места, где по берегу реки росло много дубов, и стали внимательно вслушиваться в тишину ночи, не трещит ли ветками взобравшийся на дуб медведь. Прошли долгие томительные минуты, пока охотники услышали такой треск, и тотчас же вспыхнул прикрепленный к ружью фонарь. Медленное течение реки позволило тщательно провести лучом по кроны дуба. Вот засветились два зеленых огонька — глаза медведя. Николай сказал, что в этот момент не испытывал никакого волнения. Тщательно прицелившись, он стреляет. Падающий медведь сбивает ветки, ударяется об землю. Почему-то он не побежал в темную чащу леса, а бросился в реку, да так близко от лодки, что брызги долетели до охотников, у которых мелькнула мысль, не упадет ли он на них. Но медведь поплыл на другой берег, откуда, по-видимому, и пришел, а Николай держал его в луче света и не торопился стрелять — убитый медведь мог утонуть. Но вот видно, что медведь уже на мелководье. Николай стреляет еще раз, и зверь остается на месте, но сильно колотит лапами по воде. Понадобилось еще два выстрела, чтобы голова медведя упала в воду и больше не поднималась. Только тогда друзья без робости подплыли к медведю и, ткнув веслом, убедились, что жизнь покинула его. И только тогда Николая охватило сильное волнение пополам с большой радостью — это был его первый медведь, но ко времени нашей с ним встречи далеко не последний. С большим трудом охотники втащили медведя в лодку и привезли домой.

БАРСУК – ЛЕСНОЙ МЕЛИОРАТОР

С. КУЧЕРЕНКО. Фото А. Дигилевича, И. Болотина

Барсук мне мил смолоду. И мельком видел я его несколько раз, и наблюдать за ним счастливилось, причем дважды подолгу — с засидки в хмурый осенний день. Видал у норы, на кормежке и прогулках, а то и блаженно греющимся на весеннем солнце. И всегда я им любовался и ни разу не поднял на него ружье, не настораживал капканы, тем более не разрывал нору, хотя прекрасно знал, что барсучатина нежна и вкусна, со специфическим приятным запахом, легкоплавкий жир его очень полезен, особенно для лечения серьезных легочных и желудочных заболеваний, незаменим при избавлении от долго не заживающих ран, экземы и прочих болячек. Барсучья же шкурка с длинной грубой остью и мягкой подпушью ласкает глаза оригинальностью желтовато-серебристого окраса меха. Даже состоятельные купцы из дореволюционной России почитали за честь и достоинство носить именно барсучьи шапки, хотя и куда как более дорогие бобровые завести им ничего не стоило.

Теперь же начнем знакомство с этим зверем, привлекательным и видом своим, и образом жизни, излучающим, как мне представляется, биотоки своеобразного звериного благородства, пусть и просто порядочности и добрососедства — да простится мне этот антропоморфизм.

Распространен барсук в нашей стране от Кольского полуострова до Кавказа и Средней Азии, от Беловежской пуши до Тихого океана. Лучшие места его обитания — смешанные широколиственные леса по всхолмленным просторам, насыщенным речками и озерами, оврагами и болотинками. Однако небезуспешно осваивает он и лесостепь, и лесистый пояс гор, причем на Кавказе, например, поднимается до трех тысяч метров над уровнем моря, а в Среднем и Южном Сихотэ-Алине — до верхней границы леса. И тем не менее подчеркнем: более всего этот зверь любит мозаичные леса в умеренном географическом поясе.

Северная граница ареала барсука определяется в первую очередь климатическими факторами. Как зверь зимоспящий, он к выпадению снега и наступлению морозов должен полностью завершить выращивание и обучение молодняка, а также накопление жировых запасов, достаточных для переживания остальной части года в полусонном состоянии в своих подземельях. И потому-то продвижение героя нашего рассказа к северу довольно тесно совпадает с изолинией продолжительности безморозного периода в 170 дней. Однако нужно помнить,

что нет этого зверя в переувлажненных безлесных лугах и в сплошной тайге.

Излюбленными местообитаниями являются крутые берега водоемов с узкой тенистой долиной, скальными обнажениями и каменистыми россыпями, спелые дубняки с густым подлеском из лещин, опушки смешанных лесов, высокие лесистые релки в окружении лугов, мозаичные террасы с подошвами гор. И всегда барсук тянется к выходам и обнажениям скальных пород и крупнокаменистым россыпям, где и устраивает наиболее надежные норы.

Дважды удалось мне наблюдать, как бурые медведи пытались добраться до любимого им сочного жирного харча. Они выворачивали из земли большие камни, грызли и рвали «канаты» корней, от напряжения и злости пыхтели, сопели, рывкали... Передыхали, обдумывая обстановку, и снова брались за свое. Но труд их в конце концов оказывался безуспешным.

Так что же это за зверь — барсук? Мало кто его видел, и потому есть смысл сказать о нем самое важное. Он во всем интересен и оригинален, и мало на кого похожих внешностью и образом жизни. Представьте себе годовалого медвежонка длиной тела около 1 м и весом от 12—16 до 24—28 кг. Вообще-то барсук строением тела, питанием, повадками и рядом других черт экологии напоминает буроного медведя. Он так же толст и неуклюж и движется медленно, вперевалочку, косолапая; и всеяден, но не склонен к хищничеству. А к осени сильно жиреет, чтобы с наступлением холодов вступить в долгий спокойный сон. Это давно подметили аборигены уссурийской тайги — удэгейцы и нанайцы и выразили по-своему: «Барсук — все равно маленький медведь. Ходи, кушай, спи — все равно медведь». И барсучьи следы похожи на медвежьи, только поменьше: это отпечатки широких пятипалых лап с длинными когтями и косолапой постановкой.

Барсук — зверь среднего размера, приземист, плотного сложения (особенно осенью), тело клиновидное, остроносая голова с очень подвижным носом как бы непосредственно переходит в солидное туловище с широким округлым задом и маленьким хвостом. Издали и в сумерках наш знакомец выглядит таким коротконогим упитанным кабанчиком, более всего любящим покопаться в лесной подстилке и земле.

В телосложении этого прекрасного землероя все рационально и мудро приспособлено для рытья нор и жизни в подземельях. Основное орудие для земляных работ — массивные лапы с

Барсук силен и не трусливого десятка

длинными и крепкими, прочно сидящими на толстых пальцах когтями длиной до 3–4 см. Важно отметить и то, что когти барсука служат и надежным защитным оружием против многочисленных почитателей барсучатины. Обороняясь, например, от норных собак, он, почти как крот, стремительно зарывается в землю, швыряя ее в морду супостата, и псы иной раз оказываются «заживо похороненными», скуляжом моля хозяев о помощи.

Он строг в выборе места для устройства нор и, соответственно, участка собственных владений. Грунт должен быть податливым для рытья, с водонепроницаемым подпочвенным слоем из глины и суглинков, в иных случаях роль крыши над норой выполняет плотная дернина, корневая система могучего дерева или каменная плита. Грунтовые воды обычно находятся ниже гнездовых камер и лазов.

Чаще всего норы располагаются недалеко от воды, на солнечном склоне, иногда на бугре, песчаных дюнах, релках; на сухих участках с дренированным грунтом, густо поросших деревьями, кустарником, высокотравьем. Нередко они устраиваются в расщелинах каменных глыб. Приходилось находить семейные убежища наших трудяг непосредственно в дуплах, а «временки» — под стогами сена, соломы или просто кучами хвороста. Однако такие норы, естественно, весьма недолговечны.

Удобные для нор места не так уж многочисленны, землерои обживают

их из года в год десятилетиями, столетиями, а возможно и тысячелетиями. И коллективные жилища превращаются в большие колонии, в которых обитает несколько родственно связанных семейств. Площадь их, называемых старыми городищами, составляет от 500—600 до 800 м², в них — от 25 до 50 отнорков. Общая длина нор достигает 50 м и более, объем же выбросов — до 200 м³.

В уссурийской тайге такие старые городища приходилось обследовать преимущественно на пологих склонах гор с каменистыми обнажениями. И почти каждое имело следы попыток раскапывания медведями. Ну а порушенные ими норы всегда оказывались устроенными в мягком грунте.

Барсучьи убежища представляют сложную систему подземных извилистых галерей разной протяженности, иногда в 2–3 яруса, с многочисленными тупиковыми отнорками, расширениями и гнездовыми камерами, в каждую из которых ведет несколько ходов. Типичная семейная нора занимает площадь в диаметре около 10 м, в ней 3–5 отнорков, из которых 1–2 используются постоянно, другие же являются запасными или выполняют функцию вентиляционных. Гнездовая камера находится чаще всего на глубине 2–3 м в 4–8 м от входа в норную систему. Размеры гнезда чуть меньше одного метра в диаметре, высота свода около 0,5 м. Возле такой норы обычно висится куча выбросов: в поперечнике около 2 м.

Гнездовая камера всегда суха, в нее не просачивается вода даже в ливневые дожди, она тщательно выстлана листьями, травяной ветошью, хвоей. В подстилке некоторых гнезд удавалось находить листья и веточки черемухи, которые, возможно, оказывались в камере в качестве дезинфицирующего средства.

Уборные — в специально вырытых ямках — находятся в стороне от лазов (10–20 м). По мере заполнения экскрементами звери зарывают ямки землей. Барсучья семья обычно осваивает участок радиусом до 1,5 км или несколько больше, площадью 10–15 км². Однако активно и регулярно посещают территорию в три раза меньше — не далее 0,5 км от норы. От гнезда ведут хорошо натеренные тропки в различных направлениях: к уборным, водопой, на кормовые уголья. Они хорошо прослеживаются до полукилометра от нор.

Барсуки родственного происхождения, объединенные в своеобразные кланы, весьма дружелюбны и общительны. Лишь половозрелые, выдавшие виды, самцы склонны к одиночеству и покою. Самке, с которой они «повязаны» пожизненно, в выращивании своего же наследия помогать не желают. Однако к чужакам, пусть и с соседних земель, барсуки дружелюбием не проникаются. Свои участки обитания рев-

ностно метят и оберегают. Метки собственников повсюду: вдоль троп, на приметных предметах, в лучших кормовых местах. Заявляют же о неприкосновенности частной собственности уборными, временными норами, выделенными анальной, подвостовой, пальцевой и других желез. Возможно, территориальные конфликты соседствующих землемеров ограничиваются угрозами и ритуалами, однако приходилось наблюдать и драки. Что-то не делили скорее всего молодые, осенью ищущие собственное место проживания.

Особо подчеркнем редкостную чистоплотность наших героев. Они постоянно следят за порядком в своих апартаментах и на кормовых пажитях. В гнездовой камере свежо и чисто, в специальных отнорках — неприкосновенные запасы лучших кормов, в других же — неизбежные отходы, особенно в зимнюю пору, есть потайные вентиляционные отдушины и потайные выходы. А в гнезде как будто кондиционер спрятан: зимой тепло, летом прохладно, воздух сух в самую меру. Люди словно для этого домоседа придумали поговорку: «Мой дом — моя крепость». И потому барсук в этой «крепости» проводит большую часть года, никого другого видеть в ней не желая. Особенно наглых лисиц и енотов, любящих отдохнуть, а то и «прописаться» на постоянное жительство за чужой счет.

Барсук силен и не трусливого десятка, однако всегда бдителен и предельно осторожен. Прежде чем выйти из норы в загустевших сумерках, долго прислушивается и принохивается — глазами он подслеживает. А выходит наверх лишь убедившись в полной безопасности. И все же опять изучает округу. А решив наконец идти кормиться, идет сначала как бы крадучись, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. И когда приходит к нему уверенность в полном покое и безопасности, начинается старательный поиск съедобного. Идет по тропе все быстрее, опустив чуткий нос книзу, словно потерял что и ищет и не может никак отыскать.

Но вот вошла в свои права ночь, и барсук ощутил в полной мере собственность надела и, все более утрачивая осторожность, шумит лесной подстилкой, разламывает трухлявые пни, переворачивает валежины, зарывается под кучи разного хлама. Пыхтит, сопит, похрюкивает, ногами топает. Хоть голыми руками его бери. Не-ет! Незримый двойник в нем все время бдит и чуть что — в бега к спасительной норе. Бежит обычно тяжеловатой трусцой, при обострении опасности мчится вскачь. Но когда враг его достигнет, он приступает к яростной обороне, прижав зад к дереву, коряге, камню. И не всякому неприятелю удастся его одолеть, не перед каждым псом поднимет лапы вверх и даже человека недву-

смысленно предупреждает: шутки со мною плохи. И вся беда этого трудяги в том состоит, что человек к нему подходит не с голыми руками. Но об этом мы поговорим позднее.

За ночь барсук проходит довольно много, но обычно от норы далее 0,5 км не удаляется. Разве что в весеннюю бескормицу забредает до километра другого. В полночь отдыхает, к утру сытым возвращается в собственные пенаты, где не только спит после трудов праведных, но и занимается нескончаемым благоустройством жилья. Но любит и поблаженствовать на солнышке — знает ведь толк в радостях жизни.

Набор кормов барсука весьма разнообразен, однако в нем есть излюбленные и наиболее важные: наземногнездящиеся птицы с кладками и птенцами, лягушки, ящерицы и змеи, рыба, слизняки, насекомые и их личинки, дождевые черви, всевозможные корни и луковицы, ягоды, грибы, орехи, желуди. Охотно посещает поля со злаковыми, помидорами, арбузами, дынями. Однако из этого перечня самыми лакомыми являются дождевые черви, лягушки, ягоды, орехи и желуди. И все же — при очень удобном случае не упустит возможности задавить зайчонка или косуленку. Вообще в питании барсук неприхотлив и может безбедно существовать длительное время на каком-либо наиболее доступном и обильном корме. Приходилось вскрывать желудки зверей, наполненные червями или лягушками, личинками, полевками, корнями, орехами или желудями. В желудке барсука в пору его активной жизни обнаруживается 500–600 г пищи, но это не объем его суточного питания. В сутки он кормится 2–3 раза, пища

Площадь нор составляет от 500 до 800 м²

же переваривается довольно быстро. В неволе суточный вес поедаемых кормов составляет около 10-15 % живого веса зверя — в зависимости от сезона, погоды, калорийности пищи.

И вот, наконец, мы подошли к необходимости пояснить, почему я назвал барсука лесным мелиоратором. Ведь в поисках корма он постоянно роется в лесной подстилке и верхнем слое земли, вынюхивая и высматривая съедобное. А лесу это чрезвычайно полезно, потому что он старательно взрыхляет почву и надежно закапывает в нее все возможные семена. Но при этом же уничтожает множество разных вредителей, особенно личинок майского жука, к которым у землероя особое пристрастие.

Только за эти мелиоративные «работы» нашего героя следует беречь, беречь и беречь, охотясь на него лишь при надежной высокой плотности населения, но и при этом только короткое время перед залеганием в норы и самыми гуманными методами. Истинные барсучатники знают это. Долгое время года они содержат норных собак, не устанно тренируя и натаскивая их в терпеливом ожидании любимой охоты. О ней в последнее время достаточно много пишут, и я не стану повторяться. Тем более что давно вызрели во мне совсем другие слова — злые.

Теперь в леса валит валом всякий люд, и в первую очередь — презирующий охотничьи законы, правила и этику добропорядочного охотника. Раскапывания барсучьих поселений им стало мало, и начали они травить зверей, залегших в предзимний сон, выхлопными газами мотоциклов, дымовыми шашками, ядами. А недавно рассказали мне, что барсуков выкапывают бульдозерами! И борьбы с этим злом практически нет никакой. Уместно будет

здесь сказать, что столь уничтожающе-варварское браконьерство в последние годы и далее «набирает темпы». В Китае за самовольный отстрел тигра казнят, у нас же этих персонажей Красных книг бьют ничтоже сумняшеся, ибо знают, что в части соблюдения законодательства Россия — не Китай. Что любителям легкой наживы звери-птицы-рыба? Они уже тайгу дорубливают задарма, обогащая закордонных бизнесменов.

Но пора вернуться к барсукам. К осени они, как уже говорилось, жиреют настолько, что удваивают свой весенний спортивный вес. А после капитального ремонта жилища надолго залегают в зимний сон. Правда, в оттепели выходят подышать свежим воздухом и поразмяться, но скоро убеждаются, что в норе куда лучше и безопаснее, и спешат в нее. И чувствуют себя там, как мне представляется, вполне счастливыми.

Во всем продуманно живет наш герой, во всем он предусмотрителен. Казалось бы, зачем ему зимой корм, когда собственного сала хоть отбавляй. Ан нет! В кладовых у него с осени припрятаны высушенные коренья, умело завяленные лягушки и полевки, немного орехов и желудей. На всякий случай, мало ли что.

Как ему ни хорошо в теплой сухой квартире в какой-нибудь паре метров от лютой стужи, она ему все же надоедает, и он ждет не дождется выхода на волю. И как только солнце начнет увлажнять снег, он выглядывает «на волю», каждый раз топчется дольше, линия при этом. Потом начинает экскурсировать окрест.

Настало время поговорить о делах семейных. Считается, что барсуки — моногамы. Однако самец живет рядом с самкой преимущественно в брачную

пору и возвращается в семью лишь к залеганию в долгий сон. Он сохраняет половую активность всю весну и лето, временно утрачивая ее на предзимние месяцы, когда важнее всего усиленно копить жир. А устроившись в спальне и передохнув, вновь интересуется подругой. Спаривание обычно происходит вскоре после родов, однако брачный период растянут на несколько месяцев. Да и как же иначе, если овуляция яйцеклетки начинается лишь после двадцати спариваний.

В пору весеннего и раннелетнего полового возбуждения доминирующие самцы, активно патрулируя свои владения, явно преображаются: они с дамами игривы, возбужденно похрюкивают, опрыскивают их мускусом. Пять дней с одной, потом, передохнув, ищут другую — такие вот они «моногамы». Впрочем, будем к ним справедливы: нагулявшись, каждый считает свою спутницу по жизни единственной, как и волки, как и лебеди или гуси. И в этом заложен определенный биологический смысл. Оплодотворенная яйцеклетка покоится около десяти месяцев. Роды — в марте-апреле. В помете от 2 до 6, но чаще 3-4 детеныша. Средний размер выводка весной и летом равен 3,2.

Новорожденные развиты очень слабо — крошечные, глухие и слепые, в редкой белесой шерстке. Но растут стремительно. В месячном возрасте они уже с зубками, еще через неделю видят и слышат, на третьем месяце уже выходят из норы этакими красавчиками уже в наряде родителей. Мать чрезвычайно заботлива. Регулярно выносит детенышей на прием солнечных ванн, первые выходы из норы — под строгим вниманием родительницы. К середине лета барсучки удивительно подвижны и любознательны, однако еще долго

Барсук во всем интересен и оригинален: и во внешности, и в образе жизни

Что делать в случае утраты оружия?

будут познавать окружающий мир под мудрой материнской опекой. Сентябрьский молодежь линейными размерами близок к взрослому, хотя и более легковесен, строен и поджар. Но ко времени залегания в зимний сон сеголетки успевают зажиреть в должной мере.

Осенью часть выводков распадается, часть залегает семейно, и это случается чаще. В среднем в одной норе зимует 3,8 барсука. В позднеосенних популяциях барсуков насчитывается около 40 % сеголетков, второгодков — 26 %, остальные — взрослые. Впрочем, самочки могут спариваться и в годовалом возрасте, а в 2 года приносят первое потомство.

Барсук легко мирится с хозяйственной деятельностью людей, запросто селится по перелескам среди сельхозполей, в отвалах срубленного леса и кустарники устраивает норы и на пашнях навевается, как на свою собственность.

Мы уже знаем, почему этого зверя зовут лесным мелиоратором. Для лисов он столь же полезен, как муравьи и дятлы. Ведь не просто так в странах, где нашего трудягу истребили, теперь берут на учет все старые колонии и реакклиматизируют загубленный вид.

Прочитал написанное и зарылся в слежавшиеся пласты памяти, аки барсук в своих пенатах. И вспомнил мне примечательный случай. Мы с проводником-удэггейцем тянули трудный маршрут по горам Сихотэ-Алиня в нескончаемом стремлении познать уссурийскую тайгу. Были грибные дожди, парная духота и мириады всевозможного гнуса. И вот как-то присели мы передохнуть на склоне густо заросшей кедровником горы, а через несколько минут услышали доносившийся сверху тревожный шум... Все ближе и ближе... Затаялись иждем.

Сначала по зверовой тропе мимо нас суетливой цепочкой пробежали беспокойно похрюкивающие и взвизгивающие четыре серебристые барсучонка, а через несколько секунд показалась барсучиха со вздыбленным загривком и хребтом. Показалась и обернулась назад. А оттуда уже двигалась рысь. И стало нам ясно: таежная кошка пожелала полакомиться вкуснятиной, но детей отважно прикрывала мать. Угрожающе шипя, она смело бросилась навстречу агрессору, а когда тот вспрыгнул на выворотень, потрусил по тропе за семейством, остановившаяся и оглядываясь, поводя головой с оскаленной пастью. Отступала она не мешкая, но и не теряя достоинства. Мы вскочили, закричали на рысь и зашвыряли в нее камни, и она мгновенно исчезла. Барсучиха же помчалась вперед. А я подумал: надо быть не только сильным, но и смелым, чтобы бороться с хищными намерениями опасного зверя.

В Правилах оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814, в Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ (далее Инструкция), утвержденной приказом Министра внутренних дел РФ от 12 апреля 1999 г. № 288 с последующими изменениями и дополнениями, содержится требование, чтобы граждане имеющиеся у них оружие и патроны хранили по месту проживания с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц. К условиям безопасности хранения предъявляются и другие требования, о которых уже неоднократно говорилось. Следует заметить, что в некоторых органах внутренних дел к владельцам оружия предъявляются требования об обязательном оборудовании комнаты, в которой хранится оружие, охранно-пожарной сигнализацией. Это требование относится, согласно Инструкции, только к владельцам коллекции оружия.

Как бы ни были строги требования, изложенные в правовых актах об обеспечении сохранности оружия, оно все равно может «уйти» из законного владения собственника. Ружье может быть украдено из квартиры, дачи или другого места хранения; утеряно при неаккуратном с ним обращении во время охоты на водоеме и др.

Что же должен делать владелец оружия в таких случаях?

В Федеральном законе «Об оружии» об этом не сказано ни слова. В статье 22 только говорится, что гражданам запрещается хранение и использование найденного ими или переданного им огнестрельного оружия, собственником которого они не являются. Такое оружие подлежит немедленной сдаче в органы внутренних дел.

Четко прописаны в Инструкции действия юридических лиц в случае утраты или хищения оружия. В ст. 143 записано, что в этих случаях незамедлительно должен быть проинформирован орган внутренних дел по месту учета оружия.

Постановлением Правительства РФ от 18 декабря 1997 г. № 1575 «О порядке выдачи органами внутренних дел Российской Федерации служебного оружия судьям» был утвержден Порядок выдачи органами внутренних дел Российской Федерации служебного оружия судьям, в котором записано, что в случае хищения или утери служеб-

ного оружия и патронов к нему судья обязан немедленно сообщить об этом в письменной форме в орган внутренних дел, выдавший разрешение на его хранение и ношение.

В Инструкции о порядке выдачи табельного ручного стрелкового оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудникам органов внутренних дел РФ на постоянное хранение и ношение, утвержденной приказом МВД РФ от 17 ноября 1999 г. № 938, также сказано, что в случае утраты, хищения, порчи или выхода из строя табельного боевого ручного стрелкового оружия, боеприпасов сотрудник обязан незамедлительно доложить об этом в дежурную часть органа внутренних дел и непосредственному начальнику.

Надо отметить, что как собственники оружия, так и лица, за которыми закреплено табельное оружие, за его небрежное хранение, вследствие чего были созданы условия для его использования другим лицом и это повлекло тяжкие последствия, могут быть привлечены к уголовной ответственности (ст. 224 УК РФ).

В примечании к приложению № 23 Инструкции, в котором приводится форма разрешения на право хранения и ношения наградного оружия, прямо говорится, что в случае утери или хищения оружия награжденный должен немедленно сообщить об этом в территориальный орган внутренних дел.

Более четко в правовых актах прописаны действия граждан в случае хищения или утери лицензий, разрешений и других документов на оружие.

Так, в Правилах награждения граждан Российской Федерации наградами гражданским, боевым короткоствольным ручным стрелковым и холодным оружием содержится требование, в соответствии с которым в случае утраты (хищения) документов, награжденный должен обратиться в органы внутренних дел.

Инструкция дает право владельцу оружия на переоформление лицензий и разрешений в случае их утраты. Хотя в Инструкции и не говорится о случаях хищения, но эта норма применима и в данном случае. Для оформления лицензий или разрешений в подобных случаях надо обратиться с заявлением в орган внутренних дел, который ранее выдавал эти документы.

Таким образом, подведем итог сказанному: в случаях, когда оружие, лицензия или разрешение на него украдены, утеряны и т.п., их владелец обязан сообщить об этом в органы внутренних дел.

Н. АСТАФЬЕВ,
старший советник юстиции

Со спаниелем на утку

Фото В. Гурова

Была очень хорошая мысль — устроить смотр подружейных собак на тургеневской земле, ведь Иван Сергеевич Тургенев был большим любителем самой прекрасной и волнующей охоты с подружейными собаками. Я думаю, что со мной согласятся владельцы легавых и спаниелей, что нет ничего дороже бекаса, дупеля, гаршнепа или перепела, добытого из-под чутьистой и отлично натасканной собаки. При Иване Сергеевиче в числе охотничьих собак спаниели не числились, их стали культивировать в России значительно позже, поэтому мне, как куратору породы русского спаниеля по России, было очень приятно, что спаниелей наконец совершенно справедливо включили в ряды современных подружейных собак.

Судить русских спаниелей на выставках разных рангов в различных регионах нашей страны мне приходилось неоднократно, и я имею достаточно полное представление о их современном поголовье. Вместе с тем, всегда полезно уловить те новые качественные изменения, которые должны иметь место в процессе совершенствования породы. Очень важно было сравнить собак из отдаленных друг от друга областей, определить, насколько порода консолидирована, несмотря на определенную разобщенность кинологических организаций. Я очень хорошо помню те региональные различия в облике русского спаниеля, которые бросались в глаза в прежние годы. Касались они большей частью рисунка головы, высоты в холке, индекса растянутости и характера шерстного покрова. Очень хотелось пообщаться с руководителями пород, племенниками и владельцами собак из разных городов.

Русские спаниели

А. АЙРАПЕТЬЯНЦ,
эксперт Всероссийской категории

Потрясающе прекрасная расположенная на холмах и горках усадьба «Дворянское гнездо», где когда-то охотился И.С. Тургенев, меньше всего подходила для проведения выставки. Красота красотой, но площадки рингов должны быть максимально пригодными для осмотра собак и находиться неподалеку от Выставкома. Спаниелям не повезло. Ринги спаниелей и английских сеттеров находились в низине у самой реки, а палатки организаторов выставки размещались на горке весьма далеко от нас. Отсутствие хотя бы схематичного плана выставки и указателей превращало поход за документами, медалями, призами и ценными указаниями в соревнования по спортивному ориентированию с элементами альпинизма. Прошедший ночью дождь сделал скользкими тропинки, ведущие в горки, что значительно осложняло продвижение по ним.

В папках с документами была только часть оценочных листов, остальные приносили сами владельцы. Во многих были неполные сведения об экспонентах, некоторые полевые дипломы, в том числе и высоких степеней, были получены буквально накануне выставки. Приходилось срочно вносить коррективы в оценочные листы, дописывая баллы потомкам и производителям. У меня в ринге всем этим занимались приехавшие вместе со мной эксперт II категории Ирина Русина и стажер Василий Пчелинцев. Огромное им спасибо! Ассистенты — эксперты II категории В.И. Пересыпкин и Л.М. Тарасов по мере сил и возможностей старались ускорить начало экспертизы.

Честно говоря, я согласилась на судейство из соображений анализа поголовья русского спаниеля «из всех концов нашей матушки Руси», как это было обещано в каталоге. Увы, «концы» оказались короткими, собаки были представлены большой командой московского «Динамо», командой Орла и отдельными представителями близлежащих к Орлу городов — Курска, Саратова. Самыми дальними участниками были Санкт-петербуржцы и украинцы (города Луганск и Николаев). В общей сложности экспертизу прошли 36 русских спаниелей, 2 английских кокера, 3 лабрадора-ретривера и 7 голден-ретриверов.

К тому времени, как наступила очередь экспертизы русских спаниелей, погода начала портиться. Экспертиза младшей возрастной группы затянулась из-за того, что не все владельцы умеют показывать своих питомцев в стойке и в движении. Прежде чем рассмотреть прикус и зубы, приходилось наскоро обучать хозяев, как это делается. Внешний вид ряда собак также

оставлял желать лучшего: плохо расчесана уборная псовина, не убран свалывшийся подшерсток на ушах. Многие владельцы не удосужились убрать торчащую в разные стороны линную шерсть на конечностях, искажавшую истинную картину их постава. Оправдания, что, мол, лишь бы собака хорошо работала в поле, а внешний вид не имеет значения, нелепы и недостойны внимания. Выставка — это парадный смотр, и к ней надо готовиться. На мой взгляд, это все недоработки со стороны руководителей породы, недостаточно уделяющих внимание владельцам спаниелей, консультациям по подготовке собак к выставке. Среднюю возрастную группу мы отсудили под небольшим дождичком, работа же со старшей группой проходила во время грозы, сопровождавшейся сильным ливнем. Надо отдать должное стойкости владельцев и четвероногих участников выставки, откровенно вышагивавших по рингу под непрерывным холодным душем. У намокших спаниелей шерсть становится более гладкой, уборная псовина обвисает, пропадает нарядность ухоженной собаки. В такой обстановке очень трудно объективно оценить экстерьер и движение животного.

Поголовье русского спаниеля, показанное на Орловской выставке, не позволяет судить о состоянии породы в России. Не представлены были собаки из северных и даже северо-западных регионов (кроме Санкт-Петербурга), отсутствовали русские спаниели Урала и Зауралья, я уже не говорю о Сибири. Не было собак нижегородских, тульских, тамбовских, рязанских, ярославских, ульяновских. Москвичи были представлены только обществом «Динамо». Судя по выставкам, на которых мне приходилось проводить экспертизу русских спаниелей, в указанных регионах много ярких представителей породы, полностью соответствующих современному стандарту. Я понимаю, что сейчас трудно и дорого посылать команду на дальние расстояния, не просто добираться и по железной дороге, и автотранспортом. Но дело не только в этом. Стоит посмотреть план выставочных и полевых мероприятий, зарегистрированных в РФОС на июнь, чтобы убедиться в несогласованности их сроков. В период с 11 по 13 июня проходили областные и городские выставки охотничьих собак, а также разных рангов состязания спаниелей в целом ряде регионов. Так, 11 июня проходила областная выставка в Саратове, 12-го — межрегиональная выставка спаниелей (!) в г. Солотча Рязанской области, Шуйская областная выставка, 1-12-го — III Всероссийские состязания спаниелей (Рязан-

Мартин-Рик, вл. И. Костенко, — сын чемпиона Мартина А. Старостина

Бишен-Вивальди, вл. В. Буров, от чемпиона Ин-Весты А. Старостина

Фото М. Старостиной

ская область), 12 июня — Тверская областная, Нижегородская областная, в Екатеринбурге — 70-я юбилейная выставки. Многие охотничьи общества предпочли Всероссийские состязания Всероссийской выставке, считая их более интересными и значимыми.

Несмотря на то что русских спаниелей было немного, можно сказать, что заметно выросла однотипность, почти все прошедшие экспертизу собаки были среднего и выше среднего роста, с хорошим костяком и в большинстве своем с типичными, хорошего рисунка головами. У кобелей, как правило, были достаточно высокие холки. Из недостатков, имевшихся у некоторых собак, отмечу следующие: узковатый постав задних конечностей, неплотно прилегающее веко, коротковатое ухо, у коричнево-пегих собак светлый глаз с «подопрелыми» веками, излишне волнистая шерсть, положение хвоста заметно выше линии спины. Последнее относится в основном к кобелям. Наряду с рослыми (выше среднего роста) собаками были и мелковатые с бедным костяком. Как и прежде, многие недостатки носят региональный характер, закрепленный замкнутым кругом производителей и небрежным подбором пар. Так, у большинства собак Орловской области недостаточна длина ушного полотна (до края мочки носа ухо не достает 1-1,5 см). Для некоторых саратовских собак характерна излишняя волнистость шерсти на загривке и на темени. У украинских спаниелей бросаются в глаза грубоватые, излишне широкие в черепной ча-

сти головы, отвисающие веки. Еще раз повторю, что мне трудно судить по отдельным (возможно, не самым типичным) представителям, насколько эти недостатки распространены в регионе. Все четыре собаки из Санкт-Петербурга отличались красивыми сухими головами с типичным для породы контуром, кобели — выше среднего роста с выраженными холками. Москвичи («Динамо») показали достаточно рослых однотипных собак с отличными конечностями и хорошей линией верха, у отдельных представителей глаза были чуть светловаты для своего окраса и высоковато «поставлены» хвосты. По моим наблюдениям, именно этот дефект до сих пор еще очень распространен во многих регионах. Отмечу, что московские («Динамо») и петербургские (МОО ЛООиР) спаниели характеризуются большим сходством породного типа.

Оценку «отлично» из 28 собак средней и старшей групп получили 18, то есть почти 65%, причем из 7 продемонстрированных сук этой возрастной категории высшей экстерьерной оценки удостоились 5. На «очень хорошо» было оценено в общей сложности 11 спаниелей: 5 — из младшей, 6 — из средней и старшей групп. Оценку «хорошо» получили 5 собак, все из средней и старшей групп. Два однопометника (кобель и сука младшей группы) из Орловской области оказались с пороком зубной системы — клещеобразным прикусом.

В большинстве своем спаниели, показанные на выставке, имели высокий бонитировочный класс, что говорит о хороших рабочих качествах. Чемпионами выставки стали спаниели из Московского общества «Динамо»: Мартин 4082/97 и Ин-Веста 4154/98, принадлежащие А.А. Старостину. В класс «элита» вошли 6 московских собак и по одному представителю из Орла (Ричард 4545/04 Котова) и Саратова (Бим 4539/04 Повивкина). Московские динамовцы продемонстрировали наибольшее число классных собак с высокими полевыми дипломами во всех возрастных группах.

Несколькостораживают полевые дипломы, полученные непосредственно перед выставкой, то есть в период, закрытый для охоты. Охотничья этика не позволяет проводить отстрел птиц в незаключенный сезон размножения. Правила же полевых испытаний предполагают проверку подачи свежестрелянной птицы. На мой взгляд, нельзя присуждать собаке высокую степень полевого диплома при подаче тушки птицы из холодильника — трофея весенней охоты. Известно, что некоторые спаниели неохотно подают (или отказываются подавать) «теплую», то есть только что острелянную дичь, прекрасно апортируя другие предметы (мячики, тапочки, крылышки). Не подменяется ли в этом случае проверка рабочих качеств погоней за дипломами? Этот вопрос связан с доработкой «Правил полевых испытаний» спаниелей.

До настоящего времени в руководящих документах по охотничьему соба-

ководству нет вразумительного толкования термина «универсальность». При бонитировке баллы по этому показателю могут начисляться как за дипломы по второстепенным (не основным) для данной породы видам дичи, так и по профилирующим (основным) или только по второстепенным. Решение принимают эксперты ринга, и в результате одной и той же собаке при одних и тех же дипломах начисляется разное количество баллов, к большому недоумению владельца. Ни в Правилах проведения выставок, ни в Положениях о выставках не говорится о том, за что следует начислять эти пресловутые баллы. Спаниели выведены для охоты «по перу», то есть по всем видам пернатой дичи. Стоит ли добавлять баллы за универсальность, если полевые дипломы отражают те виды охоты, ради которых и была создана порода? Другое дело кровавый след. Работа совершенно не типичная для подружейной собаки (исключительно низовая, четко по следу), и если спаниель справляется с ней как положено, то можно говорить об универсальности. Это мое личное мнение, я уверена, что большинство спаниелистов со мной не согласится — кому же хочется терять лишние баллы. Вместе с тем, собаки из разных ландшафтных зон оказываются поставленными в неравные условия. Дополнительные баллы достаются тем, кто живет в более богатом в фаунистическом отношении регионе и может испытываться по разнообразным видам дичи. Как же набрать много баллов за универсальность собакам из северных областей? Не ехать же за ними в Центральные и Южные регионы. И второе: в оценочных листах диплом по утке обозначается буквой «у» (например: 2-1ly); он относится к категории основных и дает возможность выхода в I класс и элиту, в отличие от диплома по «водоплавающей птице», служащего для спаниелей второстепенным. В первом случае испытания могут судить только спаниелисты, во втором — эксперты и других специализаций, поскольку они (испытания) предназначены и для некоторых других пород. Для спаниелей этот диплом котируется так же, как и по кровавому следу (III класс). Ни на одной Всероссийской выставке, ни на одной областной, где мне приходилось судить спаниелей, я не видела дипломов по водоплавающей, всюду они обозначались буквой «у». В то же время, судя по знакомым мне фамилиям экспертов, многие из этих дипломов присуждались именно по «водоплавающей птице». Напомню, что для получения такого диплома подачи в руки ведущему может и не быть, а спаниель без подачи — это уже не спаниель!

В заключение хочу сказать, что консолидации породы по основным экстерьерным и рабочим качествам мы сможем добиться только при тесных рабочих контактах спаниелистов разных регионов, при разработке единых приоритетов, четком определении понятий. Необходим обмен племенным ма-

териалом, открытость при характеристике племенного поголовья, отбраковке племенного брака. Чем больше русских спаниелей будет демонстрироваться на Всероссийских выставках, тем легче будет определить современную тенденцию в развитии породы по всей России, а не только в отдельных регионах.

Комментарий редактора

1. Непонятно, почему спаниелисты считают диплом «по водоплавающей птице» второстепенным. Вроде бы испытания проводятся в одинаковых условиях и преимущественно по утке. Если же оценивать саму работу охотничьей собаки по правилам «по водоплавающей птице», то за исключением моментов дрессировки, которая требуется от спаниеля, четверть всей работы (25 б. от 100) отдана на определение качества самой главной функции — подачи дичи с воды или трудных мест. В правилах испытаний спаниелей по утке на это отводится одна десятая часть (10 б. из 100), причем на подачу из воды всего 5 баллов. Пять баллов — это слиш-

ком грубая характеристика самого главного элемента охоты — подачи, тогда как 25 баллов позволяют более четко характеризовать все ее элементы.

2. Трудность проведения испытаний спаниелей по утке заключается как раз в том, что эти испытания имеют право судить только спаниелисты. Учитывая то, что в стране не слишком много спаниелей, а экспертов по их полевым испытаниям и того меньше, с мест неоднократно ставится вопрос о том, чтобы экспертам, которые судят испытания по водоплавающей дичи (лайтчикам, легашатникам, любителям ретриверов и норных собак), разрешили судить испытания спаниелей по их правилам — по утке. Получается нонсенс. Зачем делать такие подтасовки? Все равно вся разномастная судейская братия не сумеет отточено четко судить работу спаниеля. Она невольно станет оценивать работу спаниеля по водоплавающей дичи, а расценку давать «с книжки» — по утке. Не проще ли обьединить эти правила, отнестись к необходимым элементам дрессировки для присуждения диплома той или иной сте-

пени спаниелям, отдельно — ретриверам, континентальным легавым?

Например: нет необходимости проверять «поиск на суше» при испытаниях по утке, тем более что порой и достаточной по площади суши нет и проверка этого элемента становится фиктивной. Поиск на суше естественно проверяется при испытаниях по болотно-луговой, полевой и боровой дичи. «Мастерство» и «настойчивость» спаниеля соответствуют «настойчивости» и «вязкости» в Правилах испытаний по водоплавающей дичи. И если для спаниелей правила испытаний по водоплавающей дичи должны быть основными, то для всех остальных групп охотничьих собак они должны быть только дополнительными, но позволяющими вхождение не меньше, чем во II племенной класс. Работа по водоплавающей дичи достаточно сложна, а очень многие охотники, живущие в регионах, богатых водоемами, содержат собак для использования именно на охоте по водоплавающей дичи, причем для сложных тяжелых условий в этих случаях больше всего подходят континентальные легавые.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ГОНЧИЕ - ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ II

Десять лет назад свою рецензию на книгу Р.И. Шияна «Русская гончая» я снабдил подзаголовком «Подведение итогов», т.к. эта книга действительно, явилась своеобразным подведением итогов в истории создания современной заводской породы Русская гончая. Причем в той своей рецензии я отметил, что «по глубине осмысления автором истории русской гончей, по широте охвата материала, по верности оценки современного состояния и постановки насущнейших задач в деле дальнейшего совершенствования породы книга «Русская гончая» не знает равных в литературе о гончих за последние 50–60 лет». То же самое с полным на то основанием я могу повторить и о новой книге известного гончатника и эксперта Всесоюзной категории Руслана Ивановича Шияна «Полевой досуг гончих»¹.

Книгу, посвященную исключительно полевому досугу гончей собаки, российские гончатники ждали давно. Ведь с момента выхода классического труда Н. П. Пахомова «Полевые пробы гончих» прошло уже почти три четверти века и большинство современных российских гончатников с ним не знакомы. Все же последующие авторы писали обычно о гончих и их полевом досуге в общих чертах и очень кратко, к тому же при этом не выходя за рамки, очерченные в трудах классиков литературы о гончих. Но ведь отечественные породы гончих собак все это время не стояли на месте. Совершенствовались и их полевой досуг, и наши собственные познания об этом предмете, а также правила полевых испытаний. Одним словом, давно назрела потребность в качественном пособии, посвященном всестороннему анализу полевого досуга гончей с учетом современных представлений и требо-

ваний охотничьей и судейской практики. Выход в свет труда, посвященного полевому досугу гончей собаки, принадлежащего перу одного из самых известных отечественных экспертов по гончим, наконец-то закрывает эту лакуну.

Новая книга Р. И. Шияна представляет собой подробный анализ развития взглядов русских гончатников на полевой досуг гончих, как в целом, так и по отдельным его элементам, за более чем столетний период существования полевых испытаний гончих собак в России и является закономерным итогом в деле осмысления той работы, которая была проделана русскими гончатниками на протяжении всего XX столетия по совершенствованию полевого досуга отечественных гончих и правил его объективной оценки.

Детальный, обстоятельный разбор всех

элементов работы гончей удовлетворит самого взыскательного эксперта-гончатника. Особенно полезна книга для простых гончатников, она научит их правильно разбираться и оценивать все элементы полевой работы гончей. Для молодых и начинающих гончатников работа Шияна — отличное пособие и настольная книга, она научит их пониманию того, как должна работать гончая, что есть красота в ее работе и что есть правильная охота с ней.

Книга Р. И. Шияна — достойное продолжение трудов Н. П. Кишенского, Н. П. Пахомова и других классиков литературы о гончей. Она по праву займет свое почетное место на охотничьей полке российских гончатников. И я несколько не ошибусь, если скажу, что к этой книге любители правильной охоты с гончими будут обращаться постоянно.

В заключение я не могу не сказать и о том, что несколько огорчило меня. Я имею в виду цену книги: 230 рублей за книгу в 11 печатных листов, в мягкой обложке с клееным блоком и тиражом в 3000 экземпляров — это неоправданно много. Конечно, можно долго и нудно рассуждать о том, что книги у нас много дешевле аналогичных книг, издающихся на Западе. Но у нас и средняя зарплата несопоставима с западной.

Впрочем, это лишь замечка по поводу, и она не имеет никакого отношения к замечательной книге Р. Шияна, которая заслуживает высокой оценки, а ее автор — благодарности всех любителей гончих собак и охоты с ними.

О. ЕГОРОВ

Желающие приобрести книгу Р. Шияна обращайтесь в Нижегородский областной клуб охотничьего собаководства по телефонам:

8(8312) 37 32 18 Железнов Владимир Павлович

8(8312) 10 27 71 Сухотерина Любовь Янковна

на

¹ Шиян Р.И. Полевой досуг гончих. — Н.-Новгород, 2006.

Советы бывалых охотников Гусю из гофрокартона

Прочитал в № 11 нашего журнала за прошлый год отлично написанную и буквально нашпигованную полезными сведениями статью Игоря Алёхина «Особенности гусиной охоты в Приазовье».

Под старость и мне удалось узнать эту увлекательную охоту, которая дает такой трофеей, что иной «африканер» позавидует. Причем не только трофеей! Эмоций на гусиной охоте хоть отбавляй! И писал я об этом неоднократно, тоже лелея надежду, что мои советы пригодятся какому-либо молодому охотнику.

Еще в 1990 году я опубликовал в № 5 журнала «Охота и охотничье хозяйство» статью об изготовлении гусиных профилей. Видимо, именно тогда были мной впервые предложены профили в позе «переговаривающихся птиц». Ни в одном иностранном каталоге того времени я не встречал таких, хотя там есть и машущие крыльями, и распластавшие крылья во время приземления. Именно «переговаривающиеся гуси» придают всей «стае» приманок особую живость. Всего две-три пары, а вид меняется разительно. Стая профилей буквально оживает. Или просто мне так кажется?

Позднее я видел в охотничьих магазинах комплекты гусиных профилей, сделанных по лекалам из того номера журнала.

В № 2 журнала «Природа и Охота» за 1993 год я писал, что гусиные профили можно делать даже из толстого гофрокартона, и привел, если можно так выразиться, технологию их изготовления.

Рад, что Игорь Алёхин воспользовался моими советами, но профили, сделанные им даже не из легкого гофрокартона (не решился, не поверил, что такое возможно!), раскисли в первые же дни охоты. Рассказывает он об

этом, не называя фамилии автора-советчика, нарекая его с немалой долей иронии «профессором-гусятником». Камушек-то в мой огород! Конечно же, это я поделился своим опытом изготовления гофрокартонных «гусей», которых вы видите на фотографиях.

Алёхинские профили раскисли только потому, что он невнимательно прочитал мои советы. Цитирую фрагмент той самой статьи. «Чтобы они не размокали, надо обязательно заделать края. Сначала сомните их..., а затем застрочите на швейной машине либо заклейте полоской крафт-бумаги, либо скрепите частым рядом канцелярских скобок... **Осталось только покрыть профили двумя, а то и тремя слоями бесцветного мебельного лака**, а когда он высохнет окончательно, раскрасить масляными красками». Скрепки я ставил с помощью мощного степлера, а лак использовал ПФ-283.

В этом-то и секрет «неразмокания» профилей, сделанных из такого, казалось бы, ненадежного материала.

Получились мои «гусики» на удивление легкими. Я все-таки повозился тогда и сделал их больше полусотни, а весят они действительно около пяти килограммов, отслужили уже восьмую весну, поистрепались, но, думаю, еще послужат. Только у пары переговаривающихся и одного сторожевика надломилась длинные шеи. А так вся «стая» выдержала и мокрый снег, и дождь именно потому, что покрыты они были несколькими слоями лака, а не олифы, как это сделал мой уважаемый последователь. Олифить можно только профили фанерные.

Справедливости ради скажу, что прямо в воду их я не ставил, да в этом и не было необходимости. И больше пяти-шести зорь подряд за весну они на полях не стояли.

Профиля, покрытые несколькими слоями лака, даже под масляной краской немного блестят. Как я ни старался убрать этот блеск — и керосином протирал, и мелкой шкуркой драил, и даже грязью мазал — они блестели. Однако, несмотря на это, «работали!» Гуси, и одиночные и стайками, отлично реагировали на них — заведев, начинали кричать, подворачивали к ним и снижались. И никакой блеск их не смущал.

И я понял, в чем тут дело.

Так как профили стоят вертикально, то их плоская поверхность, как зеркало, отражает лучи солнца вниз, к земле, а не вверх, к гусям, и блеска они не видят. А вот ставить профили, если они хоть немного блестят, около воды, на лужах ни в коем случае нельзя. Лучи солнца отразятся дважды. Сначала от боковины профиля косо вниз, а затем от поверхности воды вверх. Конечно, этот блеск будет гусям заметен и отпугнет.

Поэтому разговоры о том, что даже немного поблескивающие профили отпугивают гусей, несколько преувеличены. В то же время объемные чучела, конечно, «права блескеть не имеют». Если же раскрашивать покрытые лаком профили не масляными красками, а вододисперсионными для наружных работ, то профили вообще блескеть не будут.

Самому же маскироваться надо всегда очень тщательно. Однако пожилому человеку довольно сложно копать даже небольшие окопчики. Поэтому я просто находил какую-нибудь канавку или углубление, ложился на пенополиуретановый коврик, обставлял себя вплотную гусиными профилями и заваливал весенней сухой травой или тростником. И с пользой!

Дмитрий Житенёв
Фото автора

Профили из гофрокартона на озими. На заднем плане слева — объемные чучела

ОБ УБОЙНОМ ДЕЙСТВИИ ПУЛЬ

А. БЛЮМ

Убойное действие пули — это выражение постоянно коучет из статьи в статью, из книги в книгу, но очень редко ему дается конкретное объяснение.

Чтобы читатель проникся сложностью работы по определению убойного действия пули, позволю себе привести один абзац из книги группы авторов по криминалистическим исследованиям патронов. «Многие данные заимствованы судебной баллистикой из военного дела, где исследования по определению убойной силы оружия и боеприпасов проводятся для выяснения их способности к выполнению определенных боевых задач, проверки результатов конструкторских работ и пр. Военные экспериментальные методы определения убойного действия пули сложны и предусматривают учет таких факторов, как уязвимость разных зон человеческого организма, вероятность попадания в определенные их участки, внешне баллистические характеристики и разрушительный эффект пули и пр. Каждый из факторов имеет многоступенчатые градации с оценочными индексами. Результат испытания выражается отвлеченными числовыми показателями, определяемыми путем статистической обработки индексов, и показывает преимущества или недостаточность характеристик испытываемых боеприпасов с их аналогами». В такой детализовке, как у военных, провести эти исследования практически невозможно, а в упрощенном варианте вряд ли получим достоверную картину.

Необходимые испытания охотничьих патронов в натуре проводятся, как правило, на ограниченном количестве однотипного живого материала, в процессе которых в укрупненных показателях определяется соответствие (или несоответствие) действия пули на практике теоретическому прогнозу. Причем анализировать характер поражения можно, естественно, только у тех животных, которые попали в руки стрелка, не добытые же подранки не дают ответа, почему ранение не оставило зверя на месте.

Испытания патронов, в которых мне пришлось участвовать, были ориентированы на конкретные виды. Разработанный в конце пятидесятых годов патрон кал. 5,6 мм с высокой начальной скоростью пули (5,6х39) должен был дать первое специализированное оружие на промыслах тюленей в Белом море и Каспии, сурка и сайгака в Казахстане, где в те годы проводились массовые заготовки этих видов. В силу некоторых особенностей промысла одних животных и небольших размеров других исследовать раневой канал было очень сложно, правда такая зада-

ча и не ставилась. Тюлень и сурок должны биться по голове по причине одной для обоих видов — при попадании по корпусу, даже в агонии, зверь, как правило, пропадал для охотника: тюлень сваливался в воду, а сурок уползал в нору. Попадание по голове приводило к мгновенной смерти, а ее разрушение, иногда полное (у сурка) и частичное (у тюленя), не влияло на качество продукции. Иное дело сайгак. При промысловых отстрелах основной продукт — мясо, и пуля, убивая зверя, не должна была наносить чрезмерных разрушений мышечным тканям.

Сложность в отслеживании характера раневого канала состояла в том, что толщина мышечного слоя у сайгака только у стерна задней ноги превышает 7 см, а в зоне передней лопатки, куда обычно целит стрелок, в среднем не более 5, а на ребрах и того меньше. Полуоболочечная пуля патрона 5,6х39 в зависимости от дистанции стрельбы вела себя по-разному. При стрельбе на 50–60 метров в область передней лопатки раневой канал сразу от места попадания в мышечных тканях имел диаметр 2–3 см, и если не была задета кость, в грудную полость проникали, как правило, уже части пули (свинцового сердечника и оболочки), причем самой крупной обычно бывала донная часть оболочки, они-то и наносили повреждения внутренним органам. С увеличением дистанции до 150 метров раневой канал в мышцах сужался до 1–1,5 см и в полость проникала хотя и сильно деформированная, но почти целая пуля и уже сама поражала полостные органы, редко проходя навывлет, а чаще застревая под кожей или в мякоти другой передней ноги.

Пример с сайгаком я привел для того, чтобы показать, что в нашу задачу не входило детальное исследование поражающей и проникающей способности пули и оценивались они только визуально. Основной же нашей задачей было по результатам отстрела нескольких сот экземпляров определить достаточность убойной силы этого патрона на дистанциях до 200 метров по проценту ухода подранков и степень порчи мяса в месте попадания для расчета возможных потерь.

Примерно такой же характер носили испытания патронов 8х66 м и 9х54R при отстрелах кабана и лося, только счет экземпляров велся не на сотни, а на десятки. А еще определялись предельные дистанции результативной стрельбы.

К сожалению, в нашей стране пули для охотничьего оружия выпускаются в большинстве своем одного типа — полуоболочечные, которые относятся к разряду экспансивных, и очень часто

возникает вопрос: «Когда происходит основная деформация полуоболочечной пули — в процессе удара в тушу зверя или же при последующем движении по живым тканям?» Основываясь на довольно большом опыте работы с такими пулями, постараюсь ответить на него. Мне уже приходилось писать об этом, но повторю еще раз, что мое твердое убеждение — в момент удара. Попробую убедить в этом читателей на двух конкретных примерах.

Первый. Патрон 5,6х39, пуля полуоболочечная. Дистанция стрельбы 20 метров, сайгак, бежавший с большой скоростью, по инерции пролетает еще метров 10 и падает мертвым. Сзади лопатки поверхностная рана примерно 6 см в поперечнике. Шкуры и мышечного слоя, толщиной около 1,5 см, на этом участке нет, видны ребра, но они целы. При вскрытии все внутренние органы оказались не повреждены. От самой пули ничего не осталось. Тем не менее сайгак мертв. Очевидно, что животное погибло от шока — в данном случае очень мощного потрясения организма, вызванного попаданием пули в область нахождения жизненно важных органов. На дистанции 20 метров полуоболочечная пуля весом 3,5 г несла энергию примерно в 1170 Дж, в момент удара в зверя при передаче ему своей энергии деформация пули имела взрывной характер, причиной чего стала непрочность материала, из которого она изготовлена: сердечник — свинец, оболочка — томпак толщиной 0,3 мм. Как видим, в этом случае ее деформация (разрушение) произошла именно в момент удара, а не в процессе движения внутри тела животного. Этот случай не исключение, а правило, потом я намеренно несколько раз вызывал подобную ситуацию.

Второй случай, но уже с пулей патрона 9х54R (полуоболочечная, вес 15 г). Пришлось стрелять медведя практически в упор. Пуля прошла под нижней челюстью в верхнюю часть грудной кости. В этом месте кость прикрыта слоем мышц толщиной не более 4 см. В результате пробита шкура, разрушена мышца, а кость цела и дальше нет ни раневого канала, ни поражения внутренних органов, ни самой пули, а медведь убит. Хотя весу в нем было более 200 кг.

Приведенные примеры вполне определенно доказывают, что основная деформация пули происходит именно в момент удара. Чаще всего за критерий убойности принимается энергия пули, однако практика показывает, что это далеко не всегда соответствует истине. Энергия пули рассчитывается по той же формуле, что и энергия любого другого движущегося тела: $W=mv^2/2$.

Как видно из формулы, энергия меняется по двум составляющим, находящимся в числителе: m — массе пули и v — скорости в точке расчета, т.е. достичь желаемой величины энергии можно, изменив либо массу, либо скорость. Однако если изменение массы влияет на энергию в прямой пропорциональности, то изменение энергии за счет скорости пропорционально уже квадрату последней (см. формулу). Значит, увеличивая скорость пули, гораздо быстрее можно добиться больших значений энергии, чем увеличивая только массу. Всегда ли высокая энергия пули определяет и ее высокую убойность? В начале века, когда появились бездымные пороха и увеличение скорости пуль перестало быть проблемой, многие практики охоты решили, что теперь и маленькая пуля, разогнанная до 1000 м/сек, способна поразить любого самого крупного зверя, хоть тебе капского буйвола, хоть тебе слона. И действительно такие случаи были. Недеформирующаяся, из твердого материала пуля с небольшого расстояния пробивала черепные кости и, попав в мозг, убивала этих гигантов. Но мозг — единственный орган, при поражении которого животное если и не умирает мгновенно, то теряет способность двигаться. Однако при невозможности идеально точного попадания оружие под такой патрон становилось бесполезным.

Скорость пули в момент удара — чрезвычайно важная составляющая убойной силы, но не менее важен вес, калибр, а также конструкция и форма пули. Что в практике охоты считается достаточной убойностью? Это если при попадании в область грудной клетки животное сразу потеряло способность передвигаться (навсегда, а не на короткое время) либо отошло всего на несколько десятков метров, не создав проблемы для своего поиска. Еще раз хочу напомнить, что разговор идет о крупных зверях, таких, как лось, медведь, кабан, марал.

Посмотрим, что пишет С.А. Бутурлин об убойности пуль. «Для того чтобы убить зверя, мало одной резкости боя, т.е. глубины проникновения пули в тушу зверя. Свинцовая пуля, способная пробить 13–15 сантиметровых отдельно стоящих основных досок, имеет достаточную силу проникания для самых крупных наших зверей. Нужно еще, чтобы проникновение это происходило с достаточной скоростью, иначе пуля будет только скользить по костям, сминать и отстранять со своего пути сухожилия, кровеносные сосуды, нервы и пучки мышц, а не разрушать их. Нужно еще, чтоб разрушения органов и потрясение всего организма были достаточно велики, и только тогда зверь ляжет на месте. ... Даже пробитое без достаточного потрясения и разрушения сердце — один из важнейших органов — все же иногда позволяет зверю двигаться несколько минут». Дважды в этом тексте автор говорит о потрясе-

нии организма животного, т.е. о том, что мы теперь чаще называем шоком.

Энергия, которой обладает пуля, работает на поражение по двум направлениям: глубиной проникания с попутным разрушением органов и тканей и передавая себя телу животного через удар в момент касания пули. Остановимся сначала на второй позиции. Несложно понять, что чем острее пуля, тем дольше она сохраняет скорость в полете, т.е., рассекая воздух, «плоскость» острее тратит очень мало энергии на преодоление его сопротивления. То же происходит и в другой среде, в т.ч. и в теле животного.

Значит, чем острее пуля, тем меньше она отдает энергии в момент удара и позже. И еще, чем меньше угол пулевого конуса, тем меньше энергии ее боковая поверхность отдает зверю. Получается, что острая пуля делает гораздо меньшее потрясение организму, чем тупая. Вспомним простой прием, которым издавна пользовались зверовые охотники. Для повышения убойности сплошных оболочечных пуль от трехлинейки им опиливали острый кончик, т.е. делали плоскую вершинку. Конечно, при дальней стрельбе страдала точность боя, но на сравнительно небольших дистанциях убойность пуль очень повышалась. Особенно возрастало останавливающее действие. Можно, конечно, возразить, что пули, способные к деформации, теряют свою остроконечную форму при попадании в зверя и увеличиваются в диаметре. Это верно, но способность пули к деформации в большей степени влияет только на диаметр раневого канала и в меньшей — на шок, т.к. изменение ее формы происходит в результате удара и, значит, после него. Исклучение, пожалуй, составляет только случай, когда уже деформированная в результате удара в тушу пуля, еще не успев потерять большую часть своей энергии, сразу встречает на своем пути препятствие из плотных тканей, например лопаточную кость, и уже большей площадью своей деформированной «головы» всю оставшуюся энергию передает зверю. Этим и объясняется мгновенное падение лосей при попадании полубололочной пулей даже патрона 7,62x39, особенно в нижнюю часть лопаточной кости, в зону основных жизненно важных органов, с расстояния 50–70 метров.

Можно с уверенностью утверждать, что от калибра, веса и формы пули при достаточной ее скорости зависит потрясение (шок), которое получает зверь при попадании, а большой вес еще способствует сохранению пулей скорости в теле животного и, следовательно, увеличению зоны поражения. Причем начальная скорость пули отходит как бы на второй план. В подтверждение вышесказанного позволю себе несколько примеров. Охотники старшего поколения, особенно те, которым приходилось бывать и охотиться в Приморье и Восточной Сибири, слышали об

удивительной результативности охоты по крупному зверю с Берданой. После перевооружения Русской армии винтовкой С.И. Мосина большое количество винтовок системы Бердан-2 попало к охотникам. Но, как известно, система системой, а голова всему патрон. Его характеристика: диаметр ведущей части пули — 10,92 мм; вес пули — 24 г; начальная скорость — 442 м/сек; порох черный. Дульная энергия пули этого патрона равнялась 2332 Дж. Так вот, этот патрон обладал замечательным убойным действием по лосю, кабану, изюбру, медведю на дистанциях до 200 метров. Заметим: при весьма невысокой скорости пули.

Второй пример. Наш отечественный патрон 9x54R. Его характеристика: диаметр ведущей части пули 9,27 мм, вес пули — 15 г, начальная скорость 680 м/сек, а дульная энергия 354 кгс/м. Оружие под этот патрон выпускалось в те времена, когда владение частных лиц нарезным оружием в нашей стране было очень редким, и попадало оно большей частью к штатным охотникам промысловых охотничьих хозяйств. Так вот, те охотники, которым приходилось пользоваться таким оружием при отстрелах лосей, а лоси в таежных угодьях не чета по размерам нашим подмосковным, единодушно утверждают, что патрон 9x54R по своим убойным качествам на дистанциях до 200 метров превосходит патрон 7,62x53-13, не говоря уже о 7,62x51. Что ставит патрон Берданы и девятимиллиметровый по убойности на средних дистанциях выше патронов кал. 7,62 мм? Конечно, калибр, вес и гораздо менее острая форма пули.

Многие читатели спрашивают: «От чего конкретно возникает шок при попадании пули? Каков физиологический механизм этого процесса и всегда ли он одинаков? Получается, что чем крупнее калибр, больше вес пули и менее острая форма ее головной части, тем больше ее останавливающее действие». Надо определиться, что такое шок как явление, которое интересует нас, охотников. Я не физиолог, но думаю, что под шоком мы понимаем такую реакцию организма животного, когда, не имея явных повреждений, несовместимых с жизнью, зверь либо полностью теряет способность двигаться, либо его действия теряют осмысленную направленность. На мой взгляд, при ударе большой силы, сконцентрированном в очень малом промежутке времени, происходит нарушение сигнальных функций центральной и периферической нервных систем. Полное прекращение прохождения нервных импульсов к жизненно важным органам ведет к остановке сердца и дыхания, частичные же нарушения вызывают потерю ориентировки и замедление двигательных функций.

Нет прямой зависимости убойной силы от той энергии, которую отдает пуля при попадании, и веса животного, но подтверждено испытательными

отстрелами, что большое значение имеет площадь, через которую передается эта энергия, т.е. диаметр (калибр) пули и ее форма. В коже теплокровных животных огромное количество нервных узелков и окончаний, связанных с центральной нервной системой. Чем больше диаметр пули, а значит и площадь ее поперечного сечения, тем большее число нервных сплетений будет разрушено ударом пули и тем более мощное потрясение получит ЦНС. Так, например, по площади поперечного сечения пуля отечественного девятимиллиметрового патрона превосходит свою меньшую подругу кал. 7,62 в 1,35 раза.

Вот как говорится о пулях в уже упоминавшемся криминалистическом труде. «Пули больших калибров, предназначенные для охоты на крупных и опасных животных Африки и Азии, как правило, имеют закругленные вершинки, поскольку такая форма способствует максимальной передаче энергии организму животного и меньшему отклонению пули при встрече с костями, сухожилиями и пр.».

Вес — прямая составляющая энергии. Тяжелая пуля более инертна, а потому медленнее теряет скорость и, значит, энергию, чем легкая того же калибра. Посмотрим пример. Сравним два патрона 7,62x51 и 7,62x54R. У первого вес пули 9,7 г, у второго — 13 г (при одинаковой конфигурации). У первого начальная скорость 910 м/сек, у второго — 771 м/сек, разница 140 м/сек. А на трехсотметровой дистанции они практически сравнялись: у первого 570 м/сек, у второго 554 м/сек. Потеря скорости у 7,62x51 составила 356 м/сек, а у 7,62x53 — 217 м/сек. Более глубокое проникание у тяжелой пули и в тушу зверя.

Часто в разговорах о преимуществах нарезного оружия на охоте и оправдывая слабый патрон, говорят о возможности точного выстрела по абсолютно убойному месту — в голову, спинной мозг (позвоночник) или сердце. Такой выстрел вполне возможен, но не столь часто, как это может показаться на первый взгляд. Попасть с руки в голову с расстояния 70–80 метров стоящему крупному зверю можно, но вот уверенно в позвоночник — уже проблема, так как его местонахождение неясно выражено, скрадывается длинным волосом на спине, положением зверя и пр. С увеличением дистанции стрельбы, да еще по движущемуся животному, вероятность точного попадания прогрессивно снижается. На мой взгляд, не стоило бы вести и разговор в широком аспекте об убойности и останавливающем действии, если бы попадание в необходимую точку туши зверя было очень простым, но пуля чаще приходит в «область» расположения жизненно важных органов, и ее поражающее действие должно быть достаточным именно при таких попаданиях.

Замена бойка на ружье ИЖ-27

В. ВАЛЬНЁВ, инженер-оружейник

Казалось бы, операция эта не столь сложна, чтобы особо на ней останавливаться, но время идет, приходят новые охотники, и подобные вопросы поднимаются постоянно.

Сначала о самих бойках. Бойки для верхнего и нижнего стволов не взаимозаменяемы, имеют разные углы установки в коробке и, соответственно, разную длину. Продаваемые сегодня в магазинах бойки от ИЖ-27 могут быть использованы с небольшой доработкой и на ИЖ-21, и на ИЖ-39, и даже на ИЖ-59. Те же бойки применяются и для гладких стволов ружей ИЖ-94 и ИЖ-94 «Север». Боек для малокалиберного ствола «Севера» получается доработкой обычного бойка. Бойки нарезных стволов ружья ИЖ-94 отличаются уменьшенным в зависимости от калибра размером ударной части. Сделано это для уменьшения площади кольцевого зазора между бойком и стенкой отверстия под него в коробке, что должно в случае пробития капсюля резко уменьшить количество попадающих в коробку пороховых газов.

Изначально в комплекте ружья шли запасные бойки и их пружины. Затем, после многочисленных испытаний стрельбой, конструкция ударной части, покрытие и технология обработки бойков, а также размеры их пружин были изменены, живучесть была значительно повышена. После того как испытания показали, что детали выдерживают даже вдвое больший гарантированный настрел спортивных ружей ИЖ-39, необходимость приложения ЗИПа в комплект исчезла. В принципе основная причина поломки бойка — частые холостые щелчки курками. Поломка бойка при нормальной эксплуатации менее вероятна. Поэтому лучше холостых спусков курков не допускать и после окончания охоты при разборке ружья применять так называемый «плавный спуск»: при открытом ружье сдвинуть кнопку предохранителя вперед, нажать на спусковые крючки и, удерживая их (кнопку тоже), закрыть ружье. Необходимость удержания кнопки сохраняется только при наличии автоматического предохранителя. На ружьях с одним спусковым крючком возможность плавного спуска отсутствует, для спуска курков следует использовать либо специальные фальшпатроны, либо просто стреляные гильзы.

Современный боек к ИЖ-27М имеет несколько отличий от «предка»:

1. Изменена ударная часть. Если раньше она была просто закругле-

на, то сейчас передний торец имеет несколько «сплюснутую» форму. Это было сделано с целью уменьшения вероятности сквозного пробития капсюля, что стало актуальным после массового появления тонких импортных капсюлей. С точки зрения взаимозаменяемости это значения не имеет.

2. Для повышения живучести изменен (сделан более пологим) переход от тонкой ударной части к средней, направляющей пружину бойка. До сих пор встречаются бойки как со старой, так и с новой формой перехода.

3. С целью снижения хрупкости бойков хромовое покрытие было заменено на оксидное.

4. Для уменьшения потерь энергии при ударе курка по бойку была изменена форма заднего торца верхнего (левого) бойка и, соответственно, введен скос на верхней плоскости курка. Поэтому при установке нового бойка на старое ружье надо доработать либо боек, либо курок.

Сама по себе процедура замены бойка достаточно проста: сначала вывинчивается шуруп скобы, затем шурупы затылка приклада — нижний совсем, верхний наполовину, после этого длинной отверткой — стальной винт приклада и снимается приклад.

Отверткой или выколоткой взводят курка за отверстие в верхней части. После этого остается только выколоткой выбить штифты, крепящие бойки в коробке, вынуть старые и вставить новые бойки, поджать их вперед (можно курком), прошить отверстие выколоткой и забить штифт обратно.

Не будет лишним проявить некоторую осторожность, поскольку при извлечении выколотки бойки могут быть выброшены пружинами.

Большая часть штифтов обычно выбивается легко в любую сторону даже просто легкими ударами по гвоздю подходящего диаметра. Однако изредка попадают отдельные «некалиберные» или просто деформированные при сборке штифты, с которыми приходится повозиться. Лучше, конечно, использовать качественный инструмент, спецвыколотки. Выбивать штифт лучше с той стороны, где его торец утоплен в отверстие.

Собирается все в обратном порядке. Но стоит потратить перед сборкой несколько минут, чтобы:

во-первых, когда штифт выбит, править надфилем небольшие фаски

Рис.1

Современный оксидированный боек к ИЖ-27М
Боек к ИЖ-59 без покрытия
Хромированный боек к ИЖ-27
Скос на курке

на его торцах, это недолго, но иногда может избавить в будущем от лишней головной боли;

во-вторых, несмотря на то что имеется лыска на вырезе под штифт, лучше на задней поверхности выреза, в месте, которое ограничивает боек от движения вперед, нанести некоторую фаску для уменьшения вероятности заклинивания бойка заусенцем в переднем-положении;

в-третьих, не надо при сборке и чистке обильно смазывать боек, это приведет к осечкам;

в-четвертых, хотя ружье будет стрелять и без этого, желательно произвести регулировку выхода бойка за щиток коробки. Обычно различают инерционный (максимальный, до ограничения в штифт) и принудительный (до упора курка в коробку) выходы бойка. В данном случае инерционный выход особого интереса не представляет, а принудительный выход сейчас оговорен чертежом от 1,65 до 2,2 мм (т.е. с запасом, на ИЖ-54 выход был установлен 1,4-1,7 мм). При использовании отечественных капсюлей типа «Жевело» увеличенный выход только повышал надежность ружья и практически ни на чем не сказывался. На современных капсюлях, особенно импортных, это ведет к повышению вероятности сквозного пробития капсюля. Практика показывает, что при нормальной сборке ружья и использовании достаточно качественных патронов (в данном случае имеется в виду толщина фланца гильзы, прочность и глубина посадки в гильзу капсюля, а также жесткость капсюля) вполне достаточно, если выход бойка будет 1,4-1,7 мм. Это значительно уменьшает вероятность

пробития капсюля, хотя и не сводит его к полному нулю. Пробитие капсюля ведет к попаданию продуктов горения в отверстие бойка, а в отдельных редких случаях даже к разрушению приклада.

Ну и, в-пятых, хочу напомнить избитую прописную истину, что разобирать — не самое важное. Всем и каждому понятно, что гораздо важнее правильно затем собрать. Одна из маленьких хитростей заключается в том, что после «насадки» приклада на коробку перед затяжкой стяжного винта надо несильно зажать стык коробки с прикладом в тиски. Конечно, на губки тисков нужно установить кусочки фанеры, картона и т.д. Делается это для того, чтобы прижать стенки головки приклада к хвостовикам коробки во избежание появления трещин приклада по торцу хвостовиков и т.п. После свинчивания в тисках щеки приклада плотно прилегают к хвостовикам коробки (нет зазора при взгляде сверху). Это предотвращает также от появления сколов и трещин на щеках в стыке головки приклада с металлом коробки по переднему контуру.

Кроме того, раз уж приклад снят, нельзя не воспользоваться случаем немного поправить отпечаток приклада, снять «наплывы» выступающего над металлом коробки дерева, которые могут привести в дальнейшем к появлениям сколов дерева. Очень сильно затягивать стяжной винт не надо, так же как и держать его ослабленным. Поскольку со временем происходит постепенная посадка дерева, периодически стяжной винт надо подтягивать.

Остается только пожелать удачных выстрелов!

Рис.2

Извлечение бойка из гнезда

МОНГОЛЬСКИЕ ТОВАРЫ

Изделия из верблюжьей шерсти

Для охотников и рыбаков предлагаем изделия из верблюжьей шерсти: спальные мешки, куртки, жилеты, свитера, одеяла, пледы, подушки, шапки, шарфы, согревающие пояса на поясницу и спину, перчатки, носки, стельки

Изделия не обработаны химикатами и красителями, сохраняют полезные свойства и долговечны. Уникальное строение верблюжьего волоса (полый внутри) регулирует тепловой обмен, способствует поглощению влаги

Адреса: Москва, ВВЦ, пав. 71,
г. Жуковский Московской обл., ул. Чкалова, 2А
магазин "Монгольские товары"

Цены на товары и условия доставки по тел.:
8(926) 337-31-57, Бурыкина Наталья Юрьевна
E-MAIL: GUDKOVA2000@MAIL.RU

Франц Фердинанд (1863—1914) — эрцгерцог, наследник австрийского престола. Его убийство в Сараево 28 июня 1914 г. спровоцировало начало Первой мировой войны. Страстный охотник и коллекционер, добывший за недолгую жизнь более 270 000 штук различной дичи, обладал богатейшим в Европе собранием ружей Й. Калецки и Й. Шпрингера.

Таинственный незнакомец

О ружьях дома Joh. Kalezky у нас мало кто слышал. Тем не менее это поистине счастливая находка даже для искушенного коллекционера, не говоря об охотнике, сравнимая с приобретением штуцера Ф. О. Мацки, садового ружья Бодсона или вертикалки Теофила Бритта. Информации о венском штучнике вы не найдете ни в «Охотничьем Календаре» Л. П. Сабанеева, ни в «Ружейных клеймах» В. Н. Сатинского. Отсутствует она в трудах С. А. Бутурлина и В. Е. Маркевича, нет ее и в изданиях других отечественных авторов.

После Великой Отечественной войны в руки советских охотников попали трофейные экземпляры редчайших охотничьих ружей, главным образом из бывших арсеналов высокопоставленных чиновников партийно-государственной машины третьего рейха. Среди них изделия французских, бельгийских и австрийских штучников — поставщиков монархических дворов Центральной Европы. В недлинном списке суперраритетных ружей, всегда привлекавших внимание подлинных знатоков оружейного искусства, чаще других фигурируют пирле, кристофы, бодсоны, бронкары, шпрингеры, калецки. За 92 года существования дома Калецки изготовлено около 2900 единиц охотничьего оружия, т. е. средняя производительность мастерской чуть более 30 элитных ружей в год. Несмотря на известное имя и высокое качество изделий, подробные сведения о венском оружейнике и его семейном за-

Йохан Калецки

Юрий МАСЛОВ

— Имею двуствольное ружье 12-го калибра фирмы Johann Kalezky, Wien.

Фотографии ружья прилагаются. Кто такой Калецки, что известно о его фирме и ружьях, в каком году сделана моя бескурковка?

И. БЕЛОЗЕРОВ, охотник

Ружье читателя И. Белозерова

ведении до недавнего времени почти полностью отсутствовали. И только семь лет назад в американском журнале «Дабл Ган Джорнал» (The Double Gun Journal) появилось исследование австрийского коллекционера Феликса Нойбергера, основанное на изучении музейных архивов Вены. В публикуемой статье использованы материалы Ф. Нойбергера, а также данные, полученные в результате анализа охотничьей периодики начала XX века.

Фирма

Дата рождения Йохана Калецки-старшего доподлинно не известна. Свое дело оружейник открыл в 1845 г. Через тридцать лет он работал в Вене по адресу Mariahilferstrasse, 17. Этот адрес дает возможность идентифицировать ружья этого периода, которые, по оценкам экспертов, сохранились в единичных экземплярах и стоят немалых денег.

Как и большинство штучников прошлого, Калецки не делал оружие по полному циклу. Его заведение состояло из производственно-ремонтной мастерской и торговой лавки (kleiner Laden). Основные ружейные части Калецки приобретал у известных фабрикантов, в течение долгих месяцев отделявал ружья и передавал заказчику. Очень часто получал изделия в белом виде, осаживал ложи, воронил стволы, гравировал и выставлял на продажу. На вырученные деньги закупал готовое оружие, клеймил на стволах свое имя и сбывал в лавке. Как правило, стартовый успех штучников и последующее процветание зависели от

близости к деловой, фешенебельной части города. Венскому оружейнику повезло — его заведение находилось в самом центре столицы, в двух шагах от главного торгового пассажа и здания городского суда.

В 1872 г. Калецки сделал свое первое ружье для австрийского императора. Судя по всему, работа понравилась Францу Йозефу (1830—1916), потому что четыре года спустя оружейника приблизили к императорскому двору и королевскому двору Сербии. Над входом в заведение он приколотил вывеску: Johann Kalezky, König und Kaiser Hofbüchsenmacher («Йохан Калецки, придворный оружейник Короля и Кайзера»). Фирма сохранила статус привилегированного поставщика и после смерти оружейника в 1889 г., когда управление делами отошло к вдове — 29-летней Берте.

Трудно утверждать, что в период 1876—1889 гг. Й. Калецки работал исключительно по заказам императорской фамилии и приближенных королевского двора. Но в том, что основу ружейных арсеналов Франца Йозефа и его племянника — наследника австрийского престола Франца Фердинанда (1863—1914) составили разнообразные образцы нарезного и гладкоствольного оружия, сделанного Й. Калецки, сомневаться не приходится. После убийства в Сараево 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда (эта политическая акция вызвала широкий общественный резонанс и послужила предлогом для начала Первой мировой войны) выяснилось, что покойный имел богатейшую в Европе коллекцию оружия от Й. Шпрингера и Й. Калецки. Куда подевалось уникальное собрание после Второй мировой, точно не установлено. Впрочем, венская коллекция Франца Фердинанда была разграблена, не исключено, что часть ружей находится у охот-

ников из стран бывшего СССР. Последнее предположение основано на том, что после освобождения Вены частями Красной Армии в апреле сорок пятого у гражданского населения изъяли охотничье огнестрельное оружие, большую часть которого уничтожили на месте под гусеницами танков, а меньшую вывезли в СССР.

В 1883 г. в семье основателя родился сын — Йохан Калецки-младший. Берта возглавляла фирму вплоть до своей смерти в ноябре 1918 г. На ружейных стволах и ящичных этикетках в период управления Берты Калецки можно прочесть следующую надпись: Joh. Kalezky Witwe K. u K. Hoflieferant, Wien («Вдова Йох. Калецки, придворного поставщика короля и Кайзера, Вена»). Интересно, что на замочных досках слово Witwe («вдова») отсутствовало, видимо, чтобы не преуменьшать значимость элитной продукции. На большинстве ружей слово «вдова» наносилось в сокращенном виде — W-we. Как бы то ни было, лучшие гладкоствольные ружья и штуцера вышли из мастерской именно в годы управления Берты (1889—1918).

Расцвет производительности пришелся на 1910—1913 годы. В это время фирма выпускала от 50 до 80 ружей, причем парные гладкостволки для стрельбы дичи и садок составляли до 70 % годового объема продаж.

С ноября 1918 г. руководство делами принял Йохан Калецки-младший, который вернул семейному заведению прежнее название — Joh. Kalezky, Wien. Послевоенный кризис в Австрии и распад австро-венгерской монархии усугубили и без того нелегкое финансовое положение венской фирмы, в период 1918—1928 гг. из мастерской ежегодно выходило всего 7—10 ружей. Чтобы

как-то свести концы с концами, приходилось закупать в бельгийском Льеже до 50 ружей и перепродавать их с логотипом дома. Кстати, такой же практики придерживались отец и мать Йохана, с той лишь разницей, что Калецки-старший приобретал оружие в чешском Вейперте, а Берта — в германском Зуле (табл.).

Нумерация этих «закупочных» гладкостволок и штуцеров не попадала в серийный диапазон фирменных изделий и могла выражаться любым трехзначным или четырехзначным числом, и только лучшие «закупочные» ружья маркировали двойным (дробным) числом, например: 1820/3448, где первые цифры — внутрифирменный порядковый номер, а вторые — номер производителя-поставщика. Нередко эти номера меняли местами. Прослеживается ли тут определенная закономерность — установить, к сожалению, невозможно из-за отсутствия статистического материала.

Ружья

Как видите, продукция, несущая марку Joh. Kalezky, Wien, подразделяется на три качественные категории. Первая — так называемые внутрифирменные ружья, т. е. целиком собранные в венской мастерской. Их нумерация с 1885 по 1936 гг. приведена в табл. 2. Ко второй, более низкой категории принадлежат изделия, закупленные в белом виде в Льеже или Зуле и окончательно отделанные в австрийской столице. Их нумерация выглядит в виде дробных чисел. Наконец, третья категория — ружья, приобретенные в Вейперте, Зуле и Льеже (у добросовестных производителей, разумеется) и пронумерованные любым числом.

Таблица 1

НАДПИСИ НА РУЖЬЯХ «ЙОХ. КАЛЕЦКИ, ВЕНА», ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬ ФИРМЕННУЮ ПРОДУКЦИЮ

Маркировка производителя	Русская транскрипция	Период производства (гг.)	Владелец (годы жизни)	Адрес производителя	Период производства
Joh. Kalezky, Wien	Йох. Калецки, Вена	1845—1876	Йохан Калецки-старший (умер в 1889 г.)	Marlahlferstrasse, 17, Wien	1870-е—1880-е гг.
Joh. Kalezky K. u K. Hofbuchmacher Wien	Йох. Калецки, придворный оружейник Короля и Кайзера, Вена	1876—1889		Marlahlferstrasse, 1B, Wien	1889
Joh. Kalezky's W-we (Witwe) K. u K. Hoflieferant Wien	Вдова Йох. Калецки, поставщика королевского и императорского дворов, Вена	1889—1918	Берта Калецки (1860—1918)	Mariahlferstrasse, 1B, Wien Marlahlferstrasse, 3, Wien Burggring, 1, Wien	1889—1895 1895—1912 1912—1918
Joh. Kalezky, Wien	Йох. Калецки, Вена	1918—1937	Йохан Калецки-младший (1883—1933)	Windmuhlgasse, 7 Wien Burggring, 1, Wien	1918 (июнь—октябрь) 1918—1937

Кстати, по такой же схеме работал и основной конкурент Й. Калецки, венский производитель высококлассного оружия Йохан Шпрингер (Johann Springer), его жена и наследники.

Сегодня уже трудно установить, какие именно фабрики устанавливали оружие торговому дому «Йох. Калецки» для продажи, поэтому отметим отличительные особенности фирменных ружей, т. е. изделий высшей категории качества, составляющих гордость любого владельца. Ассортимент этой продукции не отличался разнообразием. Это главным образом двустволки с гладкими и нарезными стволами, двойники, тройники. Одно время (конец XIX — начало XX вв.) фирма рекламировала одноствольные винтовки с вертикальным затвором системы шотландского оружейника Александра Генри, но «гвоздем» программы всегда оставались парные гладкостволки для стрельбы дичи, на долю которых приходилось свыше 2/3 годового объема продаж.

Отличительная особенность двустволок — массивная коробка со сквозными гнездами для обоих подствольных крюков, наличие полных экстракторов, захватывающих около половины фланца гильзы. Стволы запирались на нижние крюки двузаходной планкой (согласно русской терминологии — рамкой) Пёрде. Верхние скрепления, как правило, отсутствовали. Внешние стороны замочных досок бескурковых ружей обычно украшал ромб с завитками среднего размера — своего рода опознавательный знак продукции высшей категории качества.

Говорить о том, что в ружьях дома «Йохан Калецки» использовалась только лучшая для своего времени сталь и высококачественная древесина американского ореха, вероятно, нет необходимости. Сборка, отладка, полировка выполнялись самым тщательным образом. Каждое ружье выдерживало десятки тысяч выстрелов без намека на расшатывание затворной системы, поэтому приравнивалось знатоками к лучшим изделиям лондонских и брусельских фирм.

Таблица 2

Хронология номеров ружей, собранных непосредственно в венской мастерской с 1885 по 1936 гг.	
Порядковый номер	Год
1620	1885
1790	1890
2000	1897
2300	1906
2370	1909
2430	1911
2580	1914
2900	1936

Примечание: другими номерами, не попадающими в серийный диапазон 1620—2900, помечены ружья, приобретенные в Льеже, Зуле и Вейперте, но проданные под маркой Joh. Kalezky, Wien.

Русские писатели-охотники

Петр Дмитриевич Боборыкин

Если бы сегодня кому-нибудь в голову пришла мысль издать литературное наследие П. Д. Боборыкина, для этой затеи не хватило бы бумаги ни в одной из типографий. Проза, драматургия, очерки и переписка Боборыкина составили бы около сотни томов! В советское время бумага нашлась только для переиздания книги о купеческой Москве «Китай-город» и двухтомных «Воспоминаний» П. Д. Боборыкина.

Пётр Дмитриевич Боборыкин появился на свет при живом Пушкине и всего лишь один год не дотянул до образования СССР. Род Боборыкиных — древний, ветхозаветный, а дед по матери — генерал-майор П. В. Григорьев, в его нижегородском доме и родился П. Д. Боборыкин. Отец — тамбовский помещик — жил от семьи отдельно, но на лето обязательно «выписывал» сына из Нижнего Новгорода в имение. Об этой поре своей жизни Боборыкин вспоминал: «В усадьбе дворовых было не безобразно много: два-три лакея, повар, кучера и конюхи при конском заводе, столяр, стряпуха, ключница, псарь, коровница. Жилось им более чем сносно... а работа, разумеется, была весьма «с прохладцей». Два лакея ездили с отцом на охоту».

Говоря о количестве прислуги в доме отца, Боборыкин забыл упомянуть гувернёров и учителей — домашнее образование он получил изрядное, вплоть до музыкального (ненавистное фортепиано и любимая скрипка).

Семь лет (1846–1853) Боборыкин учился в Нижегородской гимназии, затем поступил на юридический факультет Казанского университета, а позднее перевёлся в Дерптский университет на отделение химии. Разонравилась ему вскоре и химия, появилось новое увлечение — медицина. Закончилась же образовательная эпопея Петра Боборыкина тем, что в 1861 году он защитил степень кандидата правоведения в Петербургском университете. Еще один итог внешне хаотичной учебы студента Боборыкина — блестящее знание множества европейских языков, на которых он до конца жизни свободно говорил, читал и писал.

Первые литературные опыты Петра Боборыкина относятся к гимназическим годам, а первая публикация (комедия «Однодворец») появилась в журнале «Библиотека для чтения» (1860). Необычайно общительный и открытый характер помог начинающему литератору быстро войти в литературный и театральный круги Петербурга, а с одним из создателей «Могучей кучки» композитором М.А. Балакиревым он дружил с гимназических лет. Уже в начале литературной деятельности Боборыкин поразил современников своей работоспособностью и широтой инте-

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921)

ресов: он пишет драмы, роман «В путь-дорогу», рассказы, фельетоны, множество заметок и рецензий обо всем, что происходило в общественной и культурной жизни России.

В 1863 году Пётр Боборыкин приобрёл издательские права на журнал «Библиотека для чтения», но через два года прогорел и влез в такие долги, что не смог их погасить даже после продажи родового имения. Чтобы полностью расплатиться, Боборыкину понадобилось почти двадцать лет тяжкой литературной подёнщины, когда он поставил на поток «производство» романов. Астрономические долги не помешали Боборыкину уехать в Париж. Не для того, чтобы там «умереть», а наоборот — с восторгом окунуться в культурную жизнь уже не только России, но всей Европы. Маршрут Петербург — Париж — Петербург протянется красной нитью через всю биографию писателя. Невозможно перечислить всех его европейских друзей и знакомых (ну хотя бы: А. Дюма-сын, В. Гюго, У. Коллинз, Э. Гонкур, А. Доде), как и десятки газет и журналов, европейских и российских, в которых он публиковал всё, что пулемётной очередью выходило из-под его бойкого пера.

Сюжетная сторона собственных произведений мало занимала Боборыкина, он писал от нигилиста, народника, демократа, славянофила и западника, смиренных послушниках и террористах. Мог сочинить трактаты о сценическом искусстве вообще и о «реформаторе русской сцены» А.Н. Островском в частности. Откликнувшись на яростную полемику в обществе о «женском вопросе», Боборыкин

написал роман «Жертва вечерняя» и снискал скандальную известность. Н.А. Некрасов, всегда чутко откликавшийся на литературный успех собратьев по перу и конъюнктуру, тотчас пригласил Боборыкина в «Отечественные записки». Результатом этого сотрудничества стала череда романов «на злобу дня» о неудачном «хождении русской интеллигенции в народ». Кстати, слово «интеллигенция» ввел в литературный, а позже и в разговорный обиход именно Боборыкин.

Литературную горячку писателя-многостаночника» могла остудить женитьба, но избранницей Петра Дмитриевича стала С.А. Зборжевская — актриса и по совместительству... переводчица и прозаик. Боборыкин, не сбавляя оборотов, расширяет свою творческую палитру: пишет юморески, романы о купеческой Москве («Китай-город»), о беспределах рабочих-текстильщиков («Тяга») и более сотни рассказов и историй о «социальном самочувствии» различных слоев общества. И тогда литературные критики не выдержали и обвинили Боборыкина во всех смертных грехах. Конечно, в его произведениях трудно обнаружить психологическую глубину и развернутый анализ событий, но бытописателем и хроникером он был непревзойденным.

В бурном потоке боборыкинской прозы тонули и оставались незамеченными критикой солидные романы, что уж говорить о скромном, хотя и большом по объему рассказе «Псарня» (ж. «Новое обозрение», 1881). До Боборыкина о псовой охоте было написано множество рассказов и книг, но только ему удалось найти тему, о которой все умалчивали или говорили вскользь. Рассказ Боборыкина посвящен не охоте, а именно псарне, «будням» псарного двора, нравам, царившим в среде псарей и доезжачих, и, конечно, собакам. Удивительная память помогла Боборыкину насытить рассказ яркими деталями и самобытным языком псовых охотников. «Первым моим учителем был крепостной Сашка, выездной лакей и псовый охотник», — писал Боборыкин в автобиографических записках. Вспоминая учителей, можно упомянуть и о его двоюродном дяде — знаменитом химике А.М. Бутлерове, страстном охотнике, женатом на родственнице С.Т. Аксакова.

Рассказ «Псарня» посвящен И.С. Тургеневу. Объяснить это посвящение можно только врожденным дружелюбием Боборыкина, ведь он из вторых рук не раз слышал о том, что служит для Тургенева объектом не только добрых, но иногда просто оскорбительных насмешек. Одним из своих адресатов Тургенев презрительно писал, что легко может представить себе Боборыкина «на развалинах мира, строчащего роман, в котором бу-

дут воспроизведены самые последние «веяния» погибающей Земли». И тот же Тургенев, решив организовать в России подписку на памятник умершему Г. Флоберу, обратился в «Русских ведомостях» за помощью в благом деле... к П.Д. Боборыкину!

Кроме традиционного «Посвящения», в рассказе «Псарня» есть и своеобразное «Предисловие», также адресованное Тургеневу:

Дорогой Иван Сергеевич!

В жизни не заколол я ни одного зверя, не подстрелил ни одной птицы, но в детстве — лет шестнадцати — меня брали на охоту и близости — летом, и в отъезжее поле — осенью. С малых лет меня занимал псарный двор, его обиход, люди и животные — главных, собаки и щенки. Крики зайцев мутили мне душу; но картина угонки борзых, хор варкой стаи в острову привлекали меня. Только и тогда и теперь я любил и люблю собаку не исключительно за её охотничьи стати и таланты, как большинство промысловых егерьей и артистов-любителей из господ... Хорошо отдохнуть на добром слове к животному, да ещё к такому, как собака!..

Мнение И.С. Тургенева о боборыкинском рассказе «Псарня» осталось тайной. Возможно, Иван Сергеевич высказал его при личной встрече в Париже, где оба входили в один литературно-артистический круг, но рассказ не мог не понравиться Тургеневу, слишком он предан был всему, что связано с охотой, и, разумеется,

собакам. А Боборыкин после «Псарни» опять вернулся к скрупулёзным описаниям того, что он видел и слышал, о чем пишут газеты и говорят на улицах обыватели.

В начале XX века популярность писателя Петра Боборыкина достигла заоблачных высот. Среди грамотных людей России невозможно было найти человека, не читавшего хотя бы одну из его книг. Официальная критика смягчилась, пересмотрели свои взгляды на роль Боборыкина в русской литературе М. Горький, А. Чехов, Л. Андреев, но личные оценки других литераторов отличались диаметральной противоположностью. Если Герцен когда-то писал Огарёву, что Боборыкин «мне очень понравился», то Александр Блок однажды назвал безобидного писателя... «эта плешивая сволочь». Боборыкин о Блоке ничего худого не говорил, зато Герцену ещё при жизни пророчил, что когда-нибудь Россия воздвигнет ему памятник перед Московским университетом. Боборыкин, конечно, знал, что знакомые за глаза называют его Пьер Бобо, но не предполагал, что, например, В.И. Танеев (брат композитора П.И. Танеева) во время светской беседы мог запросто сказать: «Кто же, кроме болвана безмозглого, станет читать Боборыкина?»

Слова Блока и Танеева с негодованием осудил поэт-символист Андрей Белый и тут же почтительно заметил, что «... я, Брюсов, Волошин, Бальмонт относились к Боборыкину бережно». Но так было не

всегда. В детские годы Андрея Белого писатель частенько гостил у его отца-профессора, и мальчик нарисовал на «Пьера Бобо» уморительную карикатуру. Детский рисунок опубликовал юмористический журнал «Будильник». Андрей Белый за веселую проделку был строго наказан отцом, двадцать лет не встречался с Боборыкиным, но все же был прощен. В 1916 году Андрей Белый столкнулся с ним в швейцарском городе Лугано. Восемидесятилетний полуслепой старик ковлял «на солнышке в ватном пальто» и вызвал в Андрее Белом острое чувство вины и жалости.

За границу П.Д. Боборыкин и его жена отправились на лечение в 1914 году, но начавшаяся в Европе война и революция в России не позволили им вернуться домой, связь с родиной ослабела. Писатель-эмигрант М.А. Осоргин встретился с четой Боборыкиных в Риме и запомнил трогательную заботливость жены писателя: «Петенька, не забудь шарф: простудишься». Михаил Осоргин, вспоминая П.Д. Боборыкина, заметил, что «три четверти его презренных критиков никогда его не читали... Это был настоящий умница и европеец».

Умер Пётр Дмитриевич Боборыкин в 1921 году в Лугано. Его жена-старушка Софья Александровна в большой нужде прожила ещё четыре года и до последних дней работала с громадным архивом мужа, над забытыми теперь рукописями и письмами.

М. БУЛГАКОВ

Псарня

Пётр БОБОРЫКИН

сились, а за ними и вся стая; старик оторопел, горшок выпустил из рук, его и свалили. Если б не другой выжлятник, Степан Рябов, от Михеича мокренько бы не осталось.

Прошла для Андрюшки эта пора боязливости. Он умеет смотреть на стаю остро, поводить глазами, присосаниваться, держать левую руку в бок не хуже теперешнего доезжачего Сеньки Пустарнака. Тот — лютий!, того всякая собака боится. Андрюшку не особенно боятся собаки, а скорее любят. Это он знает, и ему самому любо. Не сразу прошла в нём и гадливость к псам и псарному обиходу. Мальчик он был тихий, чистоплотный, голосом говорил девичьим. С девяти лет до отдачи в корытничие Андрюшку готовили в писаря. Учил его земский грамотей, а летом, когда господа приезжали в усадьбу, он ходил в барский дом писать сначала по прописям, а потом переписывать ведомости для конторы.

Теперь он стоит с арапником присло-

нясь к столбу забора, лицо настроил на строгость, а сам любит стаей. Он без нужды не хватит арапником ни по одной собаке. Знает он каждого выжлеца и каждую выжловку вдоль и поперёк. Диковинки нет никакой, что два выжлеца — Набат и Вопило — то и дело грызутся. Они соперники, не по женской части, а как вожак стаи. Набат — осенистый, почти уже беззубый. Держат его за голос и верность чутья. Он давно был первым вожак в острову, ещё когда Андрюшку только взяли на псарню. Против него не выстоять ни одной гончей. За ним, особенно если он в ударе, скачи без опаски: ни пуанья, ни срыву, ни метанья из стороны в сторону, ни гонки по старому следу быть не может. Степенный, серьёзный пёс — в полной мере чутыистый, доимчивый, нестомчивый, и голос — прямо набат — такого во всей округе не отыщешь; да и по статям — чистый костромич. Года с два выровнялся другой вожак — Вопило, подаренный барину соседом, — должно быть, помесь с аглицкими гончими — в морде ублидистый, с круглыми ушами, по складу несуразный, коротконогий, седлстый, с

...До шестнадцати лет Андрюшка входил на псарный двор с внутренней тревогой. Его нежная природа склонна была к боязливости. Взяли его хвояр мальчиком и приставили к Михеичу «корытничим». В первое время он не смел входить на двор один, когда собаки выпущены из закут. Претили ему острый запах псыны, не проходивший и зимой, нечистоты, грязь двора, собачьи корыта. С гадливостью промывал он эти корыта, мёл хлевы, переменил на нарах соломенную подстилку. А когда ему случалось оставаться одному на дворе, он крепко сжимал арапник в правой руке и мурил брови точно так, как это делал покойный доезжачий Антон Гайнов. Андрюшку взяли на псарню ещё при нём. Знал он и слышал сколько раз, что беда показать стае свой страх. Разорвут в клочки! Михеича один раз смяли — на что уж старый псарь! Отвыкли, что ли, от него? Он калитку приотворил тихонько и стал вносить горшок с каким-то снадобьем. Вожаки из гончих не признали его, бро-

Отрывок из рассказа П. Боборыкина «Псарня»

кошачьей лапой и с непомерно длинным хвостом, но злобный, по чутью не хуже Набата и хоть с низким, да залихватистым голосом. Ну, вот они и враждуют. Андрюшка понимает это, и только по долгу, чтобы стая не баловалась, хлопает арапником и кричит:

— На место! Сволочь вы этакая, на место!

Солнце в эту минуту забралось под самый навес, туда, где скучилась стая. Собачьи морды — с подпалинами и звёздочками, уши, груди — полёвые, белые, чубарые, тёмно-огненные пестрели перед Андрюшкой. Вся стая от окрика и ударов арапника подобралась, свалилась в кучу. Посредине Набат сурово и вкось поглядывал на своего соперника. Вопило отошёл и сел. Одно его ухо заворотилось. Он смотрел весёлым, заискивающим взглядом на псаря. Кругом их, перепутавшись мордами и ногами, полулежали, сидели и стояли собаки постарше. Реже одна от другой держались молодые гончарки, нюхали, чесались, крутили хвостами, взглядывали на Андрюшку.

Он глядел на стаю, и между ним и всеми этими псами чувствовалась связь. Стая знала его гораздо больше, чем самого доезжачего. Только арапник удерживал. А то бы они сейчас облепили его и принялись бы ласкаться.

Да, хорошо знает их Андрюшка. И соперничество Вопилы с Набатом заметил он первый... Вон юлит хвостом муругая молодая выжловка Скрипка... За ней водятся грешки. Воровата, норовит ухватить лишний кусок из овсянки, таскает в закуту разную дрянь, а в острову гонит против следа — «в пятку», без толку горячится и взвизгивает. «Идти на кругах» — мастер молодой выжлец Замарай; но отбойчив, последним выбежит на опушку, когда в два рога трубят сбор. И до женского пола очень уж охоч. Две сестры-однопомётницы — Волторка и Докука — сиротливые выжловки, но ладные, хорошо одеты и горячи в острову, держатся вместе, часто играют, лижут одна другую. И хворы: то шелудь, то восца, то натёк в сгибах ног. Возишься с ними и зиму и лето. Доезжачий хотел давно на осину, да барин не приказывает. И все клички слились для Андрюшки с собаками. Каждое слово приняло в глазах его образ, цвет, стати, приметы. Спроси его теперь барин или какой сторонний посетитель, и сряду, и вразбивку, он не забудет ни одного имени.

Половина стаи воспиталась на его руках. Он помнит вон того верзилу — Канарея слепым щенком и Красавку — первую выжловку в стае, как ей зашибло лапу по четвёртому месяцу, и они с Михеичем мастерили ей перевязку в лубках.

И натерпелся же он с этими кличками. Не сразу они ему дались. Он мальчишкой путал борзые клички с гончими, называл Кидаем Громилу, а Резву Овсянкой. Иные имена до году не давались ему. То Запало скажет, то Жепало. А доезжачий сейчас — в зубы. Ми-

хеич научил его лечь на печи, глаза зажмурить и говорить сначала подряд клички и чтоб собаку увидеть перед собой как живую, а там — вразбивку. Вот, бывало, и лежит так Андрюшка, или летом в овражке, за кустами черёмухи, и шепчет:

— Соловей, Замысл, Смотрок, Бушуй, Соловка, Тревога, Филтра, Угрюма, Шельма...

Таким же точно манером и борзых: — Подар, Красай, Побеждай, Досада, Пальма, Обида, Бритва, Отклика, Вьюга...

Борзых, которые содержались на псарном дворе, он должен был также знать поодиночке. Их никогда не держали больше двадцати штук. Борзятников, из дворовых, езжало человека четыре, кроме стремянного. Каждому полагалось по две собаки, а третью они заводили от себя, выменивали, получали в подарок, как бы тайком от барина, всегда почти резвых, но с плохими статями. Держать их, кормить не приказывали на псарне; но барин не досмотрит, а доезжачему — полштофа водки... и этих незакононых собачонок любил Андрюшка... К борзым щенкам у него даже как-то больше было жалости, чем к гончим... Хотя он и не езжал с борзыми, но каждая собака знала его. Вот и теперь: они все потянулись к нему враспынку. Смелее других оказалась серая полукуцая сука — Отрада — из крымок, ходившая со стремянным. Она подошла к Андрюшке, завилала своим смешным, коротким хвостом и лизнула языком. Он позволил ей, и только когда Отрада подумала было стать на задние лапы, — дал на неё окрик, хлопнул ещё раз арапником и повернулся к калитке, бросив взгляд на борзых. Половина их лежала в закуте... В углу, у забора, сидел половый, псовый борзой — с тонким щипцом и глазами точдо сливы — молодая, весёлая собака.

Он поднял уши и воззрился на псаря. Андрюшка обернул голову, приметил его и окликнул:

— Похвалушка!.. О-го-го!..

Похвал рванулся, но калитка захлопнулась за Андрюшкой. Стая расплылась. Тотчас же прошло в ней мгновенное напряжение. Много собак легли и задремали; другие стали бродить по двору, лакали воду из небольшого корытца, перебежали из одной закуты в другую.

Андрюшка сел на завалинку. Перед ним, немного левее, открывалась дорожка по той стороне речки и на изволок, покрытом зеленью, церковь села Федякова — казённого села, где стояли солдаты. От псарни до Федякова с версту, но с завалинки видна только колокольня с зелёной крышей. Прямо, на широком склоне, в озимях и яровой пашне, — два леска, куда весной ездят иногда со стаей для напуска и натаскивания молодых собак. Оба леска — ядрёные, больше из осинника, черёмухи и орешника. Правее, выше обоих островов, из-за синего соснового бора выставляется ещё церковь — приход деревни, где родился Андрюшка... Бор тоже казённый... До него версты четыре. Туда ездят только осенью. Он идёт на десять вёрст. В нём до сих пор случается гонять по красному зверю. Под горой, за поворотом, где идёт к барской усадьбе крутая дорожка от моста, — пруд и кругом овражистая рощица — вся дубовая, с ручьём в глубине... Оттуда Андрюшка каждый год носит ежей; водятся там и змеи, но он их не боится. На дне ручья лежит много опок — глинистого, мягкого камня. Из него вырезывает он трубки и разные штучки, печатки в зимнее время...

Андрюшка сел на завалинку и прищурился от солнца. Из кухни всё ещё шёл дым. Андрюшка в точности исполняет то, что ему скажет Михеич... только не

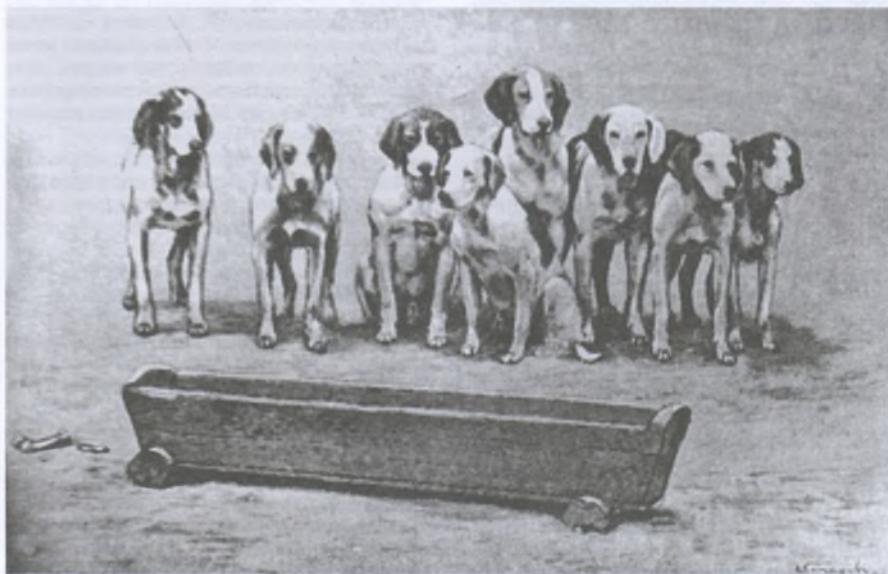

Рисунок А.Н. Комарова

любит он сидеть сложа руки, и к табачку у него нет пристрастия. Но ему всегда приятно поглядеть на стаю. Точно все эти собачьи морды сродни ему. И это чувство зародилось в нём не сразу. Он мальчишкой ругался: «Пёс, собачий сын, поганая морда!» Щенков и ему случалось бить, топить, мазать им скипидаром нос. Вплоть до того времени, как стал он ездить настоящим псарём, не было в нём теперешней жалости к псам. Входил он в охотничий вкус, стал различать ладных собак от плохих, похваливать их голос, чутьё, сметку, но всё-таки смотрел на них так же, как и другие псаря, как и доезжачий.

— Нешто у них есть душа? — говорил он.

И Михеич, на что уже мягкий старик, и тот отвечает:

— Души у пса захотел!

Но раз на отъезде поле в обеденный перерыв случилась самая простая вещь, а глубоко запала в чуткое сердце Андрюшки.

Как он сядет так вот один, без дела, подумает о собаках, ему сейчас и представится этот случай.

...Осень. Полянка — перелесок между двумя островами, — всё светится от жёлтого и красного листа опушек. День ясный, чуть-чуть морозец, утренник был славный. До завтрака в одном острову, позади, гнали важно... На барина поставили шестерых матёрых русаков... Начуяли и по красному зверю, да увильнула лиса. После завтрака перешли в другой остров, густой осинник и дубняк, а лист ещё не опал; через остров идёт овраг... Сначала гнали как следует... Андрюшка и другой выжлятник, Степан Рябов, не больше как минут пять и порскали всего. Доезжачий — он накануне сильно урезал — наскочил на овраг; лошадь под ним была башкирская, бешеная, да вдобавок кривая, — прямо бултых и из седла вон... Стая замешалась; по горячему урвались за передовым собак десять; прочие стали рыскать, тьякать, пошли гнать в пятку. Андрюшка ездил по левую руку от доезжачего и ничего сразу не увидал... Он же его нашёл в овраге, совсем разбитого, посадил в седло. Скулу себе доезжачий подбил, одну штанину распорол до коленей. Надо было перехватить стаю, чтобы не пустить тех, что погнались по горячему, на опушку. На это Сенька — чёрт! Как только очутился в седле, сейчас стремглав по какой хочешь чаще: канава ли, овраг ли целый — всё едино! Однако не перехватил. Барин осерчал сильно... Затрубили сбор, почуяли опять, работа пошла хорошая... Поставили до пятнадцати зайцев, да только всё охотникам-борзятникам, а не барину. Повар Михаил Иванович двух русаков затравил, Павлу-сапожнику — на что уж шальной — и тому парочка матёрых досталась, а Егор — хоть и слепой — добрых беляков штуки три второчил. А на барина, как ни бились, кроме паршивеньких белячков, ничего не поставили. Да и то один ушёл...

Беда!.. Привал назначен был на перелеске... Выехали. Половины стаи нет — стомилась, горячо больно гнала спервоначалу, а потом и расплзлась. На изволоке, у полевых дрожек, «камардин» Гриша хлопочет вокруг обеда с пузатым Михаилом Ивановичем... Барин слез с лошади — Пулька прозывается, — не погладил её, собакам прикормки не бросил, окк дал на стрелянного Федотку и пошёл к стае. Картуз на нём высокий, блином, поднялся на лбу; длинный казакин на лисьем меху перетянут шёлковым кушаком, кинжал блестит за кушаком, арапник держит за рукоятку из козьей ноги. Доезжачий со Степаном Рябовым трубят сбор. Трусят с опушки отсталые и разметавшиеся по острову гончарки. Андрюшка стоит поодаль... Видит он, с каким лицом подходит барин к доезжачему. Вот он совсем плотно подошёл к нему и поднял руку, которая арапник держит. И доезжачий, и выжлятник перестали трубить.

— Что ты!.. — слышался глухой, шамкающий голос барина.

Сенька что-то буркнул и попятился назад.

— Молчать!

Рука барина, поднятая над головой Сеньки, дрогнула в воздухе и спустила сложенный арапник на левую щеку доезжачего. Андрюшка стоял ни жив ни мёртв. Губы у него тряслись. Но глаза упали тотчас же на стаю... Она вся подобралась и плотно окружила Сеньку. Андрюшка знал, как она слушается доезжачего, стоило ему гаркнуть — и барина разнесли бы в клочья... Попробуй гаркни!.. Арапник ещё несколько раз опустился на подбитую скулу и багровую щеку Сеньки. Он только мотал головой в другую сторону и щурился. У Андрюшки кровь бросилась в лицо. Всё он пылал.

Глянул он направо, налево — видит: Гришка-камардин пересмеивается с

поваром, и оба кивают на Сеньку — так, мол, тебе и надо, собачьему сыну. Бога благодари, что всю скулу тебе барин не своротил. Случись с Андрюшкой такая же беда, они бы и над ним издевались. А всё равно холопы, как и он. Вот подай барину этот самый Гришка тарелку не с той руки — и ему отведать арапника... Бесстыжие люди!.. Хамы бессердечные!.. Положим, доезжачий — сам тоже не «сахар», и овсянку ворует, и щенят на сторону продаёт, и пьянствует. Да сегодня-то он ни в чём не повинен, свалился в овраг от горячности, не поставил барину матёрых русаков — так нешто это возможно по заказу?..

Нудно и боязно Андрюшке... Он сам зажмурился. Ему слышен щёлк ударов арапника. Раскрыл он глаза, а стая вся уже в сборе и ещё плотнее прикучилась к доезжачему. Сенька отводит голову от ударов барина, правая его рука держит красный картуз, а левая — большой витой арапник. И к нему с обеих сторон, отделившись маленько от прочих собак, подползли две гончарки — старый кобель Гаркало, муруго-пегий, с большой головой, злобный пёс, и ласковая чутыстая выжловка Замчишка. Обе лижут ему руки и озираются на барина...

Андрюшку мигом индо слеза прошибла. Собаки, нечистые псы, и такую жалость имеют!.. Нет, врёт Михеич, не пар у них, а тоже душа, хоть и не чело-вечья!.. Эти две гончарки только и учуяли, какво Сеньке под ударами арапника по голой щеке.

С той поры стал Андрюшка совсем по-другому смотреть на пса. И старые собаки, и щенки полюбились ему. Как только какую-нибудь из гончих или борзых за старостью и болезнями прикажут вздёрнуть или щенят-однопомётников, отобрав попородистее, — остальных в реку топить, у Андрюшки сверлит под ложкой, в голове мутит, скверно ему целых два дня...

Рисунок П.П. Соколова

Сибирский гусь

Фото Т. Баженова

В юношестве, когда я заболел ружьем, то учителя школы, все женщины нашей семьи, и особенно бабушка, были категорически против. Первой сдалась мать. Она, будучи очень уважаемым врачом во всем Шатковском районе Горьковской (ныне Нижегородской) области, отправила меня с запиской к начальнику «Заготживсырье», а тот со своей запиской, в которой просил испытать, направил к охотнику Василию Михайловичу Фокину (по кличке Баторин), проживавшему в соседнем селе Кобылино. Должен признать, что Василий Михайлович, видимо из корыстных соображений, принципиально никого не учил и, вполне понятно, испытывал с особым пристрастием... да так, что более чем через полвека жестоко обмороженные пальцы рук, уши, нос все еще никак не терпят холода. Кстати, нос не менее 30 лет был красным, словно у отпетого алкоголика.

После состоявшейся экзекуции я наконец стал счастливейшим обладателем чрезвычайно потрепанной ижевки отжившего ныне 24 калибра. Стрелять из нее накоротке, благодаря необычайному разбросу, было довольно просто, но... Однако все по порядку.

Необходимо сказать, что мать моя была человеком разнообразных дарований, и за что бы она ни принималась, все у нее получалось лучше, чем у других. Если бы она стала писателем, то куда там до нее разным фантастам и тем более какой-то там Агате Кристи. В моем пристрастии к охоте, естественно после испытаний, она приняла живейшее участие: одалживала для меня у местных охотников бинокли, испорченных легашей и гончих (в эти тонкости охоты посвящена не была) и так далее, но когда в больницу поступал очередной пострадавший с огнестрельными ранениями, в ней

просыпался первостатейный следователь, и начиналось объективное и беспристрастное расследование, причем главным подозреваемым в первую очередь был, конечно, я. Чего греха таить, и у меня случилось несколько опасных моментов, но госпожа Удача была ко мне доброй, иначе на этом охота бы закончилась.

Вскоре после Великой Отечественной войны наша семья вернулась в Одессу. Мать продолжила работу в роддоме и женской консультации на 16 станции Большого Фонтана. Кроме того, ей приходилось обслуживать колхоз Ульяновку, дачу Ковалевского, Золотой берег, а также колхозы, возникшие на месте бывших немецких колоний (Люстдорф, Малая и Большая Акоржи), и другие.

Несмотря на послевоенную разруху и тяжелейший голод, усиленный небывалой засухой, когда от недоедания мы просто валились с ног, я сумел скопить и заработать рыбалкой достаточно денег для осуществления своей мечты. Находясь под влиянием первых учителей и посему будучи «себе на уме» и, значит, не веря написанному в книгах, я приобрел довоенный «Зауэр» с патронниками в 65 мм, сильными чеками в обоих стволах и хорошим боем, хотя комиссионки были завалены более дешевыми трофейными ружьями.

В средней полосе я неплохо попадал с подъяема в зайцев и уток, считал себя отменным охотником, но стрелять на пределе по несущемуся во всю прыть русаку, когда дробь сылит порой более чем в двух метрах сзади, на перелете уток и брать на море нырка — это совсем другое, да и знал я о дичи самую малость (пару видов зайцев, лису, 4 вида уток, вальдшнепа, тетерева, рябчика).

На бригадной охоте я познакомился с очень результативным охотником, ка-

питаном в отставке Иваном Васильевичем Задорожным. Во время войны зайцев расплодилось видимо-невидимо. Постоянно действующие бригады добывали за неделю в районе Колосовки по 80–100 зайцев на каждого. Выезжая поблизости и охотясь с бригадой котлом (подковой), мне приходилось в день стрелять по 10–12 зайцам, а добывать одного, в лучшем случае — трех!

Задорожный не мазал, и к концу дня на нем обычно висело до 10 косых! К чести бравого капитана, он не сгибался под их тяжестью и, более того, по пути к станции продолжал ходить челноком с кратковременными остановками и порсканьем, вспугивая таким образом больше зверьков, чем другие.

Однажды на открытие охоты мать вновь проявила инициативу и сосватала меня ульяновским охотникам, которые на этот праздник собирались основательно: наносили в кузов колхозного грузовика двуручные корзины с абрикосами, персиками, сливами и прочим, набросали всяческой еды и бутыли сухого вина. После зимней голодухи это было просто райское изобилие, но вот с охотой не повезло. Хотя дул сильный ветер и стронутая с большой воды утка моталась по всем плавням и несмотря на то что мы углубились по сухому берегу Днестра чуть ли не до самого лимана и даже постреливали, из всей изрядно подвыпившей компании никто ничего не взял. Такая охота была не для меня. В это время Иван Васильевич, не дождавсь меня, поехал один на западный берег Днестра, сумел достать на открытие каюк и взял 36 разных, в основном неведомых мне, уток.

Он пожурил меня, что я не поехал с ним, но на вторую охоту мы встретились на знаменитом одесском базаре Привоз и стали искать попутку. Собственно, я караулил вещи, а повидавший свет капитан искал «оказию». Время летело, и радужные надежды на сказочную вечерку таяли.

Наконец мой наставник явился, словно Христос, и гордо заявил, что нашел ЗИС-5, принадлежащий военным, а как известно, они ездят с ветерком, так что еще на вечерку успеем.

Вскоре действительно старенький грузовик, вздымая тучи пыли, помчал нас к молдавскому селу Поланка. Набившиеся в кузов молдаванки из смуглянок вскоре превратились в серянок от слоя дорожной пыли, мы тоже, но это были досадные мелочи по сравнению с предстоящим праздником. Мечты, мечты. Вскоре прокололи камеру. Пустяк — есть запаска. Затем клеили

вторую, и наши радужные надежды катастрофически таяли с каждой очередной мини-аварией... Наконец случилось непоправимое: что-то хрястнуло в коробке передача, жутко заскрежета-ло, и машина остановилась. Заночевали в степи. Переполненные попутки в лучшем случае брали одного человека, а нас было двое.

На следующий день, после обеда, с приключениями мы наконец оказались на правом берегу Днестра, в селе Поланка, и постучались в хату охотника с не выдуманной Фонвизиним фамилией — Скалозуба Михи!

Миша ждал нас вечером, утром и, потеряв обе зорьки, отправился добыть для своей ребятни еды. При нас он вывалил из мешка не менее 30 разных уток и рассказал, что пробивался через камыш к месту, где вода кипела «вид той качкы».

— Хорошо, — сказал Иван Васильевич, — сначала я поплыву на тот лак (озерцо среди тростника), где я охотился в прошлый раз, а...

— Стой, стой! — обрезал Миша. — Ты свою очередь пропустил, сейчас должен приехать полковник из Кишинева, и я ему обещал, а потом... а потом...

— Что будем делать? — спросил старший товарищ.

Я лихорадочно думал о том, сколько версий выдаст сегодня вечером мать и что завтра вся одесская милиция будет стоять на ушах, разыскивая еще не оконченный труп вновь преставившегося охотника, но согласился дожидаться очереди, ведь «семь бед — один ответ» — 30-40 уток в конце концов будут убедительным оправданием.

Ждать и догонять — хуже нет. От нечего делать мы слонялись вдоль ерика, глазели, как детвора ловила мелочь, причем удилищами им служили стебли могучего южного тростника. «Эти удилища могут выдержать и солидную рыбину», — поучал многоопытный наставник. Кстати, ерик тянулся вдоль села с юга, отрезал плавни от суходола и служил аборигенам транспортной артерией, по которой охотники и рыбаки, стоя на кормовой банке (сидушке), лихо гнали по прямой свои

валкие посудины, порой нагруженные с верхом, орудуя при этом лишь одним длинным веслом или шестом. Женщины обычно сидели на средней банке и помогали мужчинам коротким веслом.

В общем, мы наблюдали местную жи-туху, маялись и нахлебничали у Скалозуба, так как рюкзаки наши трещали от обилия патронов, а еды — кот напла-кал. Кто мог рассчитывать на неделю?

Наконец мы в каюке! На прощанье Миша кричит: «Нэ повезф — бийтесь туды, дэ вода кыпыть вид той качкы!» «Хорошо», — соглашается мой старший товарищ и садится с длинным веслом на заднюю банку, хотя, как опытный охотник, как авторитет, он должен был гордо стоять сзади. Надо признаться, что это обстоятельство зародило некоторые крохи подозрений. Мне, новичку, словно местной женщине, было предоставлено более скромное место — на средней банке — и короткое весло. Шест на всякий случай тоже захватили, но, честно говоря, теперь я уже стал сомневаться в его необходимости... И мы полетели вперед, словно молния — зигзагами, то и дело втыкаясь носом каюка в тростник, обрамлявший оба берега ерика. Сгорая от стыда, мы безумно желали как можно быстрее скрыться за поворот от насмешливых глаз Скалозуба. Вскоре Иван Васильевич смущенно признался, что не мастак ходить на одном весле.

Худо-бедно, набираясь опыта в бою, наконец в самый раз, тютелька в тютельку попали на заветный Иванов лак. «Фу... — выдохнул со свистом Иван Васильевич и, вытирая со лба обильный пот, молвил: — Вот тут я настругал 36 качек!» Теперь оставалось перевести дух и ждать отменной вечерки, но сладостное ожидание затянулось. «Ничего, — подумал я, — потом как попрет, успевай только заряжать, благо, что вода кругом — есть где раскаленные стволы остужать». В общем, как говорят у нас, «дурэн думкой богатие». Наконец пролетела одна утка, но ее отмазал Иван Васильевич. Потом с моей стороны, переваливаясь, словно бекас, с крыла на крыло, просвистел низом чирок. «Бей!» — в азарте закричал на-

парник. Достал его вторым. Подплыли и взяли «почин», и вновь заякорились, то есть заломали ближайšie стебли тростника под себя, чтобы лодка не качалась и не мазать из-за этого.

Все наши радужные надежды, как говорят, коту под хвост — мы взяли по 3 утки, и стемнело. Разочарованию не было предела, и тяжкие сомнения все настойчивее закрадывались в душу, ибо трудно было поверить, что прошлая охота оказалась столь потрясющей, но Иван Васильевич, угадав мои мысли, пояснил: «Сегодня тихо, поэтому утка сидит на открытой воде Днестровского лимана и не мотается, а полетит кормиться потемну».

При наших мореплавательских способностях, да еще и во тьме ночной, не могло быть и речи о том, чтобы заночевать у Скалозуба, да и не по-охотничьи это — ездить домой и ни свет ни заря будить хозяев и зря тратить силы.

Пришлось затолкать каюк в тростник, заякориться, дабы во сне не перевернуться, и только мы приутихли, как на нас навалились черные тучи год-ных комарих.

«Самец питается соком травок, а самка, сволочь такая, кровью», — про-свещал побывавший повсюду Иван Васильевич. «Ты знаешь, — продолжал он, хлопая себя по щекам и размазывая по лицу слои облепивших мучителей, — наш южный и особенно плавневый комар — это тебе не какой-то там северный тютфя, который сначала пожужжит, пожужжит, чинно-благородно присядет, потопчется, выбирая сосуд поаппетитней, и всадит свой острый нос. А вот наш нацеливается издали, сходу тыц — куда попало и сосет, и сосет без излишних там реверансов и расшаркиваний».

Спать было невозможно. Всю ночь мы хлопали себя по оголенным местам и между «делом» изредка перебрасывались словами. К рассвету гнус постепенно утихомирился и вконец отступил. Начался жиденский перелет, причем большая часть уток старалась обогнуть наш обстрелянный лак. Поэтому немудрено, что добыча оказалась хуже вечерней: ухлопали лишь по крыжню

В последнее время большие бакланы сильно размножились и поедают много ценной рыбы

Фото автора

(кряква) и по чернушке (белоглазый нырок, запрещенный в конце XX века к добыче). Когда дистрофический лёт окончательно иссяк, встал извечный вопрос: «что делать?» Возвращаться через неделю с такой, так сказать, добычей было ужасно стыдно, а мне, по известным причинам, просто невозможно.

Уцепившись за соломинку, я предложил поступить по Скалозубу: как следует прислушаться, а вдруг обнаружим, где вода кипит от массы птиц, до которых еще никому не удалось добраться; и точно — засекли вдали такое место. Чуть слышно, но действительно галдеж, что на одесском Привозе. Нет, нет, скорее как на турецком или Малай-базаре с сотнями зывал.

Само собой разумеется, что пробитой дороги туда нет, иначе и птицы на «большаке» не было бы, и мы храбро ткнулись в мощный южный тростник (местное — камыш) носом каюка и были отброшены назад. «Это тебе не какой-то задрипыш с Онежского озера, который зацепишь блесной и выволочешь со всеми корнями, а каждая наша камышина — это удилце для местных», — пострашал Задорожный.

Однако выбора у нас не было, но проталкиваться с помощью шеста и весел никак не получалось. После многих безуспешных попыток нас вдруг осенило: дружно вцепились в мощные стебли тростника и на «раз-два», «раз-два», словно волжские бурлаки, потянули их изо всей мочи на себя, да еще ерзая ягодицами по направлению вперед, продвинулись на целый метр.

Слава Богу, местами тростник хирел, и можно было воспользоваться шестом, но все равно мне приходилось цепляться руками за мощную растительность и опять тянуть изо всех сил на себя.

Ох, и трудна же эта работа — пробивать лаз в тростниковых джунглях. Пожалуй, похлеще, чем из болота тащить бегемота. К полудню мы изрезали руки в кровь о жесткую плавневую растительность и набили водяники на ладонях, да и силы после бессонной ночи и недоедания оставили нас, но близкое кипение пернатых заставляло выкладываться через «не могу» — буквально начисто. Но вот тростник передел и впереди, всего лишь в 20–30 метрах, на кустах козьей ивы было черным-черно от неведомой мне птицы, да какой — каждая с доброго гуся!

Иван Васильевич воспрял и, словно фокстерьер, дрожа от азарта, прошептал: «Постой, я их сейчас картечью!» Трясушимися от возбуждения натертыми кровавыми руками он вставил два заветных патрона и вдвинул. Такого дуплета я отродясь не видывал! То, что охотник грохнулся богатырским телом на дно каюка, — не в счет, по крайней мере сотня здоровенных черных птиц, словно галушки, посыпалась с кустов в воду! Уцелевшие, хлопая изо всех сил крыльями, сначала проседали под тяжестью тела, а затем прочно становились на крыло и начинали носиться туда-сюда.

«Значит, непуганые, не ученые!», — подумал я. В неопишемом азарте мы расстреляли крупную дробь, затем помельче и еще мельче, пока не кончился боезапас. Но самое интересное, что накоротке эти огромные птицы падали от любых патронов.

Кончилась потеха, стали собирать, и оказалось, что Иван Васильевич срезал картечью не более 5–6 птиц, а остальные, слабонервные, упали в воду то ли со страха, то ли от неожиданности. Большинство из них с помощью крючковатого клюва, крыльев и лап весьма успешно взбирались на вершины кустов и взмывали вверх, присоединялись к общей круговерти. Такой способ взбираться на кусты для них, несомненно, обычен, но опасен, судя по трупам невезучих, застрявших шеями, лапами или крыльями в развилках. Так вот откуда охотники, наверное, скопировали «рожон» на россомаху, а в светском обиходе появилось изречение «не лезь на рожон».

Собрали мы этой новой для меня дичи полный вместительный каюк, да еще и с горкой. И только тут Иван Васильевич спохватился: «Это бакланы — они едят рыбу и пахнут рыбой». Наконец настала моя очередь блеснуть познаниями, и я изрек: «Известный фантаст и всезнайка Жюль Верн писал, что у рыбоядных птиц пахнет рыбой только жир, а мясо — нет. Если ободрать кожу, то почтай весь жир остается на ней и мясо можно успешно съесть».

Когда охотничий пыл угас, я заметил на ветвях массу гнезд. Птенцы уже встали на крыло, но вместе со взрослыми почему-то придерживались колонии.

Обратный путь до ерика по проложенной тропе занял не более 3-х часов. Под южным солнцем из раскрытых ртов бакланов омерзительно несло тухлой рыбой, но ничего не попишешь — навзвася груздем... До этого очень хотелось есть, но неприятный запах отбил аппетит.

Возле дороги Паланка-Маяки у невесть когда построенной автобусной станции-ожидалки мы выгрузили гору черной птицы, которую я остался караулить, а Задорожный погнался лодку к Скалозубу.

Вскоре нам повезло: остановился любопытный водитель полуторки и поинтересовался, что это за птица. Я пошутил: «Молодые гуси». Тот поверил и довез до самого Привоза всего лишь за 4 гуся, к общему удовольствию.

Вечерело, когда, шатаясь от голода и усталости, я брел от трамвайной остановки, сгибаясь под непомерной тяжестью связанных по шеем и перекинутых через плечи бакланов, по Дерибасовской домой, в Колодезный переулок. Конечно, можно было миновать главную улицу по параллельной Греческой, но я не мог отказать себе в удовольствии прихвастнуть. Действительно, праздно шатающийся именно по этой улице народ не переставал удивляться: «Ишь ты, сколько пацан гусей накрошил!» А на сиротливо болтавшихся у пояса пяток уток, как и следовало

ожидать, так никто и не обратил внимания.

Дома при виде такого количества неведомой дичи явление блудного сына ограничилось лишь легкой родительской укоризной, но самое удивительное — на этот раз мать почему-то не всколыхнула одесскую милицию на поиски невинно убиенного. Когда страсти улеглись, все почувствовали, что рыбное зловоние распространилось по нашей единственной комнате. Естественно, встал вопрос: «Что делать? И можно ли есть эту дичь в конце концов?» Сославшись на Жюль Верна, я удостоверил, что можно. Но такое количество нам не съесть и не сохранить без холодильников по августовской жаре. Решили продать, а себе оставить трех бакланов и пяток уток.

Следующим утром я стоял на Привозе, обвешанный дичью, и немалая горка ее лежала у моих ног. Вблизи толпились веселый, любознательный, наделенный непревзойденным юмором одесский народ и говорил на одесском варианте русского языка, вобравшем в себя крохи языков почти всех 80 национальностей, проживающих в городе. Квинтэссенция этого языка в особо чистом виде, конечно, бытовала на базаре. Особый колорит и шик общению придавали претензии на галантность и обязательное «ё» вместо «е» или «о» с длительной протяжкой после шипящих (например, «шё» вместо «что», Жёра вместо Жора и т.д.). Я понимал их без переводчика и словаря и говорил почти так же, но после четырехлетнего пребывания в Волжско-Камском крае постоянно вместо мягкого южного «гэ» — произносил твердое русское «г» и вместо «шё» (что) нет-нет да и выдавал раскатистое «чво»? Да что и говорить, у коренных одесситов шик общения был обязательным атрибутом, даже вор, входя в положение пострадавшего, считал своим долгом вернуть кошелек на место с неизменной пятеркой на пожарный случай. Этим он подчеркивал шик профессионализма. Вполне естественно во мне тут же определили чужака, а с такими надо держать ухо востро.

Расспросов было уйма. На ответ «молодые гуси» тут же следовал очередной вопрос: «А шё они так рыбой смердят, ты накубав их на море, чы на лвмани?». Люди толпились, шумели, изошрялись в юморе, но, несмотря на сметхотворную цену в 15 стальных рублей, никто не решался покупать, видимо боясь стать посмешищем. Наслушавшись и натерпевшись всего, я уже хотел выбросить «гусей» в мусорный ящик, как подошла бедно одетая смугловатая женщина и шепотом проговорила: «Я знаю шё це такэ, уступи мэни, и я помогу тфбе вид ных здыхаться». Разумеется, я с радостью согласился. Женщина отошла для понта, а затем вернулась и во всеуслышанье заявила: «Даю 15 рублей и не более, — и тут же выложила деньги, шепнув: — Петушок вернешь».

Немедленно клюнул старый еврей. Он подошел к женщине и с чисто одес-

ским акцентом и национальным прикусом в изысканном местном стиле галантно спросил: «Мадам, я дико извиняюсь, не будете ли вы так любезны сказать, шё вы купылы?» При этом он брезгливо взял из рук женщины неведомую птицу и, превозмогая отвращение, внимательно оценивал со всех сторон чужое приобретение.

Развивая успех, не давая опомниться жертве, моя спасительница продолжила: «Судя по вашей галантерейности, вы, конечно, уважаемый человек и прожили большую интересную жизнь, но даже вы не знаете — это редкая, даже очень редкая птица в наших краях — сибирский гусь!» За следующим вопросом первый покупатель не полез в карман: «А шё сибирский гусь так смердеть?» При этом у меня мороз по коже, несмотря на августовскую теплынь. Как на грех, в первые ряды пробились дряхлый старичок и скрипучим голосишком, стараясь перекричать всех, завопил: «Я знаю, что это. Это не сибирский гусь, это — птеродуктель!» «Час от часу не легче», — содрогнулся я. Но мой реализатор не упустила инициативу из рук. При этом я смотрел на смугловатую кожу спасительницы и решал: кто она? Может быть, гречанка, или итальянка, или еще какая-нибудь южная национальность, а может быть, смесь всех национальностей, но явно с украинскими корнями, так как она уж больно вежливо на «вы» громила конкурентов в стиле сельской глублинки (например, а идите вы, мама... а дальше все что угодно, но обязательно на Вы). Обращаясь именно к «птеродуктелю», она прервала его: «Уважаемый полуглот, дожить до таких лет и нести такой вздор. Вы в этом деле не Копенгаген, заткнитесь, дорогой, иначе я из вас форшмак (фарш из соленой рыбы) сделаю». Не ожидая такого оборота, «полуглот» тут же ретировался и затерялся в толпе.

Разделавшись с оппонентами, спасительница вновь принялась за еврея,

все еще изучавшего в нерешительности сибирского гуся с тяжелой дилеммой: брать — не брать. «Мужчина, — обратилась она к нему, — жаркое из этой дичи только пальчики оближете, это просто цимес, а запах — так это «аромат» любой дичи! Эти гуся так редки, что не удивительно, что за свою долгую и интересную жизнь вы, к моему сожалению, не лакомились ими, не упустите свой единственный шанс!»

Услышав упоминание о вкусном национальном блюде (цимес) и, принимая во внимание убедительную тираду реализатора, а также еще раз приносившись к божественному запаху деликатеса, заметно усилившемуся на солнышке, старик наконец решился: была не была, ведь нельзя упускать свой единственный шанс, представившийся в столь долгой и интересной жизни. С большим сожалением он отсчитал 15 кровных рублей — и таки сделал покупку.

Одесского еврея на мякине не проведешь, решила толпа и бросилась ко мне, явно не желая упустить и свой единственный шанс. Буквально через несколько минут несчастливцы наперебой кричали: «А еще есть?» «Только 3 гуся, которых я оставил себе!» — перекрывая общий гвалт, прокричал я. «Ты себе еще убьешь», — уговаривали меня и, как водится в Одессе, давали тут же задаток. Денег я не взял, но обещал через полчаса привезти и особо азартным пометил очередность чернильным карандашом на ладонях.

Однако этим трем избранным не повезло, ибо дома я застал бабушку за тяжким трудом: она, кряхтя и отдуваясь, заканчивала снимать шкуру со второго баклана. Мне пришлось освежевать лишь третьего, и получилось неплохое жаркое, даже лучше, чем из рыбацкой утки — крохала и чернетей. В общем, прав оказался Жюль Верн: рыбацкие птицы вполне съедобны, особенно при умелом приготовлении.

В дальнейшем сибирские гуся, то бишь большие бакланы, не раз выручали меня на Каспии и Черном море. К слову, эти бакланы гнездятся значительными колониями на древесно-кустарниковой растительности в низовьях Дуная, Днестра, Днепра и других рек. Изгнанные рыбаками, они селятся на островах Черноморского биосферного заповедника, строя гнезда прямо на земле, что, по свидетельству старшего научного сотрудника Т.Б. Ардамацкой, приводит к размыву избранных островов. В последние годы эти птицы сильно размножились и весьма нежелательны, особенно в рыбных хозяйствах, где их тысячные стаи поедают много мальков ценных видов. Так, на Хаджибейском лимане (Одесская область) огромные стаи бакланов устраивали массовые облавы на молодую пелингаса и судака, несмотря на отпугивающие выстрелы рыбаков и охотников они упорно прилетали кормиться на этот лиман. Стрелять такую большую птицу лучше довольно крупной дробью №№ 2, 1, 0, 00.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Бутурлинский сборник: Материалы II Международных Бутурлинских чтений. — Ульяновск: Издательство «Корпорация технологический продвижения», 2006. — 368 с.

В сборник вошли материалы II Международных Бутурлинских чтений, посвященных 100-летию Колымской экспедиции, которую возглавлял С. А. Бутурлин, и 100-летию открытия им гнездовой розовой чайки. Авторы статей — орнитологи, историки науки, музейные работники, студенты.

Сборник состоит из трех разделов. В первые два вошли статьи по истории Колымского края и Колымской экспедиции С. А. Бутурлина; анализ современного состояния популяции северной птицы — розовой чайки. Самый большой по объему третий раздел посвящен современным орнитологическим исследованиям.

В сборнике использованы фотографии и документы из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова.

Руковский Н. Н. Охота на рысь и росомуху. (Охотнику в ягдташ), — М.: Вече, 2007. — 192 с.

Читатель знакомится с двумя редко встречающимися в наше время видами хищных млекопитающих, их биологией, распространением и образом жизни. Автор рассказывает о современном отношении к ним охотничьего хозяйства и о способах их добытия.

Руковский Н. Н. Охота на мелких хищников и грызунов. (Охотнику в ягдташ), — М.: Вече, 2006. — 160 с.

Автор рассказывает о биологии и образе жизни промысловых видов мелких хищных зверей и грызунов, способах охоты на них, а также о приемах снятия шкурок с добытых животных и правильной их обработке.

Кузнецов С. П. Про охотников и охотоведов. — М.: «Издательский дом Ручейкиных», 2006. — 5000 экз., 320 с.

Не много осталось на карте страны охотничьих хозяйств, которые бы не посетил за свою трудовую деятельность биолог-охотовед Валерий Кузнецов. Пять лет назад он издал книгу «Медвежья злоба». Это второй его литературный труд, записная книжка охотоведа, состоящая из историй и воспоминаний, которыми автор делится с читателями, со своими друзьями охотниками.

Лопушков В. А. Охотничье-егерский мир Приэльтона. — Волжский: Старая башня, 2005 — 176 с., ил.

В книге представлены рассказы егера и охотника, литератора Виктора Лопушкова, досконально знающего животный мир Приэльтона Волгоградской области. Отдельный раздел — сведения о диких зверях пернатых Приэльтона, Степного Заволжья, большинство из которых — желанная для охотника добыча.

Автор очерка В.С. Греков с «сибирскими гусями»

Певец радости жизни

Валерий ПАНКРАТОВ

Стихия страсти

Первым изображением, с которого Рубенс начал овладение жанром анималистики, можно считать волчицу, так живо представленную им в «Ромуле и Реме». Говорят, что посещение бродячего зверинца в Антверпене внушило ему желание писать зверей и охотничьи сюжеты: вероятно, этому и обязаны своим происхождением многие его картины. Но помимо данного случая и отмеченного пристрастия к вихревым композициям, было еще одно обстоятельство, подтолкнувшее живописца заняться зверописью. Это — тяга художника к романтике дальних странствий. Ведь он живет в Антверпене, городе, еще недавно принимавшем корабли всего мира. Рубенс внимательно изучает животное царство, имея в своей библиотеке книги по зоологии. Заблуждение полагать, что если с ним работают такие художники-анималисты, как Франс Снейдерс и Пауль де Вое, то они превосходят в этой области Рубенса мастерством и знанием. Его рисунки зверей убеждают в глубоком постижении и редком даре фламандца видеть в животном жизненную силу и величепие природы. Один этюд быка ставит Рубенса вровень с лучшими графическими работами выдающегося анималиста XVII столетия — голландца Пауля Поттера.

Охота — престижное занятие для вельмож во все времена. Украшение дворцов и замков произведениями живописи никогда не обходится без охотничьих картин, будь то натюрморт с дичью или псовая охота. Знать надеет-

ся и ждет, что выдающийся живописец подарит ей нечто из этой области. Герцог Баварский более нетерпелив и ускоряет появление шедевра своим настойчивым заказом. Рубенс пишет для него «Охоту на львов». Во всю силу развернулся тут могучий талант. Как пригодились ему копии фрагментов «Битвы при Англиари» великого Леонардо. Какой простор, чтобы показать свою любовь к движению и внешним эффектам! Но разве кто-нибудь раньше изображал львов и леопардов в столь сложных и неожиданных позах? А разве кто-нибудь держал дома настоящего льва, как это делал Рубенс, изучая повадки царя зверей?! А с кого срисована «Львица», «поселившаяся» в Британском музее? А каковы кони, которыми он всегда восхищался, любил кровных лошадей и верховую езду. Созданный им тип идеального коня — с узкой головой, широким крупом, нервными ногами, длинной развевающейся гривой, с хвостом, похожим на султан, с трепещущими ноздрями и огненным взглядом.

«Охота на львов» особенно выделяется как одно из наиболее интересных произведений своего жанра. Эффект предельного напряжения достигнут в сцене борьбы семерых смельчаков с двумя разъяренными хищниками. Могучий лев вгрызается в бедро падающего с лошади араба. Справа умирающий последним усилием сжимает кинжал. Слева схваченный когтистыми лапами львицы охотник вонзает нож в открытую пасть. Ему на помощь спешит другой, а над ними трое всадников пронзают льва копьями. Фигуры даны больше, чем в натуральную величину, и производят впечатление необычайной мощи. Апогей достигается единством композиции, линии которой сходятся к центру.

Собственно говоря, увиденное больше напоминает битву, нежели охоту. Но для художника главное — передача стихии и красочности захватывающего зрелища. Динамика ярких пятен коричневого, зеленого, красного, белого вторит вихревому движению зверей и охотников. Ожесточенная схватка воплощена с блестящим живописным темпераментом. Сюжет «Охоты на львов» увлечет Рубенса, и он будет неоднократно повторять его.

«Охота на кабана» выполнена в тот же период, что и «Охота на львов». В основе ее создания лежат впечатления, полученные автором на охоте и во время прогулок по лесу. С лесной опушки словно несутся воинственные клики охотников, звуки рога, лай собак и хрип коней. Все живое просыпается от неожиданно нагрянувшей симфонии шума. В отличие от других, ранних работ, в этом небольшом произведении художника начинает увлекать пейзаж. Он приближается к чистому жанру и скоро сделает попытку соединить мифологический сюжет с жанровой бытовой сценой («Венера в кузнице Вулкана»).

Пирующие в замках и дворцах аристократы под звон бокалов, возбужденные собственными победами над животными, спокойно воспринимают сцену «Охота на волков и лисиц», и никто не упрекает Рубенса за то, что на картине охота ведется сразу и на тех и на других, хотя всем известно, что одновременно на этих зверей никогда не охотились.

По примеру Веронезе Рубенс нередко оживляет большие исторические полотна при помощи группы красивых собак. Даже в «Короновании Марии Медичи» на первом плане красуются два великолепных пса. И это в церкви Сен-Дени! Художник исходит из того,

П. Рубенс. Охота на львов. Около 1614–1615. Национальная галерея. Лондон

П. Рубенс. Охота на лис и волков. 1615–1621. Метрополитен. Нью-Йорк

П. Рубенс. Охота на кабана. 1615–1620. Картинная галерея. Дрезден

что собаки несут в живописи особую функцию: в таких динамичных сценах, как, например, «Хоровод», они усиливают впечатление моментальности действия. Охотничьи собаки на рубенсовских картинах чаще всего отождествляются с «борзыми-волкодавами», однако на его композициях присутствуют и стройные легавые, и изредка даже доги.

Мастерская художника-дипломата

Уже в первые годы пребывания Рубенса в Антверпене к нему стекаются многочисленные ученики. Мастерская, где он полновластно царит, превращается в своеобразную живописную академию. Сам мастер «набрасывает небольшие эскизы и заставляет молодых переносить композицию на большой холст, затем своей рукой делает ретуши основных частей», — пишет немецкий историограф Зандрарт. Посетивший мастерскую в 1621 г. датский врач Отто Шперлинг «увидел большой зал без окон, который освещался через отверстие в потолке. Рубенс намечал картины углем и указывал нужный тон. Ученики должны были целиком выполнить эти картины в красках. Потом Рубенс заканчивал их собственноручно кистью». Часто он разделяет труд со своим другом Я. Брейгелем, фрукты и животные поручает Ф. Снейдерсу, металлические доспехи — П. Фоссу и т. д. Ему усердно помогает

самый талантливый из его адептов — Ван Дейк. Конечно, многие полотна от начала до конца Рубенс пишет сам, особенно в зрелом возрасте, причем не замыкается в границах того или другого жанра. Он проявляет себя в исторической и религиозной живописи, в пейзаже и декорации, рисунке и портрете.

«Король живописи» прекрасно исполняет роль «живописца королей». В Испании он обретает покровителя в лице герцога Лерма, фаворита короля Филиппа III. Увлечение собиранием античной скульптуры, гемм, монет сближает его с английским дипломатом сэром Дадли Карлтоном, любимцем короля Англии.

Мария Медичи, вдова короля Франции Генриха IV, заказывает прославленному фламандцу серию из 21-й картины для двух галерей. «Великий прохода» кардинал Ришелье просит Рубенса заменить «неподходящие» сюжеты. Художник нехотя покоряется. В начале XIX века из Галереи Медичи Люксембургского дворца картины переносят в Лувр и размещают в той же последовательности. Во Франции в 1625 году Рубенс знакомится с герцогом Бекингемом и выполняет его портрет на вздыбленном коне.

В 1626 году его постигает горе: в возрасте тридцати четырех лет умирает жена Изабелла Брандт. Он находит утешение в работе, в общении с друзьями, становится участником дипломатических миссий Брюссельского двора. Рубенс колесит по Европе, стараясь

примирить враждующие страны. Ему многое удается, так как он талантлив и искренне желает, чтобы народы «жили в веке золотом, а не в железном».

«Лучше бы эти юнцы договорились между собой по-дружески, чем будоражить по своей прихоти весь христианский мир» — так невысоко оценивает живописец Людовика XIII, Филиппа V и Карла I. Свое представление о Золотом веке он выражает в двух полотнах — «Аллегория мирного благоденствия» и «Бедствия войны».

Делами на политическом поприще живописец-посол завоевывает расположение повелителей. Инфанта и Марии Медичи наносят визит в его антверпенскую мастерскую. Карл I дарует ему рыцарское звание Кавалера Золотой шпory, лично награждает золотой цепью, шпагой с драгоценным эфесом, лентой на шляпу. От испанского короля Филиппа IV он получает дворянский титул и право на собственный герб.

По личному опыту могу сказать, что дипломаты нередко совмещают свою профессиональную деятельность с охотой. Рубенс, насколько известно, дипломатию в большей степени сочетал с живописью. Охотничий жанр в его практике 1630-х гг. уже не занимает столь важного места, как в предыдущие годы. «Тигрица, кормящая своих детенышей», «Чудо на рыбной ловле», «Львица», «Охота на вепря», «Охота на волка», а также вещи, близко стоящие к «охотам» («Поражение Санхериба», «Обращение Павла» и «Битва Амазонки»), судя по всему, написаны раньше.

П. Рубенс. Львица. Около 1614–1615. Британский музей. Лондон

Искусство молодости

Искусство Рубенса — это восхищение женщиной. В любви он видит всепоглощающую силу, которая объединяет все живое. Художника захватывает раскрепощенность чувственной жизни. Он утверждает одухотворенность людской плоти. Она для него прекрасна сама по себе, как некое чудо природы. В начальный период человеческое тело трактуется им всего лишь как совершенная форма. Постепенно от отделяется от античного идеала. Тогда возникает сексуальный образ белокурой, пышной фламандской красавицы.

Искусство Рубенса — искусство молодости. На его полотнах даже старые женщины милостивы и улыбки. По всей видимости, художник не любит и не принимает старости, с понятием которой у него связывается отсутствие здоровья, энергии и бодрости духа.

Бог посылает ему испытание — четыре года вдовства — и вознаграждает за терпение. 6 декабря 1630 года он вновь обретает счастье, на этот раз рядом с юной шестнадцатилетней Еленой Фурмен, его новой спутницей жизни. Окрыленный любовью к молодой прелестной избраннице, Рубенс не переставая воспеваеет ее. Она предстает для оза-

ренного ее свежестью и красотой живописца Венерой и Дианой, Вирсавией и Марией.

Состоятельный глава семейства многие дни проводит на лоне природы. У него теперь есть замок Стен в Элевейте. Он любит окрестными красотами и переносит их в свои поздние пейзажи — «Возвращение с полей», «Крестянский танец», «Пейзаж с пастушком» и другие.

Под знаком уюта и спокойствия «тихой пристани» проходят последние десять лет жизни. Рубенс старается не обременять лично себя ответственными заказами, все чаще страдая приступами подагры. Однако королю Испании Филиппу IV, любившему искусство и охоту больше, чем политику, художник отказать не решается. Членов королевской фамилии в охотничьих костюмах пишет Веласкес, но и для фламандцев находится подходящее занятие. Школа Рубенса берется за оформление королевского охотничьего замка Торре де ла Парада и заканчивает работы над крупнейшим декоративным ансамблем в мае 1638 года. Для дворца были написаны 63 мифологические сцены, распределенные Рубенсом между различными художниками. Сам он выполнил предположительно 14 картин, а также около пятидесяти «охот» и сцен с изоб-

ражением животных, за которые отвечали Ф. Снейдерс, П. де Вое и П. Снайерс. Большая часть уцелевших вещей этой серии хранится сейчас в Прадо.

Красивая земная жизнь «Шекспира живописи» (Репин) окончилась в 1640 году в расцвете творческих сил, в зените славы. Его состояние в момент смерти оценивалось в полтора миллиона флоринов, не считая недвижимости. Его художественное наследие не оценимо: более трех с половиной тысяч живописных полотен, написанных лично и вместе с соратниками.

Посмертная опись картин, находившихся в доме покойного Рубенса, зафиксировала наличие более трехсот работ, его собственных и принадлежавших кисти великих мастеров эпохи Возрождения, а также учеников. Из полотен интересующей нас тематики были обнаружены «Охота на утренней заре в лесу», «Большая охота на оленей», «Большая охота на кабанов» Ф. Снейдерса и др.

О П. Рубенсе имеется множество интереснейших исследований. До сих пор не утихают споры об этом гениальном живописце. Его творчество никого не оставляет равнодушным, ибо он, как никто другой, воспел счастье жизни, которое немислимо без Любви, Женщины и Охоты.

22-я Международная выставка

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА РУСИ

НАРОДНАЯ
ВЫСТАВКА РОССИИ

МОСКВА, ВВЦ
7-10 СЕНТЯБРЯ 2007 ГОДА
ПЛАЦЬОН № 69

ОРГАНИЗАТОР
Русская выставочная компания
«ЭКСПОДИЗАЙН»
Тел./факс: +7(495) 181-44-74;
+7 (495) 258-87-86
hunter@expo-design.ru;
www.hunting-expo.ru

**Охота
с подсадным петухом**

Здравствуйте, уважаемые члены редакции! Мне 28 лет, сколько себя помню, занимаюсь охотой, за что огромное спасибо отцу — Павлову Василию Семеновичу, который передал мне охотничьи навыки, привил любовь к природе. По настоянию друзей, разделяющих мою страсть, решил написать вам о случае, по признанию многих, незаурядном...

Год выдался снежным. Лисы к февралю вышли на поля, мышкуя и устраивая дневки под пригревающим солнцем. Вдохновленные этим обстоятельством, наперед зная, что не получу родительского одобрения, тайком снарядил рюкзак живым петухом и двинулся в степь, где накануне видел лис. Спрятав лыжи, забрался на макушку заранее подмеченного стога соломы, расположенного на возвышенности с хорошим круговым обзором. Раздвинул мерзлую солому до сухой и мягкой, сидеть было тепло и удобно, петуха расположил наверху своего укрытия, на всякий случай привязав за ногу, чтобы не пришлось гоняться за ним по полю. На мое удивление, «гроза курятника» не отходил от меня ни на шаг. Более того, пища и шарахаясь от пролетающих ворон, он сползал ко мне. Я упорно воздвигал его на место. Немного освоившись, петух стал осторожно перебирать набитые зерном колоски, щедро оставленные российской техникой.

Осмотрев в бинокль окружающие просторы, в километре заметил мышкующую лису и сконцентрировал внимание на ней. Возрастающий азарт побуждал к активным действиям. Стащив петуха за веревку, попробовал сделать из него подсадную. Петух «не проронил ни слова». Закинул обратно. Освободившись, тот закудахтал, громко хлопая крыльями. Не дав ему успокоиться, потащил назад. Петух орал и упирался. Я осторожно выглянул через просматривающуюся соломку на кромке моей засады — лисица стала ближе. Повторив несколько раз нарабатанные манипуляции с «приманкой», выглянул снова. К моему разочарованию, лиса исчезла. Отгоняя мысль о том, что мы с «Петькой» перестарались, поднялся выше и... чуть все не испортил! Она была в 120-150 метрах!

Бросив взгляд на ружье и переведав дух, моментально прикинул план дальнейших действий. Осторожно стащил петуха и швырнул его посылнее с тем расчетом, что приземлится уже внизу, окончательно заинтересовав лису и отвлекая от меня. Так и вышло. Петух невольно изобразил полет раненого или окончательно деградировавшего животного. Я показался, когда лиса была в 30 метрах. Поспешив, благополучно промазал первым выстрелом. Она с пробуксовкой по твердому насту

бросилась прочь. После второго выстрела закружилась волчком, дав возможность встать один патрон, который окончательно остановил ее.

Петух, нахохлившись, сидел там, где приземлился, готовый отдать Богу душу, только бы побыстрее все закончилось. При моем приближении он не шелохнулся, безропотно дался в руки.

А. ПАВЛОВ

С. Октябрьское Оренбургской обл.

**Возможно, Мюнхгаузен
и не всегда выдумывал**

Уважаемая редакция! Отправляю вам небольшой рассказ, который написан на основе реальных событий. Сама я по специальности геолог. Работала в составе Сосьвинской геологоразведочной экспедиции — ныне объединение «Сосьвапромгеология». Затем работала в школе — преподавала географию и краеведение, ныне на пенсии. Охотничий стаж — более 20 лет.

...Тогда я лишь второй год держала ружье в руках и не переставала вздрагивать от звука выстрела, но тем не менее героически вешала его на плечо и топала на охоту. Покидая полевой лагерь геологов, всем своим видом я старалась внушить работягам-мужикам, а главное себе, что охочусь уже по крайней мере полжизни и ничего на свете не боюсь, хотя, по правде сказать, леса я действительно не боялась, ориентировалась в тайге как рыба в воде и днем, и ночью...

Так вот, коротким осенним днем я притащилась на небольшую лужицу посреди необозримых торфяных болот Западно-Сибирской равнины, вблизи каменистых отрогов восточного склона Приполярного Урала. Я успешно подкралась к парочке плавающих крякв, даже ближе, чем планировала, — на 10 метров. Утки плавали и озадаченно смотрели на меня, а я на них, улетаю они явно не намеревались и всерьез меня не воспринимали. Выстрелить я так и не смогла и решила возвратиться в лагерь. Но только моя голова поднялась над вершиной бугра, как вдруг прямо на меня низко над землей понеслась громадная стая уток. Их поднял с соседнего озера выстрел одного из наших геологов, и все они летели на мою лужу. Не успев опомниться, я вмиг очутилась в гуще стаи. Утки заходили на посадку, переваливая за вершину бугра, где в полной растерянности стояла я. Перепуганные выстрелом, они никак не ожидали моего появления на их пути. Наша встреча состоялась, что называется, «нос к носу». Передние птицы пытались затормозить и развернуться, но на них стеной напирало собратья и не позволяли сменить направление. Вся многоголосая, насмерть перепуганная стая пришла в полный крутящийся и хлопающий сотнями крыльев хаос. И во всем этом вихре в самом центре — я!

Мне стало не по себе. А вдруг они накинута на меня, приняв за хищника. Со всех сторон металась птицы, мелькали крылья, клювы, глаза. Буквально перед самым моим носом я увидела широко раскрытый кричащий желтый клюв с зубчатой пилочкой по краям, с высунутым языком, вытаращенные круглые черные глаза, в упор глядящие на мои столь же перепуганные очи. Такого поединка я не вынесла, плюхнулась ничком в мох, прикрыв голову руками. Мечущиеся птицы все же справились с паникой и улетели.

И тут я подумала: что же это я не стреляла? Да и стрелять бы не понадобилось. Уток можно было ловить руками. Они просто кишели. Я даже не догадалась стрельнуть вслед улетающей стае, а шансы выбить пару уток одним выстрелом были весьма велики.

...Я шла по твердому, как полотно аэродрома, бескрайнему торфяному болоту с чувством неудовольствия и досады от своих охотничьих способностей. Но в то же время на душе было радостно от увиденного и пережитого приключения. И еще я подумала, что в книге о приключениях барона Мюнхгаузена далеко не все выдумка. Например, случай, когда Мюнхгаузен ловил за лапы уток, мог быть на самом деле. Кстати, описание уток, удивленных и перепуганных неожиданным появлением человека, в точности соответствует тому, с чем столкнулась я. И я вполне могла бы поймать рукой утку, что порхала у моего носа.

Т. НЕМШАНОВА
Тюменская обл.

Уважаемая редакция! Хочу описать один случай, который мне пришлось наблюдать из окна своей квартиры. Дело в том, что у нас напротив кухонного окна расположен небольшой участок огорода, куда частенько прилетают разные птицы, в том числе и вороны. А в первых числах февраля этого года я случайно глянул в окошко и обратил внимание на то, что среди черных ворон находится одна птица с необычной окраской — туловище у нее было серое, а голова, крылья, хвост — черные. Это была серая ворона, обитающая почти повсюду к западу от Енисея.

Жаль, что не удалось сфотографировать эту птицу, она улетела и больше я ее не видел. Все бы ничего, но уж больно далеко эту ворону занесло, можно сказать, на край света, ведь это произошло на севере Хабаровского края, на берегу Охотского моря.

Так как я ваш постоянный подписчик, то решил рассказать об этом случае. Письмо уже было написано, осталось только запечатать в конверт и отнести на почту, но сегодня, выглянув в окно, я опять увидел эту ворону, а вместе с ней три черных — все сидят в огороде. Хватаю фотоаппарат, выскакиваю на улицу,

пытаюсь подойти, но ворона замечает меня и улетает, не желая фотографироваться. Похоже, она залетела к нам на постоянное место жительства и у меня еще будет возможность ее заснять.

А. РАХМАНОВ,
начальник отдела госохотнадзора
Тугуро-Чуликанского района

Уважаемый главный редактор! Уже много лет хотела обратиться к вам с одной просьбой и вот наконец решилась. Красота нашего края завораживает: горы, леса, рыба, звери — это волшебная сказка, с которой не хочется расставаться.

Мой муж Логинов Сергей — постоянный подписчик вашего журнала с 1980 года. На протяжении долгих лет он увлекается охотой и рыбалкой. В любое время года, в любую погоду он берет с собой фотоаппарат, постоянную спутницу лайку Юту, и... в лес. А в летний период — обязательный поход на Уральские горы.

В апреле у Сергея день рождения, и я уверена, что самым дорогим для него подарком будет увидеть свое фото в журнале. Очень надеюсь на ваше понимание и душевную чуткость.

Татьяна ЛОГИНОВА
и все друзья Сергея
г. Печора

Тиманский кряж (всего-то 500 м над уровнем моря) является водоразделом между р. Вычегдой и р. Печорой. В таком месте берет начало речка под названием Сойва (впадает в Мылву, Мылва — в великую Печору). Красной рыбы нет, но есть хариус, так как речка ключевая и вода холодная.

На левом берегу стоит деревня Гришестав. В советские годы это было отделение совхоза «Приуральский». Сейчас это — личное подсобное хозяйство, выручает местное население. Годы перестройки помогла пережить тайга, собирали ягоды, грибы. Пушнину добывали мало — не было сбыта, а вот лосей — всех съели. Как в старину берлоги медвежьих продавали помещикам, так сейчас след лосиный можно продать бизнесменам за хорошие деньги.

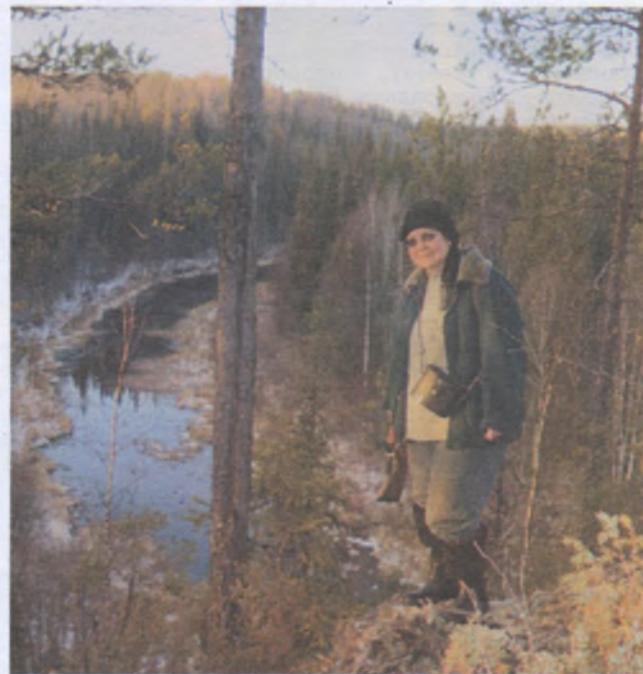
Но охотники у нас не перевелись. Подрастает новое поколение. Попов Борис Сергеевич — гордость родителей. В совершенстве владеет компьютером и увлекается охотой. Сейчас снова начали добывать пушнину — куницу, норку, белку. Прива-

ду выкладывают на лис. Волки заходят зимой в наши края, собак в деревне с их приходом убывает. Встречаются следы рыси, россомахи. Выдра — желанная добыча, но редкая. Медведей много, но эта охота опасна. А в основном добывают рябчиков,

Борис Сергеевич Попов родился 1 января 1992 г.

Ангелина Борисовна Попова

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

глухарь — это уже большая удача. Весной и осенью — уют.

Зимой, как только лед на реке встает, ловят на продольники налимов. Раньше его за рыбу не считали, а теперь десяток рыбинок — большое подспорье к столу: головы и хвосты — на уху, тушки — на сковородку.

Так в заботах проходят дни, месяцы, годы... Жить можно и в этих условиях, а благами цивилизации пользоваться дано не всем.

А. ПОПОВА
Республика Коми,
пос. Нижняя Омра

Здравствуйте, уважаемая редакция! Я ваш подписчик с 1965 года, храню подшивки по годам. Получилась отличная энциклопедия для охотников. Пишу в редакцию впервые, так как всегда находил в журнале ответы на все интересующие меня вопросы.

В данном письме хочу высказать свое мнение по поводу письма А. Гульдина из Саратовской области и Николая и Дмитрия из Волгограда, опубликованного в вашем журнале № 4-2006 г. Я не кинолог и не эксперт по гончим, а просто рядовой охотник-гончатник, правда с 40-летним стажем, и мне понятно возмущение авторов письма, что им продали щенков, имеющих брак, в результате чего впоследствии на выставке они были сняты с ринга. Вина, по моему мнению, здесь некоторых кинологов, которые не относятся принципиально к выбраковке щенков в помете, и заводчиков, которые беспокоятся больше всего не о качестве, а о количестве, то есть действуют по принципу: «больше щенков — больше денег».

Э.И. Шерешевский в книге «Пособие по охотничьему собаководству» (Изд. «Лесная промышленность», 1970) в разделе «Разведение охотничьих собак и племенное дело в охотничьем собаководстве» пишет: «Нормальное количество щенков в помете, которое сука может хорошо выкормить, 5-6. Обеспечить нормальный рост и развитие щенков в больших пометах даже с искусственной подкормкой трудно».

Эксперт-кинолог В.Н. Казанский в своей книге «Гончая и охота с ней» в разделе «Ведение породы» рекомендует многочисленный помет сократить до 6-7 щенков.

Мое мнение такое, что в больших пометах (более 7 щенков) осмотр нужно делать два раза. Первый раз на 2-4 день после рождения и второй раз — не менее чем на 5-6 неделе после рождения. При первом осмотре нужно выбрать 6-7 щенков, самых сильных, крупных и подвижных, а всех остальных выбраковать. А при втором осмотре нужно уделить пристальное внимание недостаткам и различным порокам у щенков. Это дело специалиста-кинолога из охотобчества. И только после этого надо выдавать справки о происхождении щенков. И тогда не будет неприятностей. Авторам письма хочу сказать, что у ярославских гончатников действительно есть прекрасные по экстерьеру и рабочим качествам гончие, в чем я убедился будучи участником Всероссийской выставки русских и русских пегих гончих в г. Ярославле.

Ф. ЕДИНАК
г. Киров

От редакции. Уважаемый Федор Антонович! Действительно, желательное ограничивать число щенков, оставляемых под сукой для выкармливания. Однако для разных пород их количество будет разным, и если гончие или легавые могут без проблем выкормить 7-8 щенков, то западносибирские лайки — 5-6, а, к примеру, карело-финские — 4. И, конечно, если родится 10-12 щенков, отбраковывать надо, но не всякий владелец может это сделать. Искать специалиста? Но где? Вызывать ветеринара — слишком дорого. И эта проблема не так проста, как кажется.

С одной стороны, можно просто не брать щенка из очень большого помета, но с другой — помет может быть интересным с точки зрения рабочих и экстерьерных качеств и хорошо выращенным (см. фото). Тогда собаки получатся вполне полноценными. Но ведь и от нового владельца щенка зависит нема-

ло, а может, еще больше, чем от заводчика. Если даже взять из помета несколько заморенного щенка, но в возрасте 30 дней (не позже) дать ему полноценное питание, много движения на свежем воздухе — вырастет отличная собака. И в то же время взять отличного щенка, например, гончей, посадить его на комбикорм без намека на мясо и в темный сарай или тесный вольер, не давая прогулок, то уверяю вас, вырастет физический урод. И это уже не зависит от количества щенков в помете.

Что касается осмотра щенков специалистом-кинологом, осматривать в возрасте 2-4 дней можно, но еще мало что видно. И даже самый маленький щенок из помета, которого, казалось бы, следовало отбраковать, к месяцу вполне может догнать и перегнать всех остальных.

По положению о племенной работе в охотничьем собаководстве специалист-кинолог должен осмотреть помет в 30-дневном возрасте (не раньше), то есть когда у щенка прорежутся резцы и клыки. Задачей осмотра является: удостоверение в породности помета, наличие 6 резцов сверху и 6-ти снизу, наличие клыков, ножницеобразный прикус; отсутствие прибитых пальцев на задних лапах, отсутствие искривления хвоста и, наконец, соответствующий возрасту шерстный покров. И все! Другие детали в развитии щенка может определить, да и то лишь приблизительно, только узкий специалист по определенной породе.

И, конечно, только после осмотра щенков кинологом и составления Акта осмотра выдается справка о происхождении. Кстати, работа по осмотру щенков, которая требует знаний и времени, оплачивается в таком мизерном объеме, что говорить о том, чтобы еще раз ехать, уже не приходится.

Многие дефекты собаки (если она соответствует признакам породы) — такие, как искривленный хвост или недостаточное количество резцов, — это явный недосмотр кинолога. Таким щенкам выдается справка с пометкой «Племенной брак». Это же записывают и в Акте осмотра. Остальные дефекты, которые могут проявиться у собаки, например клещеобразный прикус, предусмотреть невозможно. Так что приобретение щенка — это в определенной степени риск, и чтобы он был возможно меньшим, следует: 1) хорошо ознакомиться с родителями будущего щенка, хотя бы по родословной (оценки, дипломы); 2) желательно ознакомиться с их потомками, если они были; 3) брать щенка из помета, полученного по рекомендательному плану воспроизводства породы; 4) осмотренного и одобренного кинологом и, наконец, 5) выбрать из помета самому, при этом стоит учитывать, что крупный щенок не обязательно самый лучший, часто он бывает излишне тяжелым.

Л. ГИБЕТ
11 щенков английского сеттера. Если щенков хорошо выращивать и кормить, то можно оставить и весь помет.

Фото И. Филипповой

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

МАЛЫЦЕВ В. Возродить дух охотничьего собаководства	1
КАЛИНИН М. Школа охоты	2
СЕВАСТЬЯНОВ А. Середина лета	4
ГУСЕВ О. Не будем пускаться в затейливость	6
БЕРЕСТОВСКИЙ Е. Охотничий и рыболовный туризм: две стороны одной медали	7
ВЕХОВ Н. Охоты в Центральной Азии. Из путешествий Н. М. Пржевальского	10
ТИШКЕВИЧ С. Бухарский олень	14
ЖУРАВЛЕВ Ю. Моя первая промысловая охота	16
ОКУНЬ В. Охота на медведей... на дубах	19
КУЧЕРЕНКО С. Барсук — лесной мелиоратор	20
АСТАФЬЕВ Н. Что делать в случае утраты оружия?	23
АЙРАПЕТЬЯНЦ А. Русские спаниели	24
ЕГОРОВ О. Отечественные гончие — подведение итогов II	26
ЖИТЕНЁВ Д. Советы бывалых охотников. Гуси из гофрокартона	27
БЛЮМ А. Об убийном действии пуль	28
ВАЛЬНЁВ В. Замена бойка на ружье ИЖ-27	30
МАСЛОВ Ю. Йохан Калецкий	32
БУЛГАКОВ М. Русские писатели охотники. Петр Дмитриевич Боборыкин	34
БОБОРЫКИН П. Псарня	35
ГРЕКОВ В. Сибирский гусь	38
ПАНКРАТОВ В. Певец радости жизни	42
<i>Курьезы охотничьей жизни</i>	45
<i>Письма читателей</i>	46
<i>Реклама</i>	13, 31, 44
ШИШКИН В. Воробьиные	48

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висяцьев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**

Художник **Т. В. Баженов**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**

Корректор **Л. Н. Иконникова**

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 15.05.2007 г. Подписано к печати 07.06.07 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 26300 экз. Заказ 5330. Цена 40 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00

отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ВОРОБЬИНЫЕ

В семействе славковых камышевки, сверчки и близкие к ним виды освоили в основном водно-болотные угодья, в отличие от пеночек и славков (о них см. № 6), отверженцев соответственно лесных и кустарниковых местообитаний. Камышевки и их ближайшие родственники — одни из самых трудноопределяемых птиц. Держатся скрытно, в окраске обычные буровато-серые тона, в песне много трескучих, скрипучих, жужжащих звуков, иногда чередующихся с пересмешничеством других видов, часто «чэкают». Селятся отдельными парами, но в труднодоступных тростниковых зарослях можно найти конусообразные прикрепленные к стеблям гнезда камышевок менее чем в 10 м друг от друга, почти колонию. У сверчков гнезда свиты обычно менее аккуратно, расположены ближе к земле, бывают с крышей. Наиболее крупная и широко распространенная у нас (от юга лесной зоны до пустынь, от Балтики до Сахалина) — **дроздовидная камышевка** (вес до 35 г, размах крыльев до 30 см). От Алтая до Приморья с ней может соседствовать чуть более мелкая **толстоклювая камышевка**, отличающаяся также ступенчатым хвостом (более характерным для сверчков) и отсутствием белой брови. Остальные 8 видов наших камышевок схожи по размерам (вес до 15 г, размах крыльев 15-20 см), окраске, многие обитают вместе. Только на Дальнем Востоке и в Забайкалье встречается у нас **чернобровая, или пестроголовая, камышевка** с заметной черной полосой над белой бровью. На юге Европейской части России, на Кавказе, Украине и в Ср. Азии гнездится **тонкоклювая камышевка**, рыжеватая с темной головой. Похожа на нее, но распространена шире (на север до Карелии и дельты Енисея) **камышевка-барсучок** с более светлой головой и спиной, характерен токовый полет. Похожа на барсучка и загадочная **вертлявая камышевка** со светлой продольной полосой на голове. Исчезла на значительной части российского ареала (ранее доходила до Томска). Внесена в Красную книгу России. Из одноцветных камышевок южнее других расположены ареалы отличающихся белой бровью **индийской** и **тростниковой камышевок**. Последняя очень похожа на более широко распространенных на север и восток **болотную** и **садовую камышевок**, но более рыжевата, ноги темные. У болотной тона серее, заметно белое кольцо вокруг глаза, светлая кайма на маховых. Самый крупный из сверчков, обитающий в Сибири, темный **таежный сверчок** (вес до 30 г). Дальше на север продвинулся **певчий сверчок**. От более мелкого, расселяющегося на запад **пятнистого сверчка** отличается одноцветным охристым подхвостом, белыми каймами на рулевых и третьестепенных маховых. Побережье Охотского моря занял **охотский сверчок**, похожий на певчего, но без пестрин на спине. Преимущественно в Европейской части России гнездится **речной сверчок**, отличающийся от близких видов, в т.ч. от идущего дальше на восток **обыкновенного сверчка**, пестринами на груди и белым горлом. На юге России, Украине, в Ср. Азии встречается **солovieвый сверчок**, однотонно-коричневатый сверху, брюхо беловатое. Промежуточное положение между камышевками и сверчками занимает таинственный **японский сверчок** (или камышевка), внесенный как редкий вид в Красную книгу России, замеченный на оз. Ханка и в ряде других мест юго-востока Сибири. Брюшная сторона светлая, спинная — бурая с пестринами. Также родственны камышевкам и сверчкам **сибирская** и **малая пестрогрудки**, гнездящиеся на юге Сибири, буроватые сверху, с пестринами на горле и груди. Сибирская крупнее и светлее малой. Такой же промежуточный статус у строящей шарообразные гнезда на Дальнем Востоке короткокрылой камышевки, самки которой заметно меньше самцов. От дроздовидной камышевки отличается ступенчатым хвостом, от толстоклювой — белой бровью и коротким клювом. По югу России, от Кавказа до Алтая, встречается **солovieвая широкохвостка**, от камышевок и сверчков ее можно отличить по широкому хвосту, от солovieв, кроме того, по белой брови. Больше похожа на мелкую пеночку или крапивника обитающая в глухих, влажных лесах Приморья **короткохвостка** (вес около 10 г). Гнездится на земле. Характерна белая бровь, хвост, как крапивник, не задирает. Сведения о распространении вертлявой камышевки и японского сверчка (описания, фотографии, записи голосов) представляют большой научный интерес.

В. ШИШКИН

Камышевка-барсучок

Вертялая камышевка

Дроздовидная камышевка

Садовая камышевка

Толстоклювая камышевка

Охотский сверчок

Тростниковая камышевка

Таежный сверчок

Обыкновенный сверчок

Речной сверчок

Певчий сверчок

Болотная камышевка

Японская камышевка

Тонкоклювая камышевка

Пятнистый сверчок

Чернобровая камышевка

Соловиный сверчок

Сибирская пестрогрудка

Индийская камышевка

Короткохвостка

Соловиная широкохвостка

Малая пестрогрудка

Короткокрылая камышевка у гнезда

дроздовидная камышевка

охотский сверчок

японская камышевка

Индекс 70673 — на полгода. Цена 40 рублей

USSN 0131 — 2596. Охота и охотничье хозяйство, 2007. № 7. 1—48.